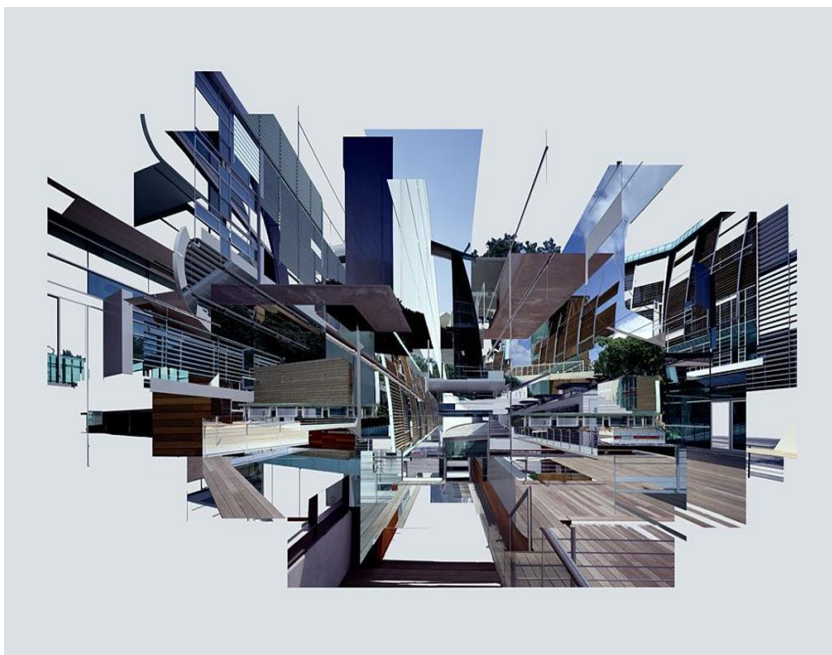


**В.В. БАРКОВА**

# **КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО**

Учебно-методическое пособие



Челябинск

2023

Министерство просвещения Российской Федерации  
Федеральное государственное бюджетное  
образовательное учреждение высшего образования  
«Южно-Уральский государственный  
гуманитарно-педагогический университет»

**В.В. БАРКОВА**

**КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО**

Учебно-методическое пособие

Челябинск  
2023

УДК 008 (076)

ББК 71я7

Б 34

**Баркова, В.В.** Культурное пространство: учебно-методическое пособие / В.В. Баркова. – Челябинск: Изд-во Южно-Урал. гос. гуман.-пед. ун-та, 2023. – 186 с. – ISBN 978-5907790-05-6. – Текст: непосредственный.

В пособии «Культурное пространство» освещены узловые вопросы истории и теории культуры, ее типы и формы, раскрыты социальные функции культуры и её структурные блоки.

Пособие предназначено для студентов заочной и дистанционной форм обучения и выполнено с учетом требований Федерального государственного образовательного стандарта.

Эксперт: д-р филос. наук С.В. Борисов

Рецензенты: О.Э. Иванова, д-р филос. наук

Ж.Г. Почивалова, канд. пед. наук, доцент

ISBN 978-5907790-05-6.

© В.В. Баркова, 2023

© Издательство Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, 2023

## СОДЕРЖАНИЕ

<b>ВВЕДЕНИЕ</b> .....	4
<b>ГЛАВА 1. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ДИАЛЕКТИКИ КАТЕГОРИЙ «ПРОСТРАНСТВО – ВРЕМЯ – КУЛЬТУРА»</b>	
1. Особенности формирования континуума культуры: историко-философский срез .....	27
1.1. Пространство и время в предфилософском мышлении человека о бытии культуры .....	27
1.2. Рассуждения античных и средневековых мыслителей о развитии культуры в континууме этих веков .....	48
1.3. Новое время и расширение влияния культурного пространства на цивилизованное становлении наций .....	75
2. Пространство культуры и культурное пространство .....	86
Выводы по первой главе .....	106
<b>ГЛАВА 2. ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА И СТАТУС КАТЕГОРИИ «КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО»</b>	
1. Модели структурирования культурных пространств. Морфология культуры .....	110
2. Субъектно-субстанциальная основа ытийного развития культурного пространства как многомерной целостности .....	147
Выводы по второй главе .....	162
<b>ЗАКЛЮЧЕНИЕ</b> .....	169
<b>ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ</b> .....	173
Список рекомендуемой литературы .....	173
<b>Задания для самостоятельной работы</b> .....	174
Список рекомендуемой литературы .....	178
<b>БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК</b> .....	180

## ВВЕДЕНИЕ

Культура, по мнению К. Маркса, озвученному в «Капитале», является приоритетной темой для изучения, ибо это «культивирование всех свойств общественного человека и производство его как человека с возможно более богатыми свойствами и связями, а потому и потребностями, — производство человека как можно более целостного и универсального продукта общества» [1]. Однако, пожалуй, главную суть ее ярко выразил известный философ Мамардашвили: «Культура — это усилие человека быть» [2]. Действительно, для того чтобы стать человеком, мало иметь изначальные природные данные и благоприятные социальные условия. Индивиду необходимо внутренне (духовно) стремиться управлять самим собой. Еще древние говорили, что становиться человеком не очень сложно, но вот быть им — это всегда подвиг.

В «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс, развивая свои взгляды на исследуемую проблему, писали, что «для нас действительные предпосылки, с которых мы начинаем, суть действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни, как те, которые они находят уже готовыми, так и те, которые созданы их собственной деятельностью», ибо «первая предпосылка всякой человеческой истории — это, конечно, существование живых человеческих индивидов» [3, с. 25]. Таким образом, для К. Маркса предпосылкой всякой человеческой истории являются люди, взятые не в фантастической замкнутости и изолированности, а в своем действительном, наблюдаемом

эмпирически процессе развития, протекающем в определенных условиях. Одним из главных аспектов рассмотрения культуры неминуемо становится тот факт, что наличие культуры совпадает с историей человеческого общества. Человек, как он изначально появился на свет, представлял собой природно-биологический вид, появление которого обусловлено непроявленными событиями эпифеномена эволюции живого и биосферы. Процесс отпадения реликтовой холонности нижних системных уровней организации живой природы на каком-то этапе запустил бифуркационный феномен «эволюционного парадокса», который стал началом формирования ограниченного рамками мировых констант вида живой системы с определенным набором природно-биологических качеств. На основе чего в процессе эволюционирования зарождается человеческая психика и осуществляется переход вида на этажи антропокультурогенеза. Но природой рождается всего лишь некий биологический материал возможных человеческих событий и состояний.

В человеческом же качестве он осуществляется только в процессе самосозидания.

Взаимодействие человека с окружающей средой включает в себя и вещественную среду, и психодуховные факторы. Человек как система систем, вложенная в другие системы миробытия, бытийствует и развивается по законам, по которым живут сложные органические системы и фундаментальным в той же мере, что и законы физики. Сложность природной организации человека обнаруживает себя в том, что он развёртывает своё бытие одновременно в трёх разных реальностях. В мире внутреннем — собственной субъективности, духовном мире, и в мире внешнем — формах

предметно-практической деятельности в окружающей его природе и формирующемся сообществе.

Жизнь любого биологического вида центрирована его потребностями, среди которых важнейшей является потребность размножения: ведь ее реализация является гарантом воспроизводства новых поколений видов и прибавления ступенек в феномене эволюционной лестницы. Можно сказать, что животное не принадлежит себе, а принадлежит эволюционному закону. И в этом заключается высший смысл существования любого животного вида: стать исходным материалом для нового видообразования, предоставив генетический материал для мутационной изменчивости и наследственного отбора. Таким образом, любое живое существо принадлежит своему виду, и через него — целостному эволюционному дереву, корни которого уходят в глубину миллиардов лет, а вершина теряется в неопределенной бесконечности будущего жизни. Это единое и фантастическое дерево эволюции, существующее на планете вот уже на протяжении трех с половиной миллиардов лет, как бы специально возвращено природой, дабы опровергнуть фундаментальный закон возрастающей энтропии. Физика утверждает, что нормальным способом развития любой изолированной системы является развитие от сложных и неустойчивых состояний к состояниям простым и устойчивым, так что, чем более сложны и неустойчивы какие-то системы, тем меньше их вероятность быть. Как замечает Илья Пригожин, «для изолированных систем будущее всегда расположено в направлении возрастания энтропии» [4]. Таким образом, под влиянием естественных физических процессов любая система стремится к термодинамическому равновесию, т.е. к состоянию с максимумом энтропии.

Жизни «глубоко чужды модели термодинамического равновесия». Суть процесса эволюции состоит в подчеркнутой антиэнтропийности и постоянном усложнении жизненных форм, в силу чего любое конкретное живое существо является участником этой глобальной антиэнтропийной мистерии. Причём собственная жизнь не имеет субъективного смысла для животного, поскольку смысл ее объективен: она есть всего лишь материал эволюционной лестницы. При этом животное равнодушно к собственной археологии: ему дела нет до того, какие формы жизни, какие удивительные виды бесследно исчезли миллионы лет назад. Она вся в настоящем, она вся сейчас, и ей не нужна память о тех фантастически разнообразных мирах, которые были ею созданы в прошлом. Составив фундамент, почву для новых видов, эти миры умерли, и новые формы жизни живут без оглядки на то, что им когда-то предшествовало. Все, что оно делает в течение жизни, как бы заранее встроено в общебиологический смысл эволюционной лестницы. Внешний мир для животного — это всего лишь среда, по отношению к которой оно осуществляет траекторию своего выживания, воспроизведения себя в потомстве, и которая принципиально задана на уровне его генетической программы [5].

Когда же *Homo sapiens* начал осознавать себя существом, отличающимся от животных, в его жизни появляется потребность в самоосуществлении себя среди других подобных себе существ. Не имея чёткой инстинктивной матрицы выживания в природных условиях, человек бессознательно стал подражать животным, прочно укоренённым в природе. Склонность к подражанию имела далеко идущие последствия. Она изменила способ существования человека, его мышление. Подражание стало для первых людей трампли-



ном к самоосуществлению за границами видовой нормы. Самосознание и кристаллизация ценностно-смыслового опыта освоения предметной среды обитания способствует тому, что в ментальных структурах человеческой самости начинают прорасти некие структуры духовности, которые становятся фундаментом креативных потребностей человека. Осваивая окружающий мир и самоосуществляя себя в нем, человек в отличие от животного, которое производит только самого себя, «воспроизводит всю природу», «по меркам любого вида и всюду он умеет прилагать к предмету присущую ему мерку» [6, с. 93–94]. У него образуется смысл его бытия, задачи действий в природе и цель. Укореняясь в природном и предметном мире, человек «опредмечивает самого себя в нем», утверждая этим свою индивидуальность.

Обживая пространство и ландшафты расселения, он создает предметы, способные облегчить его собственное выживание среди других и чужих: это связано с охотой, оборонной, разделкой туш, распределением пищи, возведением укрытий от непогоды, освоением географического пространства, климата, флоры и фауны. При этом результаты деятельности одних субъектов становятся предпосылками для деятельности других. В итоге, любой предмет превращается в посредника между людьми, становится носителем общественных отношений и социальной коммуникации. **Тем самым человек формирует вторую природу — пространство и мир культуры**, отражающие рождающийся человеческий образ жизни и предполагающие соответствующие ему способы поведения и самоосуществления себя.

Предметное разнообразие создаваемого пространства культуры стало внешней формой демонстрации достигнутого, но действительным её содержанием было развитие

самого человека как общественного существа, то есть многомерное совершенствование его отношений с другими, собственного телосознания, способностей и потребностей.

*Ното* как бы перестает служить великому эволюционному закону жизни, который ставит каждое живое существо в жесткую зависимость от потребности в размножении и продолжении рода. Он усмиряет свою свободную сексуальность и подчиняет ее им же самим выдуманному правилам, сводящим до минимума поставку генетического материала для эволюционного отбора и нового видообразования. Он вводит жесткие рамки выбора сексуальных партнеров и т.д. Вступает в противоречие с законами естественного отбора и обеспечивает выживание даже самых неприспособленных и биологически слабых представителей своего вида, тем самым как бы перерезает пуповину, связывающую его с законами эволюционного видообразования.

Однако главное даже не в этом, а в том, что для него изменяется статус самой природы. Природа вообще перестает быть для человека просто условием и средством осуществления жизни. Создавая пространство культуры, человек мысленно набрасывает на всю окружающую его природу, окружающий его мир, сетку культурных кодов. Он именуется все, что его окружает, навязывая каждому предмету природного мира его иные глубочайшие начала — культурные смыслы, не имеющие ничего общего с органикой объективно-природного существования этих предметов. Он как бы удваивает природу, поскольку к природе, которая существует сама по себе, как предпосылка, средство и условие жизни, добавляет параллельную природу, в которой каждый предмет оказывается нагружен особой семантикой культурных шифров. Это проявляется, в частности, в том, что каждый

предмет природы получает свое персональное имя и свою историю, свой корень неба и земли.

Каждая этническая культура осуществляет свои акции удвоения. И множественность этих акций удвоения свидетельствует о новом качестве существования самого мира для человека. Мир всякий раз заново удваивается в каждом новом культурном зеркале и поскольку культурных зеркал огромное количество, то приходится говорить о своеобразной культурной мультипликации мира, когда нет единого мира, а есть множество его культурных отражений через сети значений, в которых человек улавливает и расшифровывает смыслы манящей его реальности бытия. При этом он проецирует родовые сущностные силы на обстоятельства собственной жизни, воспроизводя основания её во вне-себя, в которых мультиплицируются опыты по освоению реальных миров, как собственного, так и других. Очевидно, что появление культуры имело свои имманентные задачи, отнюдь не сводимые к обеспечению потребностей человека.

Человек расшифровывает те или иные явления окружающей природы вне зависимости от того, имеют ли они для него жизненный смысл или нет. Мир, нагруженный культурными шифрами, культурной семантикой, впервые становится интересным человеку универсально, во всем своем горизонте реального объема, а не как условие выживания и продолжения рода. Иначе говоря, весь окружающий человека мир становится сложным культурно-семантическим шифром. Правда, это уже не природа сама по себе, а природа, поставленная в культурный контекст. Не выборочно — под углом зрения иерархии биологических потребностей, как это происходит у любого живого вида, а целиком. Эту особенность человеческого поведения Маркс

охарактеризовал как феномен человеческой всепредметности. Ключ к этому универсальному интересу находится в особом механизме культурных шифров или культурного поименования, которое любой предмет окружающего мира ставит в контент диалога с человеком, открывая при этом в природе массу полезного для человека и веер смыслов использования этого в жизни.

Человек — единственное существо, которому со временем открывается бытие. Оно входит в его опыт не посредством знаний о чем-то, а посредством действия, через потребность человека обустроить, окультурить ойкумену своего бытования, что находит отражение в её конкретных проявлениях на протяжении горизонта освоенных связей и отношений, которые непостоянны и изменчивы, как и все сезоны природы, как сама становящаяся сущность природы человека, пытающегося укрощать свои природой заданные инстинкты. И в этом непостоянстве культура как процесс, предполагающий внутреннюю сложность, вариативность, выступает в виде истории, рода, племени, союза племен, в которой культура — явление, существующее во времени. Если говорить о масштабах освоения дикой природы, т.е. пространстве культуры, то здесь она сохраняет пространственные следы в неких целостных состояниях: тропы связи между дружественными поселениями, следы обустройства в пещерах, рецептурные замесы растворов для придания прочности заградительным устройствам и т.д. Пространственная составляющая культуры, как правило, дана нам в ощущениях. Время же предстает перед мышлением в своих конечных результатах, в «содеянном», в произошедшем.

Но без слова любому действию не хватает измерения, в котором человеческое бытие могло бы выразиться. Язык становится тем исходным инструментом, внутри которого человеческое существо впервые оказывается в состоянии отозваться на бытие. Местом укоренения бытия человека становится мир повседневности. М. Хайдеггер определил его как «мир забот», пространство человеческого опыта, горизонт целей, необходимый для любого явления жизни, чтобы оно могло быть воспринято. У ранних *homo* первоначально появляется протоязык — жестовый, музыкальный или лексический, а может, имели место и все они сразу. Постепенно отбор и культурная эволюция способствовали становлению лексического протоязыка. Конечно, сначала никакого сложного синтаксиса не было — это черта уже полноценного языка. Общались люди при помощи простых имитаций звуков и слогов, затем простейшими их комбинациями. Позднее (не ранее *Homo heidel bergensis*) появились настоящие слова, которые произвольно наделялись разными значениями и в совершенно случайном порядке. Скажем, слово «еда» ещё нужно правильно интерпретировать — хочет говорящий есть или предложить еду, сообщить о запасах еды или намерении пойти на охоту. Только появление синтаксиса у *Homo sapiens* значительно все упростило. Оказалось, слово *A* можно связать не только со словом *B*, но и со словами *L*, *F* и другими в любом порядке. Так сложился аналитический язык, наследуемый сообществом. Эта деятельность, в свою очередь, и составляет основу познания, обрекая человека на предметную активность, совершенно не связанную с потребностями его организма, благодаря которой он входит в универсальный диалог с окружающим его миром.

При формировании этнических языков мы встречаемся с фактом удивительно богатого языка, с помощью которого оказывается поименована вся окружающая человека реальность, причем в ее мельчайших деталях. Если для африканского племени для выживания важно различать оттенки зеленого, то, например, чукчи различают около сорока оттенков белого, каждый из которых обозначает разное состояние снега. При том каждое имя носит оттенок имени собственного и представляет собой некий культурный шифр, предполагающий в слове множество семантических оттенков.

Многомерность мира отражается в биопсихической целостности человека в разных его способностях, состояниях и свойствах. У него формируются «Я» материальное, «Я» социальное, «Я» духовное. Являясь открытым сложноорганизованным феноменом, человек, осваивая среду своего обитания, изменяет себя, ментальность, самость как целостно организованное единство многообразных качеств. Пространство культуры оказывается глубоко избыточным по отношению к непосредственным жизненным (биологическим или физиологическим) потребностям человека. Каждый предмет открывается человеку сотнями своих сторон и оттенков, которые, в общем, совершенно не нужны ему как живому существу, а навязаны необходимостью семантической дешифровки языка. И это характерно для любых исторических культур. Шок от необходимости выбирать, поскольку структуры биологического выбора не срабатывают, порождает вопрос о предельном смысле — о смысле самой жизни. Если бы человеческая жизнь сводилась исключительно к удовлетворению биологических потребностей, вопрос о смысле не возникал бы вовсе. Человек ест, спит, пьет

и т.д. не потому что у этой деятельности есть какой-то смысл, а потому, что все это заложено у него на уровне базовых биологических потребностей, и он не может всего этого не делать. Свободный выбор не связан с удовлетворением физиологических потребностей. Это выбор, который осуществляется не за меня, а мною самим, посредством моего личного волеизъявления. Это выбор, который принадлежит самому человеку, и потому это трудная ситуация, поскольку вся мера ответственности за сделанный выбор носит персональный характер.

И для того, чтобы такой выбор совершить, нужна какая-то априорная сетка ценностной размерности, которая давала бы человеку возможность сориентироваться там, где не работают биологические механизмы отбора. Теперь основная жизнь человека совершается далеко за пределами границы инстинктов. Ее подлинные границы — границы культуры, а культура предполагает известную свободу выбора, когда человек может делать что-то, а может и не делать. И зависит это исключительно от его личной позиции по этому поводу, от того выбора, который сделает сам человек и который способен изменить его жизненный маршрут. Человек несет личную ответственность за траекторию своей жизни. Касается это отнюдь не только тех экзистенциально-драматических ситуаций, выбор в которых самым решительным образом меняет траекторию человеческой жизни. Любой свободный выбор требует от человека наличия каких-то предельных оснований отсчета, которые позволяли бы ему совершать этот выбор.

Однако представители вида *homo* демонстрируют совершенно невероятный разноразличий жизненных стратегий и жизненных сценариев — как раз то, что именуется культу-

рами. Каждый человеческий индивид претендует на свой, индивидуальный способ мироотношения, на свое, индивидуальное мировоззрение, родной язык, традиции как основу независимого ценностного упорядочивания мира.

Человек генетически привязан к своему пространству культуры. Оно для него просто экологическая ниша, в которой он формирует как себя, так и окружающую его действительность, перерабатывая ее в культурную «вторую природу», позволяющую быть человеку человеком, поскольку он обустроивает в лоне пространства культуры свое культурное пространство.

Культурное пространство становится открытым полем вытаскивания тайных свойств и возможностей природы из неё самой. Эти тайные свойства и возможности природы, неизвестные ей, и только благодаря возникновению феномена культуры и её шифров происходит их манифестация человеком, что позволяет рассматривать культуру в целом как способ вытаскивания из природы таких ее возможностей и свойств, которые в ней сами по себе никогда и ни при каких условиях актуализированы быть не могут.

Человек вообще появляется на авансцене жизни с некоей познавательной культурной претензией, совершенно неизвестной живому миру. Суть этой претензии заключается в том, что мир для человека интересен весь, независимо от того, соответствует ли это структуре его видовых биологических потребностей. Как у живого вида, у человека есть некий спектр потребностей, который определяется на генетическом, видовом уровне, т.е. существует врожденный механизм отбора значимых факторов внешней среды. Однако наличие такого рода врожденного видового механизма отбора имеет для него второстепенное и даже третьестепен-



ное значение. Это проявляется в интересе человека к миру тех нейтральных предметов и явлений, которые с точки зрения видовой программы должны оставлять его равнодушным, поскольку не предусмотрены логикой его видовой организации. Поскольку у человека привычки, потребности, интересы носят надвидовой характер, то это значит, что у каждого индивида они личностны, имеют неповторимый характер и являются личным предпочтением, личным выбором того или иного конкретного индивида.

Свобода выбора, демонстрируемая человеком, приводит к тому, что различные представители вида *Homo Sapiens* ведут себя так, будто они являются представителями различных видов. И нет ни одного предметного предпочтения, которое можно было бы охарактеризовать как универсальное для всех представителей этого вида. Ни один интерес, присущий той или иной человеческой особи, не может быть назван общевидовым: всегда найдется множество людей, для которых этот интерес будет совершенно несущественным. Но если человеческий интерес к миру детерминирован не видовыми потребностями, как у всех прочих животных, не общим для всех представителей данного вида генетическим механизмом, то чем же он в таком случае детерминируется? С нашей точки зрения, он детерминируется деятельным укоренением культурного пространства бытия человека совместно с другими.

Через взаимодействие с миром культуры человек учился строить самого себя и свой этнический мир, который у каждого человека свой. Именно через созидание культурного пространства и акцентирование его отличий от культурных пространств других этнических групп человек стано-

вится самим собой, саморазвивается и самоактуализация его личности.

В.В. Ильин писал [7], что жизненный путь человека вполне моделируется как траектория движения точки в фазовом пространстве. При этом направление движения зависит от точек притяжения, которым в синергетике соответствуют представления о «странных аттракторах», а в гуманитаристике — гуманитарные инварианты, целерациональные абсолюты, фундаментальные ценности, движущие поведением индивида.

Целостный человек культуры — это результат синергетического развития и организации природно-биологических, психических и социальных качеств, не редуцируемых и не суммируемых друг с другом. При этом свойства человеческой природы парадоксальны. Человек почти выключен из органического природного мира, хотя и укоренён в нём. Он — природное создание, и в то же время иноприроден, постоянно выпадает из её лона. Человек рождается в природе, но живёт в обществе. У него есть инстинкты, но есть и иные программы ориентаций — социальная, культурная, интеллектуальная, духовная. Сознание и бессознательное создают радикальные формы мировосприятия. С философской точки зрения природа человека есть диалектическое единство начал противоположного свойства.

На протяжении всей истории развития философии вопрос о выделении человека из мира животных решался как вопрос о том, что актуализировало процесс выделения человека из лона природы. Классические памятники: «Беседа разочарованного со своим духом», «Дао дэ Цзин», «Канон перемен», «Упанишады», «Махабхарата», «Талмуд», «Библия», «Коран», складывали образ человека, его многоликого

проявления себя в мире по крупицам, излагали свои видения культурного пространства и человека в нем аллегорическим языком метафор и катахрез.

Культура существует не абстрактно, она неизбежно привязана к конкретному пространству жизнедеятельности человека. В связи с этим среди подходов к изучению начал культуры начинают выделять позиции изучения ее с точки зрения пространственно-временных факторов её существования: как пространство культуры и культурное пространство.

Как и другие состояния бытия, культура обладает характерными особенностями. Она существует в мире относительно самостоятельно и объективно к любому действительному субъекту; её бытие разворачивается в двух физических измерениях: времени и пространстве, воплощающих всю глубину и многогранность человеческого бытия [8]. Она способна саморазвиваться и самоконструироваться, т.е. она обладает движением в пространстве и времени. Благодаря подсчетам американских антропологов А. Кребера и К. Клакхона [9], можно привести следующие данные. В период с 1871 по 1919 годы наука пользовалась семью определениями культуры. С 1929 г. по 1950 г. количество определений культуры возросло до ста пятидесяти. А. Моль в книге «Социодинамика культуры» (1968 г.) насчитывает уже двести пятьдесят определений культуры. Собственный взгляд на культуру ученый высказал в следующем определении: «Культура — это интеллектуальный аспект искусственной среды, создаваемый человеком в ходе своей социальной жизни» [10]. Как видим, при определении культуры французский ученый придерживается деятельностного подхода.

В настоящее время определений культуры насчитывается более пятисот. В отечественную гуманитарную науку понятие культурологии было введено в 1960-е годы А.Я. Флиером, автором истории культурологии в России. Учёный также познакомил научное сообщество с культурологическими взглядами Л.А. Уайта, который считается основателем культурологии.

Культурологи выделили шесть типов определений культуры.

1. **Описательные** — представляют собой перечисление — «описание» — всего того, что относится к культуре. В определениях такого типа культура понимается как «совокупность накопленных обществом в результате деятельности материальных и духовных ценностей» (А. Моль, Э. Тайлор).

2. **Исторические** определения уделяют внимание, прежде всего, процессам наследования культурного опыта новыми поколениями (Э. Сепир).

3. **Психологические** определения характеризуют способности адаптации человека к среде, формирование определенной модели его поведения, не свойственной ему от рождения (К. Уислер, Т. Карвер).

4. **Нормативные** — основаны на представлениях о нормах и ценностях, характерных для определенного типа культуры (А. Кребер, А. Келлер).

5. **Структурные** определения акцентируют внимание на структурной организации культуры. Основоположителем структуралистского подхода считается французский этнолог К. Леви-Стросс (1908–2009), который понимал культуру как знаково-символическую систему, в основе которой лежит язык. Исследуя формы языка, можно понять смыслы,

заложенные в культуре. По мнению К. Леви-Стросса, культура может рассматриваться как «ансамбль символических систем», к которым относятся язык, искусство, религия, наука.

**6. Генетические** определения описывают культуру с точки зрения ее происхождения. Выделяют четыре группы генетических определений, в основе которых лежат идеи, символы, представление о культуре как продукте, а также представление о культуре как о том, что «отличает человека от животных» (В. Оствальд, Л. Уайт).

В. Степин рассуждает о культуре как системе исторически развивающихся надбиологических программ человеческой жизни (деятельности, поведения и общения), обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях [11, с. 11]. Он отмечает, что эти программы представлены в культуре многообразием знаний, норм, навыков, идеалов, образцов деятельности и поведения, идей, гипотез, верований, целей, ценностных ориентаций и т.д. В результате они образуют исторически накапливаемый социальный опыт. Таким образом, согласно данной концепции культура — это своего рода собрание и хранилище этого опыта, передающегося от поколения к поколению. Следует отметить, что сходное понимание культуры как своего рода надбиологического кода предлагал и известный американский исследователь К. Гирц, полагавший, что «человек — это животное, наиболее безнадежно зависящее... от таких культурных программ в деле упорядочения своего поведения» [12, с. 56].

Попытки установления неких пределов в определениях культуры предпринимали различные мыслители — М.М. Бахтин, К. Гирц, А.С. Кармин, О. Конт, С.Т. Мелюшин,

А.Ф. Лосев, К. Леви-Стросс, М. Мамардашвили, Л. Леви-Брюль, А. Моль, А. Пятигорский, В. Степин, М.В. Тросников, Э.Б. Тайлор, А.И. Уваров, П.А. Флоренский, Э. Фромм и т.д.

Культура в обществе выступает не менее чем в двух ипостасях: **во-первых**, как некий особый мир, противостоящий природе, но существующий в реальности вне и независимо от желания и воли людей. **Во-вторых**, культура бытийствует именно в качестве такой реальности, которая невозможна без сознательной деятельности людей. Двойственность культуры обнаруживает себя в любых результатах деятельности, обладающих длительностью и протяженностью, она «присутствует» в динамике и статике, во времени и пространстве. В этих своих качествах культура равнозначна бытию человеческого общества и человека, выступая как способ этого бытия.

Культура как состояние человеческого бытия включает в себя деятельность, все ее виды и формы, результаты этой деятельности, разного рода отношения, стихийно складывающиеся на базе природных «вызовов» и экологических катастроф, знаки и знаковые системы, интеллект как в его действительности, так и возможности. Таким образом, культура как состояние человеческого бытия охватывает не только закономерное, но и то случайное, что наполняет пространство бытия общества, человека и личности. Мир культуры изначально интерсубъективен. Он не имеет аналогов в реальной действительности, произрастая вокруг человека делающего, творящего, мыслящего, любящего, страдающего. Человека, который через акты спонтанной или целенаправленной проекции занимается сотворением культурной деятельности, утверждает себя в ней и подтверждает её в себе.

Смысловой выбор полей деятельности в культурном пространстве для приложения творческих сил и ответственности всегда были мерой интеллектуальной и культурной зрелости человека. Смысл, как содержание человеческого бытия, понятый через призму культуры, выступает в роли посредника в отношениях человека с миром и самим собой. Он адресован не только разуму, но и неконтролируемым глубинам души, чувствам, воле. Культура в этой структуре момента предстает как состояние, соединяющее самые различные по качеству ценности, «знаковости», дискурсы, объединяющее и придающее им качественную определенность в конкретном континууме природного, общественно-го и человеческого существования. В этот континуум входят как уходящие, так и нарождающиеся ценности, разного рода флуктуации, наличное, «становящееся» и «ставшее» бытие.

Пространство и время — фундаментальные характеристики бытия, в которые вписываются абсолютно все сферы бытия человека. Пространство культуры, в понимании П.А. Балюты, представляется «как совокупность всего происходящего в культурной жизни определенного общества» [13, с. 2]. Надо отметить, что пространство культуры — явление не единичное. Их множество, и все они, соприкасаясь, составляют комплексную систему — культурное пространство, третье звено в рассматриваемой цепочке «культура – пространство культуры – культурное пространство». Проблематика культурного пространства интересует многих современных культурологов. Изучением этого феномена занимаются Е.В. Орлова, М.Я. Сараф, М.Г. Трипузов, И.Н. Гудкова и Е.Т. Цыгункова, Г. Драч. Культурное пространство существует наряду с пространствами: физическим, географическим, экономическим, социальным и т.д.

Среди тех, кто впервые употребил понятие культурного пространства, был Ф. Бродель. В своем труде, посвященном цивилизации, отметивший, что цивилизация — это район, культурное пространство, собрание культурных характеристик и феноменов. Однако заметно, что для Броделя культурное пространство связано исключительно с локализацией определенных феноменов, с территорией их распространения. Культурное пространство является вторичным в соотношении с культурой. Логическое противоречие, которое обращает на себя внимание, состоит здесь в том, что пространство появляется после своего содержимого, снимается сущностным пониманием культуры, которое свидетельствует о её способности стать основой постоянного пополнения потенциала пространства новыми формами и событиями развивающейся материи и человеческого духа. Таким образом, понятие культурного пространства, взятое в первую очередь из недр самой культуры, не случайно содержит сначала слово «культурное», а затем «пространство». Культурное пространство проистекает из существа культуры, и там, где заканчивается возделанное человеком пространство природы и начинается, условно говоря, «дикое», пролегает край культурного пространства.

По словам С.Н. Иконниковой, «динамизм культурного пространства не исчерпывается лишь внешними влияниями и контактами. Оно постоянно меняет свои очертания, расширяется или сужается, насыщается новыми ценностями и культурными символами, освобождается от устаревшего, отжившего свой исторический срок и в то же время реанимирует, реставрирует, возрождает седую старину» [14, с. 46].

Социокультурный кризис в условиях современного беспрецедентного разлома цивилизационного развития резко



спровоцировал процессы переоценки всех ценностей и жизненных ориентиров. Потребовал качественного переобдумывания приёмов скульптурирования самостных основ культурной бытийности человека, став ключевой темой эпистемологического осмысления в различных знаньевых системах когнитивистики. Человеку перестал быть интересен собственно человек — в смысле его внутреннего потенциала, исследовать и развивать который призывали человечество все главные философские школы мира. По большому счету, на смену человеку-творцу пришел человек-потребитель, существо, по набору инстинктов располагающееся значительно ближе к животному миру. Оно сосредоточено в основном на внешней среде, в смысле ее использования в своих целях, и видит мир, прежде всего, как некую ресурсную базу, а не зеркало для самопознания. Сегодняшняя система монетизации творчества продолжает отравлять и разлагать культуру, но имеет и другие стороны. Этот декаданс можно связать с отсутствием государственной идеологии, ведь по факту в стране действует власть денег.

Культура как индикатор состояния человеческого бытия многолетне испытывает на себе уничижительные последствия идейного вакуума в общественном сознании, когда в него, начиная с 90-х годов устремился поток всевозможных идеологий со всего света, философий, религий, образовательных услуг, поп-культуры, фильмов, медитационных и оккультных практик и т.д. Они быстро нашли свои аудитории, тихо покорили СМИ. Такого мощного насаждения иностранного образа жизни, культуры, традиций, иностранной литературы, манеры мыслить, фразеологизмов, моральной небрежности, культа денег никогда не испытывала русская история и её человек. Пророческие мысли

Ф. Достоевского [15] зазвучали особенно актуально: мы сами сделали для себя из Европы какой-то духовный Египет. Не пора ли позаботиться об исходе, перестав быть рабами и приживальщиками? Не пора ли собраться с мыслями, сосредоточиться на себе, жить своими внутренними интересами.

Осознание людьми пространственного единства (будь то культурное учреждение, город, регион, государство) формирует осознание территориального и национального единства на основе общенациональных, государственных, культурных, природных ценностей. Оба фактора способствуют формированию гражданского, патриотического сознания, что ведет к утверждению приоритета культуры, закрепленного в Указе президента Российской Федерации «Об утверждении основ культурной политики». Культурное пространство включает все культурные феномены, но не ограничивается их совокупностью. Оно сохраняет «память» о всех событиях, памятниках культуры, истории, постоянно обогащаясь в результате человеческой деятельности. Если в философском понимании время характеризуется линейной направленностью, необратимостью, то в культурном пространстве события прошлого, настоящего и будущего сосуществуют одновременно. Это происходит потому, что культура постоянно обращается к прошлому опыту и позволяет интерпретировать его в новых условиях, обогащаясь новым опытом.

Таким образом, культурное пространство дает возможность реализоваться культуре, воплощает в жизнь культурный опыт в виде традиций, верований, моделей поведения, образа бытования. Однако, как отмечает М.Г. Трипузов, культурное пространство не сводится к «хаотичному набору норм», а представляет собой «иерархически выстроенную

систему смыслов» [16, с. 67]. Если культура разворачивается в двух измерениях: пространстве и времени, то культурное пространство, являясь результатом взаимодействия культур во времени и пространстве, дополняется коммуникацией, роль которой — наполнение пространства смыслом. На этом строится базовая особенность, помогающая развести понятия «культура», «пространство культуры» и «культурное пространство». Многие исследователи единодушны в том, что в современном гуманитарном, и в частности культурологическом дискурсе, понятие культурного пространства является одним из самых обсуждаемых и востребованных уже в силу своей необычайной емкости, а также наличию ярко выраженного культурологического ракурса в связанных с ним явлениях и свойствах культуры (И.В. Анненкова, Н.М. Генова, В.Л. Кургузов, Т.Ф. Ляпкина, А.И. Пигалев, А.Ф. Поляков, А.Я. Флиера, М.Н. Фомина и др.).

Несмотря на глобальную цитируемость и заложенную в природе понятия «пространство» мультидисциплинарность (ведь «пространство» — это значимый компонент математики и основ естествознания), понятие «культурное» объединяет его с областью социогуманитарных исследований, а потому научная дефиниция понятия культурного пространства, с точки зрения В.Л. Кургузова, еще не является общепризнанным и законченным концептом [46, с. 146]. Данное обстоятельство позволяет исследователям с достаточной долей свободы интерпретировать его структуру и содержание, открывая тем самым новые области для формирования научного дискурса как по самой теме трактовки понятия «культурное пространство», так и по смежным с этим аспектом проблемам.

## **ГЛАВА 1. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ДИАЛЕКТИКИ КАТЕГОРИЙ «ПРОСТРАНСТВО – ВРЕМЯ – КУЛЬТУРА»**

### **1. Особенности формирования континуума культуры: историко-философский срез**

#### **1.1. *Пространство и время в предфилософском мышлении человека о бытии культуры***

Доистория — это время биологического создания человека и становления основных конститутивных свойств человеческого бытия (возникновение речи, орудий труда, умение пользоваться огнем), накопления позитивного опыта о коллективной деятельности, значимости другого — всего того, что не наследуется биологически, а представляет собой историческую субстанцию, которая может быть увеличена или растрчена. В духовном смысле этот период нельзя относить к истории, поскольку история возникает там, где есть осознание бытия в истории, традиция, документация, письменность. Тем не менее накопление донаучных рациональных знаний о природе началось в первобытную эпоху, что окончательно вырвало человека из-под влияния биологических факторов эволюции, из биологического мира. О громадной жажде познания первобытных людей свидетельствуют археологические и этнографические данные. Как писал выдающийся исследователь духовной культуры первобытных племен К. Леви-Строс, «жажда объективного познания образует один из наименее учитываемых аспектов мышления тех, кого мы называем “примитивными”. Для того чтобы представить себе картину первобытного познания, необходимо прежде всего учесть, что духовный

мир первобытного человека, т.е. сознание человека эпохи первобытной родовой общины, было двухуровневым:

1) уровень обыденного, повседневного, стихийно накапливающегося знания;

2) уровень мифотворчества (мифологии) как некоторой «до теоретической» формы систематизации обыденного, повседневного знания.

Первобытный человек знал окружающую его местность. Так, народы-мореплаватели имели представление о морских течениях и направлениях ветров, расположении островов и архипелагов, великолепно ориентировались по звездному небу, находя свой путь в океане. Люди, жившие в тайге, владели ее законами, чувствовали природу, повадки животных, безошибочно ориентировались в лесах и т.д. На поздних этапах появились рисунки, воспроизводящие географическое пространство, т.е. зачаточные формы картографии.

Географические схемы, вычерчивавшиеся часто на земле, изображали стоянки, водоемы, места кочевья, святилища и др. Особенно интересной формой древних географических карт были словесные географические карты и карты-песни, в которых последовательно назывались горы, скалы, тропинки, водоемы и расстояния в днях пути между ними. Наскальные и пещерные рисунки позволяют сделать вывод, что люди не только хорошо различали виды животных, но и были знакомы с их анатомией: впечатляют рисунки головы быка с позвоночным столбом, слона, у которого в области груди изображено сердце, и др. Первым одомашненным животным была собака. Первобытный человек хорошо ориентировался и в свойствах растений, особенно лечебных и токсических. Например, американские индейцы хорошо знали жаропонижающие, наркотические, психотропные средства, анестетики, аборигены Австралии знали и упо-

требляли в пищу свыше 200 видов растений, 4 из которых использовалось еще и в лечебных целях.

Первобытный человек не только накапливал знания о флоре и фауне, но и пытался их классифицировать. Так, ботанический словарь племени хануну (Филиппины) достигает двух тысяч названий; тысячи видов насекомых объединены в 108 групп, и каждая имеет свое название. Первобытный человек хорошо знал и анатомию человека. В далекой древности зародилась медицина, вырабатывались средства лечения и самолечения, даже приемы примитивной хирургии: перевязка, лечение ран и переломов, вывихов, вплоть до хирургических операций на черепе.

Одна из особенностей развития первобытного сознания — формирование способности отражать и выражать количественные характеристики действительности. Счет стал, в сущности, первой теоретической деятельностью рассудка, абстрактной способностью мышления. Развитие способности счета — главный показатель уровня развития абстрагирующей, обобщающей, теоретической стороны человеческого сознания. Следует указать на три главные предпосылки становления количественных представлений, способности счета.

**Первая** — это повседневная практическая деятельность человека, многообразие его действий по разделению целого на части (изготовление орудий труда, разделение добычи, туш животных и др.) и сложение некоторого целого из частей (строительство жилища, составные орудия, приготовление пищи и т.п.). Такие повседневные практические действия повторялись первобытным человеком многократно, являясь необходимой стороной его повседневной жизнедеятельности.

**Вторая** важная предпосылка — природные ритмы, в особенности взаимосвязи ритмов человеческого организма (включая и его физиологические ритмы) с ритмами природной среды.

И **третья важная** предпосылка — познавательная процедура сравнения, выделения качественно определенных характеристик природных предметов и соотнесение их между собой. Процедура сравнения исторически сложилась на базе психики высших приматов еще в условиях первобытного стада.

В процессе своего исторического становления долгое время первобытный человек ориентировался в окружающей среде, имея возможность отражать и фиксировать лишь качественные (а не количественные) свойства предметов. При этом, очевидно, важную роль играла образная память. Так, первобытный оленевод сразу же определял отсутствие в стаде оленей нескольких особей, индивидуальные признаки которых ему хорошо известны.

Важнейший этап выработки понятия о счете связан с ситуациями, в которых человек вынужден соотносить элементы одного множества однотипных вещей с элементами другого, качественно иного множества. Цель такого соотнесения — констатация равенства (или неравенства) этих множеств предметов. Такие процедуры постоянно возникали в условиях уравнительного распределения внутри общины, а также в условиях межобщинного обмена (например, аборигены Австралии меняли определенное число рыб на определенное число съедобных кореньев).

Способность к счету особенно стала более эффективно развиваться после введения в процедуру соотнесения элементов двух различных множеств некоторого третьего множества, являющегося опосредующим звеном между

двумя исходными. В качестве такого третьего опосредующего звена могли выступать самые различные естественные вещи, например, природные предметы: четыре части света, времена года, простейшие парные отношения (тепло и холод, день и ночь, восход и заход и др.), раковины, палочки, камешки и др. Для измерения времени наиболее удобны природные ритмы, их совпадение с ритмами человеческого организма, ритмами хозяйственной жизни. Такая опосредующая система должна быть удобной для коллективного пользования, т.е. понятна и приемлема для всех членов первобытных родовых общин. Заметим, что в каждой родовой общине складывались свои системы счета. Другой прием развития количественных понятий (систем счета) связан с заменой естественных посредников искусственными. В качестве их выступали зарубки, нарезки, насечки на палках, костях или других предметах, узелки, полосы краски и т.п. Так исторически формируется система искусственных «предметов-посредников», выражающая собой значения абстрактных количественных отношений, которая вылилась в разработку понятия числа. Этот прием способствовал также зарождению древнейших астрономических представлений первобытной астрономии. Еще в эпоху Мустье (около 100–40 тыс. лет назад) зародилась традиция наблюдения за небесными явлениями, порожденная практикой сезонных промыслов. На стоянках неандертальцев в пещерах результаты этих наблюдений зафиксированы в разного рода астральных рисунках — круг, крест, группы ямок и др. В верхнем палеолите (40–10 тыс. лет назад) астральные рисунки усложняются, отражая довольно сложные закономерности поведения Луны, Солнца и др. При этом зачатки биологических, астрономических и математических знаний возникают в синкретическом единстве.



Календарь для людей верхнего палеолита не был самоцелью, средством решения практических задач, концентрировавшихся вокруг промысла, быта и воспроизводства родовой общины. Причем природные ритмы выступали наиболее удобным мерилем (единицей отсчета), позволяющим разграничивать качественно различные периоды жизнедеятельности первобытного человека. Фундаментальные свойства физиологии и психики человека нашли отражение в формировании первичных абстракций и количественных понятий первобытного человека. Роль числа 7 в астральных мифах и ритуалах палеолита определяется закономерностями психики человека. Вместе с тем в экспериментальной психологии постоянство границ оперативной памяти и внимания определяется обычно числом 7 (или  $7 \pm 2$ ). Кроме того, целая серия прямоугольных фигур в искусстве палеолита имеет пропорции  $1 : 0,62$ . Это соотношение то же, что и экспериментально установленное в психологии пороговое отношение в процессе восприятия (закон Вебера–Фехнера).

Среди множества разнообразных систем счета выбор в итоге закрепляется преимущественно за десятичной системой. Это, безусловно, нельзя считать случайным: 10 лунных месяцев беременности, что для эпохи матриархата было очень важным природным ритмом; 10 пальцев рук как главного естественного орудия труда, связывающего предмет труда и цели деятельности человека, и др. Таким образом, в системе сознания первобытной родовой общины на уровне повседневного стихийно-эмпирического знания был накоплен значительный массив первичных сведений о мире, сложились важные исходные абстракции (и среди них — абстракция количества), разработаны системы счета, календари, зафиксированы простейшие биологические, астрономические, медицинские и другие закономерности.

**Мифологическая картина мира** — это некоторый «до-теоретический» способ обобщения, систематизации стихийно-эмпирических, обыденных знаний. В качестве оснований, связывающих между собой наглядные образы в мифологии, выступали аналогии с самим человеком, с кровно-родственными связями первобытной общины. Человек переносил на окружающую его действительность собственные черты. В мифе очеловечивалась природа. В мифологическом сознании человек не выделяет себя из окружающей среды. Для мифа характерно неразличение объекта и мысли о нем; вещи и слова; вымысла, фантазии и действительности; вещи и свойств; пространственных и временных отношений; правды и «поэзии» и др. В мифологическом понимании мира случайное, хаотическое, единичное, неповторимое не противостоит необходимому, закономерному, повторяющемуся. В мифологии выделение черт предмета определяется не его объективными характеристиками, а субъективной позицией хранителя мифа. В мифологии имеет место неполная обратимость логических операций (если  $A + B = C$ , то для первобытного сознания  $(C - B)$  может быть и не равно  $A$ ). Как следствие этой черты — нечувствительность мифа к логическим противоречиям. Основные черты наглядно-образного мифологического мышления:

- преобладание умозаключений по аналогии;
- обобщение на основе подражания;
- недецентрированность (или эгоцентризм) отражения;
- неполнота обратимости логических операций и нечувствительность к логическому противоречию;
- неразличение случайного, единичного, неповторимого и необходимого, общего, повторяющегося.

В мифе существует также свое, особое, мифологическое время и пространство.

**Мифологическое время** — это далекое прошлое, которое качественно отличается от настоящего, от современности. Вместе с тем мифологическое прошлое — это некая модель, образец современных событий. В мифе все современные события происходят по аналогии с событиями далекого мифологического времени. И только из этой аналогии могут быть объяснены. Мифологическое время легко переходит в мифологическое пространство и наоборот.

**Мифологическое пространство** — это пространство родовой жизни, часть мира, в которой появился и функционирует данный род со своим определенным тотемом, т.е. родоначальником, в качестве которого выступает некая вещь — животное, растение или даже неорганический предмет. Время жизни рода и его тотем определяют мифологическое пространство рода. В этом пространстве можно легко перейти из прошлого в настоящее и наоборот — из настоящего в прошлое. Силы, породившие данный род, не исчезли, они продолжают существовать. И человек верит, что может легко перейти из пространства окружающих его физических вещей в пространство тех тотемных сил, которые сотворили в прошлом самого человека, его род, общину (в частности, от смерти к жизни и от жизни к смерти и др.). Для первобытного человека происхождение Космоса из Хаоса — это не только (и не столько) «теоретическая» проблема, но и проблема реальной, повседневной жизнедеятельности общины, рода. Иначе говоря, это проблема их реальной социальной практики. «Творение» мира не осталось где-то в далеком прошлом. Поступая определенным (ритуализированным) образом, человек может поддерживать связи с теми силами (существами), которые сотворили мир. Эти силы не исчезли, они продолжают действовать и сейчас, излучая свою «мощь».

**Следующий этап** — древние культуры протогосударственных формирований. Он ознаменован возникновением почти одновременно в трех областях земного шара древнейших культур:

1) шумеро-вавилонской, египетской, эгейской (примерно с 4000 г. до н.э.);

2) до арийской культуры долины Инда (III тысячелетие до н.э.);

3) архаический мир Китая (II тысячелетие до н.э.).

Это начало истории К. Ясперс связывает со следующими событиями:

– с решением задачи организации ирригационной системы (в долинах Нила, Тигра, Евфрата, Хуанхэ), регулирование которой вело к централизации, созданию управленческого аппарата, государства;

– открытием письменности, значение которой определялось открывшимися возможностями в передаче традиции и ростом влияния писцов в качестве духовной аристократии;

– возникновением народов, осознающих свое единство, имеющих общий язык, общую культуру и общие мифы;

– появлением мировых империй;

– использованием лошади.

Древневосточные цивилизации сформировались в сходных климатических и природных условиях. Это плоскогорья с обширными степями и равнинами; низменности, прорезанные и орошаемые большими реками, либо прибрежные морские регионы. «Даром Нила» называют Египет; древнеиндийская культура сложилась в долинах двух великих рек — Инда и Ганга, древнекитайская — в бассейне Хуанхэ и Янцзы, шумеро-аккадская цивилизация связана с Тигром и Евфратом. Эти культуры Древнего Востока можно с

уверенностью назвать культурами речных цивилизаций. Технологической основой развития этих древних культур явилось ирригационное земледелие. Н.И. Вавилов во время путешествий по Востоку убедительно показал прямую зависимость возникновения цивилизаций от складывания эффективной системы поливного земледелия.

Территориально Древний Восток включает в себя Переднюю, Южную и Восточную Азию, Северо-Восточную Африку. Культура населения Древнего Востока представлена древнеегипетской, древнеиндийской, древнекитайской, цивилизациями Месопотамии, Ирана, Сирии, Финикии, Палестины, Закавказья. Хронологически история Древнего Востока охватывает огромный период времени — IV тысячелетие до н.э. – первые века н.э.

Древнейшие государства в рамках древневосточных цивилизаций сложились как номовые. Ном представлял собой город-государство, который охватывал одну или несколько тесно связанных между собой территориальных общин, имеющих общую оросительную систему. Ном имел центр в виде храма главного местного божества, вокруг селилась администрация, сооружались продовольственные и материальные склады. Здесь же находились ремесленные мастерские. Все это обносилось стеной, и образовывался город как центр маленького государства. К нему тяготела прилегающая сельскохозяйственная территория. Кроме главного города ном включал в себя несколько соподчиненных небольших общин-городов. Например, ном Ур с центром в городе Ур имел меньшие поселения Муру, Эреду. Древнейшими в Индии были города-государства Хараппской культуры — Хараппа и Мохенджо-Даро.

Во всех древневосточных цивилизациях были деспотические государства с развитым централизованным бюро-

кратическим аппаратом. Аристотель в книге «Политика», анализируя различные формы государственной власти, впервые определил тиранию как деспотическую монархию и связал ее с Востоком, Ахеменидской державой. Суть ее состоит в неограниченной власти правителя, отсутствии частной земельной собственности и правовых гарантий личности. Чиновничество было привилегированным слоем общества. Права на занятие высокой должности давало образование. Например, в Древнем Китае овладение конфуцианской мудростью открывало путь к чиновничьей карьере. Древнейшая традиция сдачи государственных экзаменов дожила до эпохи династии Цинн (XIX в.). Существовали три ступени государственных экзаменов для будущих чиновников — уездные, провинциальные и столичные. Дворцовые экзамены на получение третьей ученой степени проходили под наблюдением самого императора. Сочинение соискателям предписывалось строить строго в соответствии с шаблоном. Вводный параграф должен был состоять из четырех-восьми строк из 24 иероглифов. Каждый параграф основной части сочинения должен начинаться определенными словами, отдельные слова должны писаться на определенной строке, в тексте должны были присутствовать цитаты из императорских указов. Всего сочинение должно включать не менее тысячи иероглифов. Выдержавшие дворцовые экзамены зачислялись в придворную академию. Академики выдвигались на высшие ступени чиновничьей иерархии, получали ответственные посты и титул «историка императорского двора».

В древних цивилизациях Востока сформировался тип власти-собственности. Все богатства в древневосточных государствах сосредотачивались в руках правителя. Собственность воспринималась, прежде всего, как государ-

ственная. Принадлежность к государственному аппарату означала приобретение определенных прав собственности. В трактате «Чжоули» («Чжоуские ритуалы») говорится: владения гунов имеют территорию в 500 ли в окружности и кормятся гуны с половины этой территории. Владения хоу имеют 400 ли в окружности, и кормятся они с трети ее. Владения бо имеют 300 ли в окружности, и кормятся они с трети ее. Владения цзы составляют 200 ли, и кормятся они с четверти ее. Владения нань составляют 100 ли, и они кормятся с четверти этой территории. Таким образом, чиновникам передавались лишь права на доходы с этих земель, а при вступлении на трон нового правителя эти акты дарения должны были возобновляться. Для древневосточных обществ была характерна сакрализация власти правителя. В Древнем Египте царь представлялся одним из богов, представителем от земли среди них. Фараон был единственным официальным посредником между богами и людьми, единственным правомочным жрецом всех богов. Наделенный божественностью правитель Египта обладал изменчивыми формами божества: он мог слиться с другими богами, мог стать любым из них. В одном из древнеегипетских текстов фараон приравнивался к ряду божеств: «он – Сиа» — бог познания; «он – Ра» — бог солнца; «он – Хнум» — бог, сотворивший человечество на гончарном круге; «он – Бастет» — богиня-защитница; «он – Сехмет» — карающая богиня. Познание, высшая власть, сотворение народа, защита и наказание были атрибутами царя. Страна Египет и фараон, как сын Ра, были братом и сестрой и составляли обычную супружескую пару египетских божеств. Когда власть фараона ослабевала, египтяне считали, что фараона покинуло его божественное величество.

В цивилизациях Древнего Востока зародилась правовая культура. В Вавилоне в XVIII в. до н.э. возник знаменитый свод законов царя Хаммурапи, состоящий из 247 статей судебного кодекса. В древнеегипетских документах эпохи Нового царства сохранились сведения о том, что в это время уже существовало кодифицированное право. В истории Индии известны законы Ману — сборник правовых норм, составленный предположительно в V веке до н.э. В Китае уголовный кодекс предусматривал разработанную систему наказаний, полагавшихся за различные преступления: смерть, ампутация ног, отсечение носа, наложение позорного клейма в виде черной татуировки на лицо и др. Этот уголовный кодекс, приписываемый легендарному царю древности Му, содержал в себе 3 тысячи статей, которые образовали древнейший свод уголовного права.

Общество в древневосточных цивилизациях было этатистским. Этатистское общество — общество, в котором государственная власть пронизывает все стороны его жизни. Пафос великодержавности звучит в строфах раннежюуской оды из древнекитайской «Книги песен» («Шицзина»):

Широко кругом простирается небо вдали,  
но нету под небом ни пяди нецарской земли.  
На всем берегу, что кругом омывают моря,  
повсюду на этой земле только слуги царя!

В культуре Древней Месопотамии, которая рассматривала всю вселенную как государство, послушание должно было выступать в качестве высшей добродетели, ибо государство построено на безоговорочном подчинении власти. Поэтому в Месопотамии «добронравная жизнь» была «послушной жизнью». Человек на Древнем Востоке стоял в центре расширяющихся кругов власти, которая ограничивала



свободу его действий: власть старших в семье, государственная власть, общественные обязанности, божественная власть.

Для древних цивилизаций Востока была характерна резкая поляризация общества на аристократические слои, связанные с аппаратом государственной власти и простых людей, строгое закрепление социальных ролей. В Древней Индии эта черта выражается в сложившейся в ведийский период системе каст или варн. Сословное деление Древней Индии нашло отражение в древнейших священных книгах — Ведах. Касты объединяли людей, связанных кровнородственным происхождением, общей профессией, общими религиозными обрядами и стоящих на одной ступени социальной лестницы. В «Ригведе» называются основные касты древнеиндийского общества, их происхождение связывается с легендарным первочеловеком Пурушей. Пуруша был принесен в жертву богам и при этом возник весь мир. Из уст Пуруши вышли брахманы, их основным занятием стало изучение священных книг, обучение людей и совершение религиозных обрядов, им принадлежали святость и истина. Символически брахманам соответствовал белый цвет. Первые кшатрии были созданы руками Пуруши. Они должны сражаться и управлять, так как им принадлежат сила и мужество. Кшатриям соответствовал красный цвет. Люди третьей касты — вайшья — были созданы из бедер Пуруши. Им предписывалось заниматься сельским хозяйством, ремеслом и торговлей. Этой касте соответствовал желтый цвет. Представители четвертой, низшей касты — шудры — были созданы из ног Пуруши, пресмыкающихся в грязи, им было предопределено служить другим трем кастам. Этой касте соответствовал черный цвет. В Древнем Китае жесткое закрепление социальных ролей достигалось посред-

ством исключительной роли традиций, обычаев, ритуалов. В зависимости от социального статуса каждому человеку предписывалось строго определенные нормы поведения, известные как «китайские церемонии». Строжайший церемониал касался, прежде всего, поведения и внешнего вида чиновников. Цвет одежды, ее материал, покрой и число пуговиц, фасон шляпы, цвет паланкина и число носильщиков, даже цвет зонтиков — все это было расписано по разрядам чиновников. Каждому разряду полагалась особая официальная одежда, различающаяся по четырехугольным нашивкам на груди и спине. Гражданские чиновники носили халаты с изображениями птиц, военные — с изображениями животных. Халаты гражданских чиновников 1-го класса украшались белыми журавлями, военных чиновников — единорогами. Гражданские чины 2-го класса узнавались по изображению золотого фазана, военные чиновники — льва. Третьему классу соответствовали павлин (гражданские чины) и пантера (военные); четвертому — соответственно: дикий гусь и тигр; пятому — белый фазан и черный медведь, шестому — белая цапля и пятнистый медведь; седьмому — утка и леопард; восьмому — перепел и тюлень; девятому — сорока и носорог. Представители ученого сословия облачались в малиновые халаты. Китаец всегда знал, сколько и кому надо отдать поклонов, когда преклонить колени, как наклонить голову, как улыбнуться, как изменить голос. Считалось, что статус человека в Китае мог меняться, но оставались неизменными нормы поведения, характерные для определенного социального статуса.

Все древневосточные общества были традиционными. Мировосприятие человека в традиционном обществе определялось мифом, магией, религиозными представлениями. Природа и общество воспринимались как единое целое, не-

разрывное и гармонично связанное. Наиболее ярко традиционализм просматривается на примере древнекитайской культуры.

Одной из характерных ее черт является обращенность в прошлое, ориентация на прожитый опыт, отказ от новаций. Это выразилось в таком характерном приеме китайской культуры, как цитирование — постоянное обращение к классическим образам, которые каждый новый автор переживал по-своему. Многие художественные приемы, стили, жанры в китайской культуре зародились в глубокой древности и сохранились до наших дней. Все древневосточные цивилизации базировались на рабовладельческом способе производства. В истории Древнего Востока мы видим первое деление общества на классы рабов и рабовладельцев. Рабство существовало в культуре Древнего Востока не только как социально-экономический, но и как социокультурный феномен. Как отмечал П.А. Сапронов, «человек, признающий свое полное ничтожество в качестве человека, — раб» [18]. Такое «духовное» понимание рабства возникло в культурах древневосточных цивилизаций. В древневосточных культурах человеческое стало символом рабского, потому что среди людей присутствовал один сверхчеловек — божественный правитель. В этом смысле рабами считались и крестьяне, и ремесленники, и чиновники, и жрецы, и сановники, и царедворцы.

Максимум достоинства, которое вправе был признать за собой раб — это преданность, исполнительность и благодарность за царские милости. У человека Древнего Востока не существовало четкого сформировавшегося представления о свободе. Характерной чертой культуры Древнего Востока является информативность. В IV тыс. до н.э. в Шуме-

ре возникло древнейшее рисунчатое письмо. В Китае изобретение иероглифов приписывали легендарному Фу Си.

Особенности древневосточного искусства:

1. Тесно связано с традицией.

2. Существовала развитая система художественных канонов, которая фиксировала устоявшиеся принципы и нормы культуры. Канон предписывал художнику схемы изображения животных и людей, правила перспективы и использования цветовой гаммы красок. Художественный эффект при этом достигался незначительным варьированием форм внутри канонической системы. Так в древнеегипетских рельефах и росписях человек изображался одновременно в фас (глаз, плечи, грудь) и в профиль (голова, ноги), что можно объяснить стремлением художника быть как можно более точным в передаче фигуры на плоскости.

3. Искусство Древнего Востока имело ярко выраженную связь с религией. Художественное творчество в культурах Древнего Востока имело магическое предназначение.

4. Магическая роль искусства была связана с представлением о неразрывном единстве человека с природой. Красота, воплощенная в искусстве, понималась не как результат духовных и материальных усилий художника, а виделась воплощением красоты природы. Красота природы может открыться мастеру в созерцании, путь к которому лежал через религию и философию.

5. Характерной чертой древневосточного искусства является символизм. Каждый элемент древнекитайской живописи символичен: сосна — символ долголетия, бамбук — стойкости и мужества, аист — одиночества и святости. Важнейшим символом всей древневосточной культуры является Солнце.

6. Искусство на востоке носило безымянный характер. Художник не стремился выразить собственную позицию, общественное и коллективное получало широкое сакральное значение.

7. Художественная культура древневосточных цивилизаций имела синкретический характер.

Таковы общие характеристики Древнего Востока как социокультурного мира.

Народы, являвшиеся носителями древневосточных культур, принадлежали к различным этносам, говорили на языках различных языковых групп. Жители Месопотамии говорили на языках, близких прототюркским (шумеры) и семитским (аккадцы, ароеи); хеттский язык по ряду особенностей соотносится исследователями с индоевропейской группой языков. В Древнем Китае издавна обитали множество народностей, относящихся к тайской, тибето-бирманской, тюркской и монгольской. В Древней Индии создателями древнейшей культуры Хараппы и Мохенджо-Даро были дравидские племена. Во второй половине II тысячелетия до н.э. в Индию вторглись арийские (индоевропейские по языку) племена, внесшие глубокие изменения в культуру.

Каждая из цивилизаций имела свой способ летоисчисления: в государствах Двуречья годы соотносили с выдающимися событиями: войнами, гигантским строительством. В Египте счет лет велся по периодам царствования фараонов, летоисчисление возобновлялось с приходом новой династии. Поэтому история каждой древневосточной культуры имеет собственную периодизацию и хронологию. Природная среда находила своеобразный отклик в культуре каждого народа. В Месопотамии, как в Египте, человек сталкивался с теми же самыми великими космическими ритма-

ми (смена времен года, неизменное движение солнца, луны и звезд), но он находил здесь элементы силы и насилия, которых не было в Египте. Тигр и Евфрат не похожи на Нил: они могут разливаться порывисто и непредсказуемо, разрушая дамбы и затопляя посевы. Не случайно именно в Месопотамии сложился миф о потопе.

Каждая древневосточная цивилизация имела собственное неповторимое лицо и главную идею культуры. Например, культура Древнего Египта выражала протест против смерти. Чтобы спасти душу, по представлениям египтян, необходимо было спасти тело. Для этого тела мумифицировали и помещали в пирамиду. Священные тексты «Книги мертвых», высеченные на стенах пирамид, сопровождали душу в загробный мир. Идея мощного государства и неограниченной власти китайского императора воплотилась и в грандиозном погребальном комплексе Цинь Шихуана, включавшем подземный могильный дворец и более 6 тысяч глиняных фигур воинов, боевых коней и колесниц. В выполненных в натуральную величину и раскрашенных керамических фигурах с удивительным пафосом выражена идея массовой покорности и преданности правителю.

Примерно в середине I тысячелетия до н.э. в культурах Древнего Востока формируются первые религиозно-философские и религиозно-этические мировоззренческие системы, в которых мифологические образы отступают на второй план. В то же время религиозная догматика и культовая практика постепенно становятся в них самодовлеющими началами. Таковыми были древние религиозные учения Древнего Востока: ведизм, брахманизм, джайнизм, индуизм, буддизм, конфуцианство, даосизм, зороастризм.

Все древневосточные цивилизации оставили после себя уникальные артефакты материальной культуры. Египетские ремесленники искусно выделывали меха и кожу, обтачивали рог, кость, панцирь черепахи, раковины, изготавливали бумагу из папируса и тонкие ткани из льна; уникальным художественным материалом стал так называемый египетский фаянс. Некрополи Мемфиса сохранили свидетельства подлинно монументального величия эпохи (ансамбль первой ступенчатой пирамиды Джосера, ее зодчий Имхотеп позднее почитался как бог врачевания и как изобретатель способа кладки из тесаного камня; прославленные гигантские четырехгранные пирамиды Хеопса, Хефрена и Мекерина, «охраняемые» каменным двадцатиметровым исполном — Большим сфинксом). В Фивах, на восточном берегу Нила, на территории современных Луксора и Карнака, сохранились величайшие храмы Древнего Египта. Шумеры создали древнейший героический эпос о Гильгамеше, изобрели клинопись и способы монументального строительства из глины и сырцового кирпича. Шумерская мифология была воспринята, дополнена и развита населявшими Месопотамию аккадцами, вавилонянами, ассирийцами. Расцвет Нововавилонского царства связывают с правлением Навуходоносора II (604–562 до н.э.). От этого времени сохранились знаменитые ворота богини Иштар, храм бога Мардука и зиккурат Этеменанки, известного в истории под названием «Вавилонская башня», даже развалины которого глубоко потрясли своим величием Александра Македонского.

Богатейшее наследие Древней Индии представлено мифологическими эпопеями «Махабхарата» и «Рамаяна», драмами знаменитого поэта IV–V вв. Калидасы, древнейшими текстами Вед, памятниками Аджанты. Фундамент богатой и самобытной культуры Китая был заложен в древний

период. Во II тыс. до н.э. в Китае возникла иероглифическая письменность, было изобретено бронзовое литье, заложены основы градостроительства. Выдающимся памятником древнекитайской архитектуры является Великая Китайская стена.

**Отличия** начавшейся истории от доистории состоят, по К. Ясперсу, в следующем: наличии сознания и воспоминания, передаче духовного достояния; рационализации какого-либо содержания посредством техники; наличии в качестве примера и образца великих личностей, судьба которых освобождает остальных от глухого самосознания и страха перед демонами.

**Третий этап** — осевое время (середина I тыс. до н.э.), когда в период между 800 и 200 гг. до н.э. был совершен самый резкий поворот в истории культуры. «В это время, — пишет К. Ясперс, [19] — происходит много необычайного. В Китае жили тогда Конфуций и Лао-цзы, возникли все направления китайской философии, мыслили Мо-цзы, Чжуан-цзы, Ле-цзы и бесчисленное множество других. В Индии возникли Упанишады, жил Будда; в философии — в Индии, как и в Китае, — были рассмотрены все возможности философского постижения действительности, вплоть до скептицизма, до материализма, софистики и нигилизма; в Иране Заратустра учил представлениям о мире, где идет борьба добра со злом; в Палестине выступали пророки — Илия, Исая, Иеремия и Второисайя; в Греции — это время Гомера, философов Парменида, Гераклита, Платона, трагиков, Фуклида и Архимеда. Все то, что связано с этими именами, возникло почти одновременно в течение немногих столетий в Китае, Индии и на Западе независимо друг от друга. Все эти очаги культуры связывает то, что человек осознает бытие в целом, пытается познать самого себя, установить



границы своих возможностей. При этом индивид ставит перед собой высшие цели и ищет пути их достижения на пути рефлексии.

Причем ни одна возникшая историческая эпоха в те времена не ощущает себя молодой, а только раскрывающей историческую перспективу своей бытийности. Даже когда представления об историческом процессе еще смутны, неясны, она считает себя исходом, результатом, а не начальной точкой. При этом подобное мироощущение не обязательно означает эсхатологизм. Чаще всего оно находится в рамках идеи вечного возвращения или прямого воспроизведения прошлого в настоящем. Для античности архетипична в этом смысле была идея «железного века» Гесиода, разрешающегося в век «золотой» (имперская идеология Рима). Формы, в которых пребывал этот вечный переход от настоящего к прошлому, оставались неизменными. Поэтому любя перспектива для античности — почти то же, что и ретроспектива: будущее и прошлое совпадают, как только речь заходит о значительных временных промежутках. Ощущая себя итогом, завершением времен, античность не дублирует в себе прошлое и не превосхищает будущее, а просто содержит здесь и сейчас оба модуса времени, свернутые в конечный, в принципе, набор архетипических сюжетов, определяющих поведение людей и «поведение» исторических событий.

### ***1.2. Рассуждения античных, средневековых мыслителей о развитии культуры в континууме этих веков***

В природной среде Древней Греции преобладали горы и море. Обозримость пространства, отсутствие в окружающем мире чего-либо громадного, подавляющего человека, сфор-

мировало у эллинов чувство гармоничности, соразмерности, целостности окружающего мира. В то же время, отдельные территории Греции развивались достаточно обособленно. Эта территориальная замкнутость способствовала созданию особой формы социально-государственной организации — античного полиса. Обоснование территориальных границ полисов, правила межевания, ведение технических записей этих сделок нуждались в геометрических знаниях, геодезии и т.д. С другой стороны, этот труд требовал высокого уровня компетенций и умения вести деловые записи. Знание и работу мог обеспечить только полис. Полис — особая форма государственного и общественного устройства, город-государство, гражданская община. Полис был местом, где древний грек чувствовал себя человеком, находящимся под защитой гражданских законов от произвола, под покровительством богов. Аристотель так говорил о полисе: «Полис есть общность людей, соединившихся ради справедливой жизни». Гражданином полиса были, прежде всего, земледельцы, обладатели участка земли. Именно это делало их полноправными членами полиса. Земля обрабатывалась семьей. Семья в античности имела кровнородственное ядро и периферию (сюда относились друзья дома и клиенты, с которыми семья вела дела). Каждая семья имела своих богов-покровителей, которые назывались пенатами или ларами. Отсюда поговорка: вернуться к своим пенатам, т.е. вернуться домой. Все, что находилось вне города, мыслилось греками как чужой, необжитый мир. Поэтому каждый грек боялся изгнания из полиса. Бытие людей в замкнутом городскими стенами континууме разворачивалось как результат осознанных действий всезрящих и всезнающих друг о друге его участников. Это приводило к необходимости отслеживать внутренней логикой сознания «скла-

дывание событий» в зоне проживания и учиться жить рядом перед другими. Под взорами других не просто проживать свою жизнь, делать что-то дурное или хорошее, но впервые предстать перед другими как герой — в эстетической завершенности тела, судьбы, действий, словом — «как ты для себя». В городском публичном пространстве в коммуникационном взаимодействии правды, вины, лжи, совестливости, успехов и поражений сплетались сети взаимосвязи и взаимозависимости человеческих действий, через которые они начинали ощущать свою сопричастность к событиям городской жизни, ответственность за благополучие и процветание городской общины — социума. В городской динамике античной повседневности общественная значимость человеческих шагов определялась не по «их не вместимости» в сложившийся мир отношений, а тем, насколько искусно человек мог идти путями, одобренными в полисе. В греческом полисе носителем традиций выступало не профессиональное жречество, а сам гражданский коллектив.

Формирование демократии в полисной жизни связано с именем Солона. Все граждане, независимо от принадлежности к классу, имели право голосовать в народном собрании, выступать в нем. Народное собрание было главным органом управления Афин. Высшим исполнительным органом был сначала Ареопаг — совет архонтов (должностных лиц и стратегов), преобразованный в Совет пятисот. Архонты отвечали за определенные участки работ или за городские районы — филы. Высшим судебным органом был Трибунал судей — гелиастов. Вся античная культура выросла на рабовладельческом способе производства. Но Греция не знала таких мощных восстаний рабов, как восстание Спартака в Риме.

В сознании грека складывались различные регуляторы его духовного и социокультурного развития: мораль, право, религия. Все они, «произрастая» из одного корня — праксиса, имеют общую цель, хотя каждый регулятор выполняет свою функцию и по-разному детерминировал действия человека. Правовые нормы определены законом, их нарушение ведет к юридической ответственности. Религиозные нормы обусловлены верой и за их нарушение человек несет ответственность перед Богом. За нарушение моральных и нравственных норм человек несет ответственность только перед самим собой и обществом. В отличие от правовых и религиозных норм нравственные нормы носят личностный характер и «отражают» степень усвоения им стержневых общечеловеческих моральных духовных ценностей. Среди личностных качеств греков преобладали свободолюбие, честность, гордость и благородство, чувство собственного достоинства, поклонение красоте, стремление к гармонии. Наряду с этим греки испытывали стойкое неприятие чужих национальных особенностей. Соседние народы осмеивались, хотя услугами «варваров» они пользовались постоянно в торговых и деловых контактах, которые на рубеже VII–VI веков до н.э. стали особенно интенсивными. Греки из континентальной части страны и многочисленных островов в Эгейском и Средиземном морях, в Малой Азии, активно взаимодействовали с ближневосточными учёными, имевшими более древний опыт когнитивных, технических знаний и навыки их использования. Древневосточные тексты скупались и использовались как собственные наработки. Этому благоприятствовал их анонимный характер, либо в роли авторов выступали легендарные персонажи. По словам И. Пригожина, коммуникация осуществляла трансляцию культурных ценностей и знания, опираясь на доверие и веру

авторитету учёного [20]. Это, как отмечает М. Малкей, сэкономило время и усилия, ускорило темпы усвоения полученных знаний и их осмысление.

Греческая культура вышла из восточной традиции в математике, астрономии, механике и медицине: Греки превратили знания, накопленные восточными соседями, в науки, для которых характерны не только известная сумма данных и наблюдений, но и обоснование познанного, а также его систематическая связь» [21, с. 11]. Восточные влияния отразились не только на стиле мышления, но и на быте греков, где происходили заимствования в манере одеваться, особенностях проведения обрядов. Каждый гражданин полиса старался проявить себя креативно: быть услышанным, замеченным, признанным. Разнообразие областей деятельности, открывшихся грекам, а затем и римлянам в организации производства и воспроизводства жизнедеятельности в рамках городской культуры, вело к осознанию роли денежных отношений в развитии товарооборота и социальных связей, превращению города в деловой центр общения, развития культуры и духовности. Античный человек интеллектуально постоянно «перерастал» пределы городского мира.

Греческой античности как типу культуры присущи следующие черты:

**Космологизм** — космос выступал в античной культуре абсолютом. По-гречески космос — это не только Вселенная, но и мировое целое, противостоящее Хаосу своей упорядоченностью и красотой.

**Рационализм.** Наиболее ярко попытка осмыслить окружающий мир с позиций рационализма видна на примере античной науки. В VI в. до н.э. в Ионии возникла первая философская система античности — натурфилософии, для

которой были характерны материализм и поиск закономерностей в окружающем мире (поиск первоначала: Фалес — вода, Анаксимен — воздух, Анаксимандр — апейрон, Пифагор и пифагорейцы создали учение о числе как основе Вселенной. Пифагореец Аристарх Самосский предложил и аргументировал гелиоцентрическую гипотезу строения Вселенной. Коперник не только знал, но и цитировал его труды. В эпоху классики в Афинах творили — Сократ, Платон, Аристотель.

Левкиппу, Демокриту, Эпикуру не было известно понятие «пространство», поэтому они мыслили мир пустотой — бесконечной, абсолютной, существующей независимо от материи и наполненной неделимыми бесчисленными атомами, находящимися в непрерывном движении. Форма, величина, положение, порядок, мера, объем, имеющие место в природе, являются сущностными особенностями атомов и всех образованных из них предметов. Аристотель, основатель континуальной концепции понимания физиса мира, был уверен, что у вещей есть природные родовые места, в которые они пытаются вернуться. Понятия пространства Аристотель не знал, он вслед за своим учителем Платоном иногда пользовался термином «протяженность». Место является важнейшим компонентом аристотелевской физики: оно не есть ни материя, ни форма, ни притяжение, но оно есть то, в чем помещается тело. Место протяженно, именно эта его способность образует трехмерность протяженности: верх и низ. Пустота как таковая отсутствует, поскольку каждая падающая, катящаяся, летящая вещь движется к себе домой, на свое местоположение. Но это движение происходит среди других вещей, стремящихся занять свои места. Пересечение и переплетение их траекторий, действие друг на друга, мешают целевым устремлениям вещей и состав-

ляют элемент случайности, объясняющий причину никогда не прекращающегося движения. В динамике аристотелевского мира есть нормативная константа — полюс притяжения каждой вещи к месту и совокупность «случайных» столкновений вещей между собой, и как следствие — рождение нового качества тел и их местоположения. Все живые и неживые вещи несут в себе «телос», — утверждал Аристотель, что определяется понятием «энтелехия» — направление, цель, а также движущий фактор этого осуществления — энтелехию тела, выражающую единство четырех основных принципов бытия: формы – материи – действующей причины – цели. Человек как субъект деятельности во времена Аристотеля еще не был введен в состав сущего, в состав бытия, и не мог изучаться как философская проблема. Однако можно полагать, что термин Аристотеля «энтелехия» представлял собой «сущность сущего» и воспроизводил, в свою очередь, именно бытие человека как сознательного субъекта действия в континууме мира, а, следовательно, в пространство культуры.

Сочинения Аристотеля — это энциклопедия знаний античности, включая физику, механику, математику, астрономию, биологию, психологию, историю, экономику, философию. Они служили почти две тысячи лет каркасом науки. В области физики и механики широко известен Архимед. Ктезибий изобрел зубчатое колесо, усовершенствовал водяные часы, изобрел гидравлический насос. Герон Александрийский создал прообраз паровой турбины. В области гуманитарных наук известны достижения греков в области историографии (Геродот — отец истории; Фукидид — автор «Истории Пелопонесской войны», где впервые выделяются причинно-следственные связи между историческими событиями; Ксенофонт — автор «Анабасиса» и «Греческой исто-

рии» — написал историю жизни великих личностей), где видна разница в подходах исторического исследования. В области географии и мореплавания достигнуты значительные успехи, в том числе, и в открытии новых земель. Пифей изучил север Европы, обогнул Англию, описал течение Гольфстрим, фьорды Норвегии, Дании, Голландии вплоть до Янтарного (Балтийского) моря, доплыл до кромки льдов. Описал туземные обычаи и их языки. Евтидем описал берег Западной Африки до Сенегала. Эратосфен составил карты с широтой и долготой, градусами, полюсами, экватором, различием климатических зон, наиболее близкие к реальности. Рациональность в мышлении проникла и в сферу художественного творчества. Известный скульптор Поликлет создал учение о симметрии в своем произведении «Канон». Он математически точно рассчитал размеры человеческого тела: голова —  $1/7$  к росту, лицо и кисть руки —  $1/10$ , ступня —  $1/16$  и т.д. Отсюда — пропорциональное телосложение.

**Антропоцентризм.** В античной культуре человек воспринимался как центр Вселенной и конечная цель мироздания. Отражение этого можно видеть в античной религии. Боги антропоморфны. Они отличаются от людей только бессмертием, поскольку постоянно пьют нектар бессмертия и могуществом. Повседневные жизни богов и людей сходны: боги ссорятся, воют, ревнуют, любят: люди как боги, боги как люди. Элементы антропоцентризма мы находим в античной архитектуре. Каждая постройка воспринималась греками с точки зрения пропорций человеческого тела, соотносилась с эмоциями человека. Витрувий сравнивал дорическую колонну с могучей мужской фигурой; ионическую — со стройной фигурой прекрасной женщины, утонченной и нарядной; коринфскую колонну рассматривал как подражание девичьей грации.



**Телесность.** Наиболее полно телесность нашла воплощение в скульптуре античности. Выдающимися скульпторами Древней Греции были Мирон, Фидий, Пракситель. Греки считали, что каждый человек должен быть атлетически сложен. Скульптура античности передает красоту гармонически развитого человека. Культуру тела и её конструирование, технику работы с ним преподавали в «пайдейи».

Основные ценности греческой «пайдейи» выходят за пределы собственно педагогической сферы и формируются как нормы и образцы в контексте культуры. Исходным выступает аристократический тип культуры, в котором глубоко заложены генеалогические традиции (нередко герои Гомера ведут свое происхождение от богов). Со знатностью происхождения связывается обычно и красота, и физическое совершенство, и даже физическое превосходство над другими, и вытекающие из этого аристократические добродетели: умение защитить в бою свою честь, отличиться и достичь славы, «славы до небес». Добродетели наследуются, но для этого они должны быть защищены в сражении, единственной школе жизни, доступной гомеровским аристократам.

**Мифологичность.** Для античной культуры характерно большое влияние мифологических и религиозных сюжетов и представлений на культуру. Это ярко видно на примере античной литературы и искусства.

Подход древних эллинов к окружающему миру утверждал эстетические категории, пронизывающие всю античную культуру и получившие особое развитие в искусстве — красота, мера, гармония. Идеал воспитания человека греческие философы называли калокагатией. Он заключался в гармоничном сочетании физических и внутренних духовных достоинств, к которому должен стремиться каждый

гражданин греческого полиса. Красота человека достигалась через систему образования и воспитания (пайдейя), которая предполагала единство «гимнастического» (физического развития) и мусического (искусство счета, речи, мастерство спора (диалектика), пение, музыка, танцы, поэзия). Основу литературного образования составляли Гомер, Эзоп, Гесиод.

**Индивидуализация.** Античный человек начал осознавать себя отдельным субъектом, личностью. Следует отметить, что личностные заслуги особенно ценились тогда, когда они соответствовали полисным идеалам. Важнейшее значение для духовного воспитания эллинов имел театр. Считалось, что театральная постановка достигла успеха, если зал до слез смеялся во время комедии или сопереживал героям трагедии. Такое очищение духа при помощи страха и сострадания Аристотель в «Поэтике» называл целью трагедии. Нравственное очищение путем сопереживания героям трагедии или комедии называется катарсисом.

**Принцип агонистики.** Он проявлялся в соперничестве древнегреческих полисов, в состязании ораторов в Народном Собрании, в соревновании атлетов на Олимпийский играх, актеров в древнегреческом театре, в борьбе научных и философских школ.

**Праздничность.** Древнегреческие праздники были многочисленны и прежде всего связаны с богами. Раз в четыре года устраивались Большие Панафины в честь покровительницы города Афин — Афины. Празднества в честь бога Диониса стали прообразом театральных представлений. В честь бога виноделия устраивались веселые шествия, участники которых изображали пастухов — свиту Диониса. Они надевали на себя козлиные шкуры, пели, плясали. Славили гимнами своего хмельного бога, завершали праздник

жертвоприношением козла. Первые представления получили название трагедии, что в буквальном переводе означает «песнь козлов». В городе Элевсин ежегодно устраивались праздники в честь Деметры и Персефоны. Раз в четыре года проходили праздники в Афинской академии.

История античной культуры свидетельствует, что в духовный, ценностно-мировоззренческий мир человека были включены так называемые «максимы культуры» — обобщенные формулы житейского опыта, выраженные в лаконичной, художественной форме, значение которых заключалось в формировании правил поведения человека. В них «сконцентрированы духовный опыт народа, его мудрость как итог многовековой практической деятельности (фольклорные изречения) и как продукт художественно-литературного и познавательно-теоретического освоения действительности (авторские изречения)» [22, с. 10]. Тем самым максимы аккумулируют культурный опыт человечества, утверждают в мировоззренчески-обобщенной форме универсальные ценности. В период становления философского знания примером таких «максим культуры» являются изречения «Семи мудрецов», где присутствуют мировоззренческие принципы и моральные нормы античной эпохи, что позволяет считать их началом становления этики. Так, Хилон писал: «Знай себя», и советовал: «Не позволяй своему языку опережать твой разум»; Биант отмечал: «О богах говори, что они существуют» и «Говори к месту». Фалес учил: «Учи и учись лучшему» и «Блуди меру». У Солона говорится: «Ничего слишком», Клеобул же дополнил: «Мера — наилучшее», а Питтак утверждал: «Знай меру» и «Нужно знать свое время», Периандр отмечал: «Удовольствия смертны, добродетели бессмертны» и т.п. Тем самым античная картина мира обогащается представлениями о мере («ничего слиш-

ком», «ничего сверх меры»). Роль данных «максим культуры» в формировании античной картины мира велика, так как в них происходило осмысление возможности перехода от «мифологических теогоний к человеку» [23, с. 172], реализованное в дальнейших периодах античной мысли («сократическом» и «эллинистическом»). Благодаря «максимам культуры» складывалось представление о калокагатии как гармонии эстетических (прекрасное) и этических (доброе) ценностей, как о способности избирать наилучшее (т.е. «прекраснодоброе»).

В эпоху эллинизма Греция вошла в состав державы Александра Македонского. С потерей античным полисом своей прежней самостоятельности стали разрушаться идеалы греческой «пайдеи». Прервалась связь времен, общество перестало нуждаться в гражданах: город входил в необъятную империю, и от человека требовались не гражданская смелость в принятии решений и полисные добродетели умеренности и справедливости, а способность «прожить незаметно», сохранить себя, добиться «атараксии» (невозмутимости духа) в условиях социальной нестабильности и неконтролируемых политических событий. Тем не менее

прошло слияние и взаимное обогащение культуры Древней Греции и восточных стран. Во II–I вв. до н.э. римские легионеры постепенно завоевали все Восточное Средиземноморье.

### ***Особенности древнеримской цивилизации и культуры***

Война стала главной целью в жизни римского общества, пронизала все ее стороны. В культуре Древнего Рима на первый план выдвинулся такой социокультурный феномен, как государство. Отсюда особая роль триумфаторов, полко-

водцев, патрициев, осознание римлянами гражданского поступка и воинского подвига как высшего проявления добра и красоты.

Рабство в римском обществе носило более жесткий характер, чем в Греции. Постоянный приток в Рим рабов и богатств, награбленных в военных походах, развратил ту часть населения Рима, которая не принимала непосредственного участия в военных походах. Паразитизм и праздность являлись неотъемлемой частью римской культуры. Постепенно происходит духовный упадок римской культуры, начинают нарастать кризисные явления в обществе, что пробудило в обществе интерес к новым религиозным учениям, одним из которых было зарождавшееся христианство.

В римской культуре было достаточно много заимствований из греческой и других культур. Например, основы строительной техники были заимствованы у этрусков, архитектура (основной тип храма и ордерная система) испытала серьезное влияние греческой культуры. Тем не менее, римская цивилизация оставила ряд культурных достижений, которые остаются непревзойденной сокровищницей мировой культуры:

- создание регулярной армии;
- атрибутики, кодекса чести воина;
- осознание значения военной инженерии и системы связи;
- разработка тактики ведения боя и т.д.;
- римское право явилось основой всей европейской юриспруденции;
- выделение отдельных отраслей права:
  - гражданского;
  - уголовного, военного;
  - международного;

- четкая фиксация прав и обязанностей граждан;
- создание институтов обвинения и защиты;
- введение системы договоров с побежденными странами и понятия «контрибуции»;
- ораторское искусство (яркие представители – Марк Тулий Цицерон и Квинтий Руф).

В 393 г. произошло разделение Римской империи на Западную и Восточную. В 476 г. Западная Римская империя пала под ударами варваров. Ее культура стала цементирующей основой западноевропейской средневековой культуры. Античная культура, согласно Ф. Ницше, может быть определена как аполлонийско-дионисийский тип культуры. Два бога — Аполлон и Дионис — породили два противоположных мироощущения, которые способствовали развитию культуры. Бог Аполлон воплощал в ней умеренность, гармонию, красоту и покой. Бог Дионис был символом раскованности и свободы, стихии природы и инстинктов, богом вина и виноделия, непокоя, чрезмерности. Эти два начала должны были равноправно сочетаться, чтобы избежать гибели культуры. Если возобладает первое, это приведет к застою; если второе — культуре угрожают хаос и разрушение.

Обращенность культуры к влияниям и заимствованиям по горизонтали, что мы и наблюдаем в античности, приводит к осознанию того, что культурное пространство включает в себя временную характеристику. Ф. Энгельс писал: «Основные формы всякого бытия — суть пространство и время; бытие вне времени есть такая же величайшая бессмыслица, как бытие вне пространства» [24]. В.А. Тишков отмечает, что культура существует в пространственно-временном измерении, культурное пространство создано человеком. Культура воскрешает прошлое, реконструирует его по современным образцам. В каждом новом её воплоще-

нии происходит процесс «оживания» мысли, реализация её в языке. Таким образом, первоначальные представления греков о культуре сводились к влиянию человека на природу, совокупности навыков умений как результат деятельности человека, который видоизменяет природу.

Определенные изменения в понимание культуры были внесены Цицероном, который в своей работе «Тускуланские диспуты», используя термин «cultura animae», переносит понятие возделывания, обработки поля на человеческую душу. От Цицерона ведет начало убеждение в необходимости такого уклада жизни города, который порождает благие поступки, подвиги лучших сыновей Рима. Считалось, что только напряженный труд делает римлянина «первым среди мужей». Когда же не без влияния эллинской аристотелевской и стоической философии к гражданской доблести истинного римского мужа добавляется постоянное стремление к знанию, образованности и творческой утонченности (то, что мы ныне называем «культурностью»), тогда он приобретает черты «достойного», по Цицерону, сочетающего в себе политическую зрелость и способность занять государственный пост.

### ***Средневековый континуум культуры***

Период в 10 веков (с 476 г. по 1492 г.) ученые назвали средними веками. Позднее этим термином стали обозначать в общественных науках период существования феодального общества в Европе. Средневековое европейское сообщество сложилось в результате взаимодействия античного культурного наследия, феодального способа производства, варварского мира барбаросов, христианского вероучения, сыгравшего эпохальную роль духовной скрепы, вступивших в неизведанный виток цивилизационного развития народов

Европы. Процесс Великого переселения вплоть до VI–VII вв. был тем плавильным тиглем, в котором историческое перекрёстное взаимодействие указанных событий, создавая разнообразные внутривидовые комбинации в их взаимодействии, формировали условия для перекаивания и «сшивания заново» из живой материи этнических сообществ новые социально-экономические, политические формирования европейских народов. Вожди варварских племен после ряда успешных завоеваний превратились в королей, создав королевства англов, франков, бургундов, лангобардов.

Социально-философская мысль, осознав исторический релятивизм опыта сознания и культуры, зависимость представлений от ракурсов восприятия действительности, пришла к мысли о необходимости посредством рефлексии обозначить базовые конструкты онтологии средневековой цивилизации и выявить знаковые особенности становления идей культурного пространства в реальности её бытия и его роль в формировании европейской мыслительности. В основу исследуемого материала заложен принцип актуализма, согласно которому прошлое познаётся в свете настоящего более глубоко и всесторонне. Об этом явствуют философские трактаты Августина, Фомы Аквинского, Алкуина Йоркского, Северина Бозция, Альберта Великого, Петра Абеляра, Бернарда Клервоского, Иоанна Скотта Эриугены, Ансельма Кентерберийского.

В 313 г. христианству был дарован статус официальной религии. После разрушения Римской империи оно в течение многих веков оставалось единственным социальным институтом, общим для всех стран, племен и государств Европы. В условиях тяжелой и скудной жизни, на фоне крайне ограниченных и малодостоверных знаний, христианство предло-



жило людям стройную систему представлений о мире, его устройстве и устойчивости, о действующих в нём силах и законах. Добавим к этому эмоциональную притягательность христианства с его теплотой, общечеловечески значимой проповедью любви и всем понятными нормами социального общежития, с романтической приподнятостью и экзотичностью сюжета об искупительной жертве, наконец, с утверждением равенстве всех без исключения людей в самой высшей инстанции. Августин подчёркивал, что учить мыслить — это значит учить жить, учить чувствовать, воспитывать одухотворенность ежедневного поведения. Немногознание — цель божьего наставления. Истинное человековедение требует неспешного и вдумчивого диалога с божественно устроенным миром, с самим Божеством. Как микрокосм человек отражает макрокосм бытия и связан с ним теснейшим образом во всех своих проявлениях, в том числе и в том, что называется собственным индивидуальным развитием.

Варварские королевства заимствовали административную, фискальную систему империи и римское право. На королевской службе находились образованные римляне, так как большая часть варваров была неграмотной. Латинский язык стал общеевропейским до окончания процесса формирования национальных языков. Важнейшим социокультурным процессом стала ассимиляция германских и романских племен, складывание новых этнических общностей и народных говоров, диалектов, ставших основой для формирования национальных европейских языков. Постепенно на территории Западной Европы сформировались две языковые группы: романская группа (испанский, итальянский, французский, португальский, румынский и молдавский); германская группа (немецкий, английский, норвежский,

датский, шведский). Латинские корни сохранились в романских и германских языках. Формирование новых этнических общностей сопровождалось процессом образования устойчивых государств. В 800 г. король франков короновался в Риме императорской короной, возникла Священная римская империя со столицей в г. Аахен. Культура эпохи Каролингов несла в себе ярко выраженный отпечаток античности. В империи Карла Великого стала быстро расти грамотность, создавались школы, возникли центры книгопечатания. Созданию книг придавалось особое значение. Возник единообразный упрощенный шрифт — каролингский минускул, благодаря чему книга стала более доступной для чтения. Сложилось несколько школ по оформлению книг.

XI–XIII века стали временем, когда достигли полного расцвета все основные социокультурные институты: феодализм как тип экономической и социальной зависимости крестьян от феодалов, отношения вассалитета внутри класса феодалов («феодальная лестница»), римско-католическая церковь с духовным, культурным и общественным влиянием.

С X в. начались важнейшие социокультурные процессы:

- складывание городов;
- развитие ремесла;
- системы образования;
- зарождение первых схоластических форм науки.

**Основой экономического уклада был феодализм.**

Средневековый человек чувствовал тесную связь с землей, на которой он родился и жил, с его деревней. Для рыцаря — это связь с родовым поместьем и замком, название которого присоединялось к его личному имени; для горожанина — с городской общиной. Отсюда — огромное значение областей, земель, сила местного патриотизма. Лишь к концу средневековья в умах людей крепнет сознание того, что бургунды,

туринцы, гасконцы, нормандцы — французы, а швабы, саксонцы, баварцы — немцы. В средневековье существует множество народностей, но еще нет наций.

Культура Средневековья основана на христианской религии и представляет собой христианско-религиозный тип культуры. Само христианство зародилось в Древнем Риме. Первоначально в I веке оно еще не знало церковной организации, но понятие «церковь» уже существовало и означало единение верующих в Иисуса Христа. Институт священства тогда заменяли сами апостолы. Самыми выдающимися харизматическими личностями, сыгравшими важнейшую роль в становлении христианской церкви, были апостолы Петр и Павел. Павел (Савл) был первым миссионером, продвигавшим христианское учение за пределы сектантского движения, создавшим из христианства вненациональную мировую религию. Петр стоял у истоков формирования христианской церкви. Римские епископы, считавшиеся приемниками апостола Петра, с конца V в. приняли на себя титул «римский папа», сосредоточив в руках духовную и в значительной мере светскую власть над Римом и Италией. Папа Григорий I в конце VI в. добился независимости от Византии. При поддержке франкского короля Пипина Короткого папа Стефан II создал в Центре Италии в 756 г. собственное государство — Ватикан. Но в X – середине XI вв. в Италии наступила политическая анархия, папство пришло в упадок, а духовенство попало в зависимость от светской власти.

Бенедикт Нурсийский написал монастырский устав, в котором изложил основные принципы монашеского движения: монахи должны отличаться скромностью, умеренностью, милосердием и, в то же время, вести активную физическую и духовную деятельность. Монастыри стали заниматься аграрным производством, мастерскими по изготов-

лению рукописей. В период политической анархии в сер. XI в. борьбу за изменение положения церкви возглавил монастырь Клуни в Бургундии. В X–XI вв. были созданы объединения монастырей с единым управлением — первые монашеские ордена (бенедиктинцы, цистерцианцы и др.). Крестовые походы XII–XIII вв. придали полувоенные-полумонашеские формы организации орденам (госпитальеров, ианнитов, тамплиеров, тевтонских рыцарей). Руководители этих орденов подчинялись лично римскому папе. В начале XIII в. возникли нищенствующие ордена (францисканцев и доминиканцев), призванные бороться за чистоту христианского учения против еретиков и выступать миссионерами. 1054 г. ознаменовался новым этапом развития христианской церкви. Произошел раскол христианской церкви на западную (католическую) и восточную (греко-кафолическую или православную). Православие и католицизм с этого времени представляли собой два варианта религиозной христианской культуры.

По всей западной Европе началось активное церковное строительство в романовском и готическом стилях. Это соборы в Пуатье и Арле во Франции; в Шпейере, Вормсе, Майнце, Аахене в Германии. Лучшими памятниками готического искусства стал собор Парижской богородицы, Руанский, Реймский, Шартрский во Франции; Лондонское Вестминстерское аббатство и собор в г. Линкольне в Англии; Миланский собор в Италии, Пражский — в Чехии, Краковский — в Польше. Из гражданских зданий готической архитектуры наиболее известны городская ратуша в Брюсселе, королевский замок в Амбазе во Франции.

Средневековые города стали приобретать своё лицо с учетом их общественного устройства и социокультурной роли: столицы, вольные города-коммуны, университетские

города. Градообразующими объектами становились сеньориальные замки, ставшие столицами королевств или графств, архиепископств. Это Неаполь, Париж, Дрезден, Аахен. Либо строились около портов, промышленных формирований, например, Венеция, Генуя, Флоренция, Гамбург, Любек, Амстердам и т.д. Другие возникали вокруг университетов — Болонья в Италии, Кембридж и Оксфорд в Англии, Гейдельберг, Тюбинген и Виттенберг в Германии. Именно в городах начинается «техническая революция» зрелого средневековья. С XI в. повсеместно внедрялись обожженный кирпич, облицовочный кафель, черепица. К XII в. были освоены такие методы обработки металла, как сварка, штамповка, термическая обработка, вытяжение, протягивание, шлифовка, чеканка. В XIII в. — изобретены очки, в XIV в. — бинокль, изобретателями которого стали Гросетест и Вителло. В XII в. появились ручные и педальные станки (ткацкие и токарные). В XIV–XV вв. — кривошипные механизмы, зубчатые передачи, сверлильный станок, подъемный кран. Примерно в это же время был сконструирован и первый автомат — механические башенные часы. С XIV в. распространяется огнестрельное оружие. В последней трети XV в. И. Гуттенбергом было изобретено книгопечатание.

Говоря о средневековом городе, отметим, прежде всего, весьма пестрый состав его населения, организованного в систему корпоративных союзов-общин. В городе могли жить знатные господа-сеньоры, владельцы городской недвижимости, разнообразные агенты господ и духовенство, как приходское, так и монашеское. В городе обязательно обреталось купечество, ремесленники, «интеллигенция» в виде докторов, инженеров, школьных, а часто и университетских преподавателей, юристов-законников. Все они были объединены в корпорации: купцы — в гильдии, ремеслен-

ники — в цеха, свою корпорацию имели доктора... Отдельные корпорации составляли университетские студенты, евреи, проживающие в гетто — еврейских кварталах. Каждая корпорация обычно имела свои храмы, своих святых, свои праздники, нередко свою территорию — те или иные кварталы... Поэтому культура средневекового города — это, с одной стороны, сумма корпоративных субкультур, а с другой — нечто целостное, представляющее оригинальную физиономию города, отличающее его от деревни.

До XI в. немногочисленные школы находились при дворах варварских королей, кафедрах епископов, церквах и монастырях. С ростом городов появились городские муниципальные школы, где учились бродячие школяры — ваганты или голиарды, происходившие из городской и рыцарской среды, низшего клира. Нередко преподаватель и группа школяров кочевали с места на место. Яркую картину этих странствий воссоздал один из самых известных ученых средневековья Петр (Пьер) Абеляр. Школы в ряде городов стали превращаться в университеты. Первым университетом был Болонский, возникший в конце XI в. на основе школы, в которой работал известнейший в те времена знаток римского права Инерий. Чтобы поступить в университет, не надо было заканчивать школу. Университет обычно имел 4 факультета: богословский, юридический, медицинский и артистический (семи свободных искусств). Последний был необходимой подготовительной ступенью к любому из трех других. Студенты объединялись по национальному признаку в «провинции», которые образовывали нации. Таких наций в Парижском университете было четыре: галльская, пикардийская, норманнская и английская. Каждая нация выбирала себе главу — прокуратора, а все 4 нации избирали ректора, который был главой университета. Общежития

называли колледжи. Основанная в XIII в. духовником французского короля Робером де Сорбоном коллегия для 16 бедных студентов богословского университета постепенно так разрослась и укрепила свое влияние, что ее именем стал называться сначала богословский факультет, а затем и весь парижский университет — Сорбонна. Средневековая университетская наука называлась схоластика. Самое яркое выражение схоластика нашла в трудах католического богослова — доминиканца Фомы Аквинского.

Признавая духовное руководство католической церкви, каждый класс феодального общества развивал собственную субкультуру. Господствующий класс светских феодалов работал в XIII в. сложный ритуал обычаев, манер, дворянской вежливости (куртуазная культура), разнообразных светских, придворных и военно-рыцарских развлечений. Большое распространение получили рыцарские турниры — публичные состязания рыцарей в умении владеть оружием, отражавшие военную профессию феодала. Известностью пользовались циклы романов о британском короле Артуре и романы об Амадисе Галльском, широко распространенные в Испании, Франции и Италии.

Крестьянская культура средних веков была представлена в виде фольклора — устного творчества. Народные танцы, лирические песни, народные сказки, героические саги, пословицы, поговорки, загадки представляли собой разнообразные формы народного фольклора, передававшиеся из поколения в поколение, ярко отражая народный быт, настроения и желания. Значительная часть фольклора была использована городскими поэтами. В частности, сказочный эпос, зародившийся в основном в деревне, был широко использован в дальнейшем городской сказочной сатирой. Средневековый город также много сделал для развития

пространства культуры и совершенствования культурного пространства. В городе зародился средневековый театр, сначала в виде мистерий, т.е. драматических сцен на различные библейские сюжеты. Потом в них постепенно включался светский бытовой материал, часто получавший комически-сатирический характер фарса. Горожане имели свои любимые массовые развлечения: карнавалы, уличные шествия с музыкой и в масках, которые устраивались в конце зимы (в промежуток между праздником Рождества и началом весеннего Великого поста).

Каждая социальная система характеризуется своим особым способом восприятия мира. Называя её основные концептуальные и чувственные категории универсальными, мы имеем в виду то обстоятельство, что они присущи человеку на любом этапе его истории бытия в данную эпоху, — но по своему содержанию они изменчивы: пониманием времени или свободы, отношением к труду, пониманием права, с различными восприятиями пространства и толкованием причинности. Надо полагать, что в рамках одной эпохи все эти категории не представляют случайного набора, а образуют в своей совокупности систему, и изменение одних форм связано с изменением и других:

- христианство с самого начала базировалось на монотеизме. Трансцендентность единого бога в христианстве абсолютна;

- христианство отбросило неоплатоническую концепцию, в соответствии с которой до демиурга существует бесформенная материя, а деятельность последнего состоит только в оформлении этой материи и в приведении ее из хаоса к благоустроенному космосу;

- человек противоестественно отпал от Бога и целыми тысячелетиями мучается от этого;



- Бог милостив. Он воплощается в человеке, чтобы искупить его грех;
- кто идет по стопам Христа, тот будет навеки спасен;
- человек — существо привилегированное, создано Богом по образу и подобию самого себя;
- человек — господин и повелитель всего, что создано для него;
- школа ценностей, в которой на передний план выступала вера и её 12 символов;
- смирение, кротость, готовность любить и прощать своих врагов;
- вершиной в развитии патристики явилось учение Аврелия Августина, в схоластике — Альберта Великого и Фомы Аквинского.

Происхождение понятия «Возрождение» (Ренессанс) восходит к XVI в. к работам итальянского художника и историка искусства Дж. Вазари. В Италии не только появляется термин «Возрождение» — там эта эпоха зародилась, там сформировались ее основные черты и особенности.

Из Италии возрожденческая культура распространилась по всей Европе.

Предвозрождение в Италии представлено именами художника Джотто, поэта Данте, мыслителя и монаха Франциска Ассизского. В это время человек еще не утратил связи со своим духовным центром, с Богом, как это произошло в более позднее время. Проторенессанс, по мнению Бердяева, потому так совершенен, что соединяет гуманизм и религиозную духовность.

Новой растущей социальной группой в городах становятся люди свободных профессий, специально занимающиеся науками, искусством, литературой и получающие средства для жизни благодаря своим занятиям, — возрожденческая интеллигенция. Появление этой группы стало возмож-

но потому, что укреплявшие свое материальное положение бюргеры, подражавшие образу жизни феодальной аристократии, значительно расширили число заказчиков и потребителей светской художественной культуры. Именно горожане, в силу своих жизненных деловых интересов нуждаясь в развитии естественных наук и мореходства, обеспечили переориентацию науки от познания Бога к познанию Природы. Именно они были наиболее заинтересованы в разрушении средневековой иерархической системы, в которой место каждого человека предопределялось его происхождением, в нейтрализации сильного экономического и политического влияния церкви.

Возрожденческая культура обратилась к античности как высокому образцу. Для Италии ее великим историческим прошлым была античность. Северная Европа вслед за Италией «вспоминала» и свои варварские истоки. Отсюда более тесная связь Северного Возрождения с готикой, со средними веками. Постигание человеком мира, наполненного божественным творением и божественной красотой, явилось одной из задач Возрождения. В ренессансной культуре произошло своеобразное открытие природы, мир стал переосмысливаться с рационалистических позиций. Наука стремится познать естественные законы мирового развития. От созерцания тайн природы в начале эпохи человек переходит к активной позиции, выступая как ее завоеватель и покоритель.

Открытие Нового Света и столкновение с неведомыми до сих пор цивилизациями и культурами не только меняло предметный мир культуры европейского человека, преобразовывало его быт, но значительно расширяло границы мира и границы человеческого сознания в результате кото-

рой произошло распространение европейской культуры «вширь».

Человек в понимании гуманистов должен быть всесторонне развитым. Гуманистические представления о человеческой личности воплотились в титанизме. Возрождение раскрепостило огромный внутренний потенциал человека, накопленный на протяжении всего европейского средневековья, но сам человек еще не научился управлять этой раскрепощенной энергией. Идеи протестантской религии, возникшей как оппозиция консервативности и деспотизму католицизма, были направлены против роскоши и жесткого контроля католической церкви за внутренней духовной жизнью человека. Протестантизм сделал церковные традиции более демократичными, поставил индивидуальную веру личности выше ритуальной стороны религиозности, заложил основы свободомыслия и правовых основ государственности. Идеалы протестантизма соответствовали эпохе первоначального накопления капитала и объективно способствовали укреплению зарождавшихся капиталистических отношений. Она имела элитарный характер. Основная масса населения европейских стран продолжала жить в рамках старых мировоззренческих традиций. Но заслуга деятелей Возрождения состояла в том, что своей гуманистической работой они обусловили характер дальнейшего развития европейской культуры.

Гуманисты сформировали свой человеческий идеал, отличавшийся от средневекового рыцарства, но сохранивший в себе черты рыцарственности. Этот идеал был представлен в трактате Бальдассарре Кастильоне «Придворный». Наряду с рыцарскими искусствами (владение оружием, верховая езда) новый идеальный человек должен быть музыкантом, поэтом, художником или оратором, обладать хорошими ма-

нерами (быть опрятным, избегать грубых выходок и грязных выражений), отличаться хорошим воспитанием (быть уступчивым и вежливым). И самое главное, не чуждаясь светских развлечений, быть в душе, а не на показ, глубоко религиозным. Трактат Кастильоне свидетельствует, что возрожденческий человек стремился, не отказываясь от земных радостей, оставаться существом духовным. Гуманист должен был обладать также следующими качествами: превосходно знать язык и иметь каллиграфический почерк; иметь прекрасную память как основу классического образования; свободно владеть миром античной культуры и уметь использовать его на практике.

### ***1.3. Новое время и расширение влияния культурного пространства на цивилизованное становлении наций***

Период XVII – начало XX вв. — период Нового времени. Он характеризуется усложнением культурных процессов во всех сферах социальной бытийности. В этот период появляется полифонизм культуры. Европейская культура стала сложным, многослойным явлением, представляющим собой органическое единство различных по уровню и качеству самостоятельных культурных образований, самобытных и оригинальных по форме и по содержанию. Культура получила ценностную окраску и трактовалась как нечто положительное, что возвышает человека, выступая как результат собственных человеческих свершений, дополняющих его внешнюю и внутреннюю природу. Но главное в этот период — возникновение теоретического внимания к культуре, осуществленное с позиций «философии культуры», которая возводит истоки культуры к немецкой классической философии, рассматриваемой в качестве наиболее важного философского явления эпохи Просвещения, пытаясь путем

критики «предрассудков» сформировать новые культурные образцы (человека, общества, государства, религии, науки, философии и др.),

Рационализм стал идейной основой европейской культуры. Родоначальником рационализма является Р. Декарт. Декарт пришел в этот текучий, бурлящий открытиями мир раннего капитализма с самым решительным желанием пересмотреть всю прежнюю натурфилософию природы и методы её познания. Построить иную философскую концепцию мира на основе рационального метода познания, основанного на математике. В работе «Рассуждение о методе» он впервые употребляет термин «пространство», когда замечает им различие «тела» и «места» в физике аристотелевских времен. Местонахождением стали называть положение тела относительно других тел в пространстве. Тело, попадая в систему координат Декарта, становилось величиной математической, поскольку его местонахождение стало возможным вычислять, и математика и геометрия приобретали черты науки о телесном мире, какими они не были ни в античности, ни в средние века [25].

Отождествив пространство с протяженностью и материей, Декарт придает ему статус субстанции, независимо существующей самой по себе. При этом материя — пространство, составляющее основу единства физического мира, делимое до бесконечности — выявляла в пространстве специфические свойства: непрерывность и прерывность, симметрию и асимметрию, распределение вещества и полей, расстояние между объектами и т.д. Весь этот мир материи — пространства — Декарт представлял гигантской системой изоциренно тонко сконструированных разноуровневых по сложности машин. Предметом его научных изысканий становится конструирование гипотетической картины мира из

простейших начал, которые исследователь находит в разуме как врожденные идеи. Тем самым, Декарт-дуалист допускает независимое существование двух субстанций: мыслящей, представленной сознанием-эпифеноменом материи, и субстанции материальной — протяженной, трехмерной, бесконечно делимой. Эти две субстанции не нуждаются друг в друге, поскольку ведомы Богом. И тем не менее возник вопрос для всего XVII в. — как эти субстанции связаны в человеке?

В этом плане интересны рассуждения Оригена раннехристианского мыслителя, высказанные им в сочинении «О началах» и закрытые для изучения оцерковленными людьми. В этой работе он рассуждает по поводу происхождения души и назначения её для человека. Создана ли душа или не создана? Если да, то как? И приходит ли она вместе с телом, или же, будучи созданной ранее, она приходит специально принять его? Ориген задавался вопросом — почему только человек осознает свое бытие, ставит вопросы о мире и своём существовании. Каким образом в сознании человека складываются верные понятия о сложных и изящных предметах? Откуда рефлексии, память, воображение, созерцание образов и предметов невидимых, потребность рассуждать о природе вещей?

Духи приобретают тело при падении, и оно становится для них местом прижизненного пребывания. Одни падают больше, другие меньше. Одни удержались в совершенстве своем и продолжали совершенствоваться, другие совсем отпали от благостного состояния. Так возникла разница в самоорганизации бытия самости духов. Души живых существ — это грубая форма когда-то совершенных духов. Приняв грубые формы, душа в сочетании с совершенным

духом становится способной быть одухотворенной, стремится к высшему знанию о мире и самой себе.

Декарт гипотетически пытается разместить дух человека в шишковидной железе, назвав её пространственным вместилищем человеческой души. Именно из этого вместилища дух, механически воздействуя на человеческие органы чувств, приводит тело в движение. Таким образом, субъектом познаваемого миробытия в Новое время было провозглашено скептически мыслящее разумное «Я».

Декарт заявил, что человек духовно обретает самого себя через развитие самосознания, рефлексии, самообразования; овладевает познанием природы, проникая в её прошлое и высвечивая её будущее (временной аспект). В формате такого базисного философствования сознание выступает как исходный род несомненного знания, складывающегося из непрерывной познавательной активности субъекта, свободно добывающего знания в пространственно-временных координатах бытия эпохи. И. Кант в «Критике чистого разума» представляет пространство как трансцендентальную априорную форму чувственности, т.е. допытную и от опыта не зависящую, однако необходимо во всяком опыте присутствующую [26].

Категория пространства, таким образом, стала восприниматься как универсальное понятие для описания различных предметных областей бытия, поскольку оно исходно, и в нем фиксируется единство разнокачественных явлений в целостности природного и социального мира. Появилась новая форма организации научной работы — научные общества, академии наук: Лондонское королевское научное общество, Парижская академия наук. В XVII–XVIII вв. произошла естественно-научная революция, выразившаяся в бурном развитии естественных наук, изменивших пред-

ставления людей об окружающем мире. В 1609 г. И. Кепплер открыл закон движения планет, доказал, что Земля вращается вокруг Солнца, а итальянец Г. Галилей изобрел микроскоп, позволивший наблюдать движение планет. Эти открытия подтвердили идеи Коперника, которые были интегрированы английским физиком и математиком И. Ньютоном в 1687 г. в закон всемирного тяготения.

Новое время, обозначив вступление человечества на путь начала индустриального развития, в своем движении по картоиду цивилизационного прогрессирования связывало воплощение в реальность общественного бытия новых гуманитарных парадигм и рациональных целеполаганий, потребность в которых выстрадана необходимостью: по-новому задать меру и смысл человеческому существованию, переосмысления отношения к истории человечества и человека, его микро- и макрокосму, коррекции структуры и содержания системы ценностных ориентаций человека в условиях Нового времени, утверждались права и свободы человека, зародились идеи Просвещения, утвердился критико-просветительский тип культуры. Главными очагами Просвещения были Франция, Германия, которые стали настойчиво трактовать прогресс, основанный на усовершенствовании человеческого разума и всестороннем развитии человека в целом. Значительный вклад в разработку данной проблематики был сделан Кондорсе, Тюрго, Руссо, Сен-Симоном и др.

В самом известном своем труде — «Идеи к философии истории человечества» (1784–1791) — Гердер представляет развертывание истории мировой культуры под влиянием живых человеческих сил, продолжающих собой «органические силы» природы, которые в виде внешних условий также воздействуют на культуру. Однако ее развитие в основ-



ном зависит от проявления внутренних закономерностей, например, от усвоения опыта более ранних исторических форм культуры. Нужно сказать, что культуру Гердер понимал весьма широко, выделяя в качестве ее важнейших частей язык, науку, ремесло, искусство, семью, государство, религию. Взаимовлияние этих элементов и является источником культурного развития [27]. Очень важно то, что Гердер подчеркивал индивидуальный характер, как отдельных феноменов культуры, так и ее различных форм, последовательно появляющихся во времени и сосуществующих в пространстве. Таким образом, он был одним из предшественников разработки понятия «пространство культуры».

Гегель показал, что если в своих целях человек зависит от природы, то в средствах их достижения он господствует над ней. Вот почему, пишет Гегель, «плуг почетней колоса»: хлеб будет съеден, но орудие труда, с помощью которого человек добыл себе хлеб насущный, не исчезнет [28]. Это орудие и есть орудие культуры. Производительные, сущностные силы человека развиваются по своей логике, составляя материальную основу социально-культурного процесса. В философской системе Гегеля культура «узнается» по ее главному, основному предназначению в жизни, в диалектическом восхождении духа — творчеству. Творчество — создание нового, но такого нового, которое не забывает, не уничтожает старое, а помнит о нем, сохраняет его в себе как момент своей собственной истории, как свою предпосылку. Усилились процессы неравномерности социокультурного развития и его противоречивость.

В странах, сохранивших сильные феодальные позиции, сложился абсолютистский (рационально-нормативный) тип культуры. Идеология абсолютизма строго подчиняла себе и регламентировала культуру. Время расцвета абсолютной

монархии совпало во Франции с правлением Людовика Великого, «Короля-Солнца» Людовика XIV. С этого времени в моду входят французский язык, мода, манеры. Блеск двора Людовика вызывал восхищение и попытки подражания со стороны других монархов Европы. Культура XVII–XVIII вв. этого типа не случайно названа галантным веком. В странах молодого капитализма произошло становление парламентаризма и гражданского общества. Преобладающими стали либеральные ценности, утверждались права и свободы человека, зародились идеи Просвещения, утвердился критикопросветительский тип культуры. Представителями Просвещения во Франции были Д. Дидро, Вольтер Ж.-Ж. Руссо, Ш. Монтескье. В Германии — И. Кант, Г.Э. Лессинг, И.В. Гете, Ф. Шиллер, И.Г. Гердер, в Нидерландах — Б. Спиноза. Для идей Просвещения были характерны следующие черты:

- рационализм;
- исторический оптимизм;
- либерализм;
- прагматизм;
- секуляризация;
- толерантность;
- утопичность.

Лессинг провозглашал идеи веротерпимости, право на свободомыслие, равенство народов. В книге «Лаокоон» он заложил основы немецкой реалистической драмы. В баснях и эпиграммах высмеивал немецких писателей за педантизм и холопство перед властью и титулом, бичевал невежество аристократов, ханжество монахов. И.В. Гете вошел в историю мировой литературы как автор трагедии «Фауст», в которой главный герой занят поисками смысла жизни, путь к которому связан с трагическими ошибками и невозполнимыми утратами. В драмах Шиллера «Разбойники», «Дон

Карлос», «Мария Стюарт» отражен протест против феодальных оков в Германии, взяточничества чиновников и других общественных пороков. Шиллер высоко оценил общественную роль искусства, считая, что оно должно карать порок и прославлять добродетель. Наиболее мощным орудием общественного преобразования он считал театр, называя его «школой жизни».

Искусство XVII–XVIII вв. представлено художественными стилями — классицизм, барокко, рококо. Выдающимися представителями барокко в архитектуре были Л. Бернини (площадь Собора св. Петра в Риме, многочисленные фонтаны и скульптуры), Ф. Борромини (церковь Сан-Карло алле Куатро Фонтане в Риме). В Германии интересным памятником является увеселительный замок Цвингер в Дрездене. Музыкальные традиции барокко воплотились в творчестве И.С. Баха, А. Вивальди, Г. Генделя. Рококо как художественный стиль появился в первой половине XVIII в. Для него характерны: утонченность, хрупкость, миниатюрность, вычурность форм; чрезмерная детализированность; манерность и условность, сосредоточение на загадках и тайнах; чувственность, эротизм, сентиментальность; камерность; экзотика. Выдающимися живописцами рококо являются Ф. Буше, А. Ватто, Д. Тьеполо.

Начало французского классицизма связано со строительством Ж.Ж. Суфлю храма Св. Женеьевы (Пантеон) в Париже. Для архитектуры, классицизма характерны навеянные античными образцами ордерная система, четкость и геометрическая правильность объемов и планировки, выделяющиеся на глади стен портики, колонны, статуи, рельефы. Колоннада в комплексе Версаля, площадь Согласия в Париже. В музыке сложилось искусство венской классической школы музыки (В.А. Моцарт, И.С. Бетховен, Й. Гайден).

Культура XIX в. больше, чем культура предыдущих эпох, отмечена ростом цивилизационных процессов, которые становятся доминирующими. Прежде всего, заметна тенденция к обеспечению коммуникации людей. Так, в Европе в 1820 г. не было железных дорог, а к концу века они были построены во всех крупных европейских государствах. В начале века для передачи сообщений на большие расстояния были нужны недели, но в 1837 г. англичане Чарлз Уитстоун и Уильям Кук запатентовали новое изобретение — электрический телеграф, а американец Сэмюель Морзе предложил телеграфный код — «азбуку Морзе», и для передачи информации потребовались секунды. В 1838 г. организуется регулярное пароходное сообщение через Атлантический океан. В 1840 г. в Англии вводятся почтовые марки (до этого письма оплачивались адресатом), это новшество сказалось на росте корреспонденции. В 1841 г. англичанин Томас Кук открыл первое агентство путешествий (*travel agency*).

В 1871 г. через Альпы был проложен первый большой железнодорожный туннель. Развитие возможностей общения можно увидеть и в распространении даггеротипов (ранней разновидности фотографии), изобретение которых принадлежит Луи Даггеру (1838). Техника и технологии изменили сферу материальной культуры. Среди изобретений, улучшивших положение рабочих, необходимо назвать создание англичанином Хамфри Дейви в 1815 г. шахтерской лампы с закрытым огнем. Создание М. Фарадеем динамомашины в 1831 г. заложило основы практического использования электричества. Изобретение шведом Й. Эриксоном винта для корабля в 1836 г. продвинуло вперед кораблестроение. Создание в Англии Генри Бессемером «бессемеровского» способа получения стали (1856) сказалось на многих областях европейской жизни — от производства

оружия до архитектуры и быта. Европа стала гордиться своими техническими достижениями, любоваться ими на всемирных выставках (Лондон, 1851; Париж, 1869). Лондонская экспозиция была развернута в специально построенном Хрустальном дворце из стекла и стали, прообразе новой архитектуры и строительства. Успехи техники привели к тому, что европейцы стали жить более комфортно и во все более искусственной среде. Своего рода символом расширения этого «искусственного мира» явилось изобретение в 1869 г. во Франции маргарина.

Писать о людях в обыденных обстоятельствах значило писать одновременно о жизни, сформировавшей этих людей, и писать нелицеприятно — ведь драматурги Просвещения исходили из больших общественных и человеческих идеалов и решительно не воспринимали всего, что им противоречило. В трагедии они негодовали, в комедии издевались. Крупнейшим английским драматургом XVIII в. был Ричард Бринсли Шеридан (1751–1816). Его сатирические комедии нравов «Соперники», «Поездка в Скарборо» и «Школа злословия» направлены против безнравственности «высшего» света, пуританского лицемерия буржуа. Некогда великая торговая держава Венеция переживала в XVIII в. экономический упадок, но не только сохранила, но и сумела развить свою культуру. В этом небольшом городе работало семь театров — столько, сколько в Париже и Лондоне вместе взятых. На карнавал в Венецию съезжались люди со всей Европы. В этом городе творил Карло Гольдони, создавший 267 драматических произведений. Его лучшая комедия «Трактирщица» разнесла славу Гольдони по всему миру. С большим уважением относился к Гольдони Вольтер — патриарх Просвещения. Современником Гольдони был Карло Гоцци (1720–1806). Он писал сказки, используя фольклор и

некоторые черты комедии дель арте: «Любовь к трем апельсинам», «Турандот» и другие о жизни театральной Венеции.

Самым высоким, достигшим абсолютной зрелости, воплощением комедии нравов была «Женитьба Фигаро» великого французского драматурга Бомарше (1732–1799). Фигаро оказался олицетворением общенародной оппозиции старому режиму — той самой оппозиции, которая привела к революции. И недаром два человека так ненавидели эту пьесу — Людовик XVI, живший в страхе перед революцией, и Наполеон Бонапарт, построивший свою империю на развалинах революционных порядков.

Возникает романтическое мировосприятие, связанное с неприятием действительности, политической индифферентностью, мистицизмом, меланхолией, вниманием к внутренней жизни личности, провозглашением абсолютной и безграничной свободы личности, признанием драматически неразрешимого противоречия между низменной действительностью и высоким идеалом. Романтизм стимулировал отрицание нормативности в создании произведений искусства и выступал за обновление художественных форм — Ф. Шопен, Г. Берлиоз, Ф. Шуберт, Ф. Лист, в живописи — Э. Делакруа, Т. Жерико, Д. Констебл и литературы — Д. Байрон, В. Гюго, братья Гримм, В. Скотт, А. Дюма, Э. Гофман, Г.Х. Андерсен, Ф. Купер. На этом фоне возникает критический реализм. Он показывает взаимоотношения и взаимовлияния человека и среды. Это произведения Стендаля, Флобера, Бальзака, Голсуорси, Гамсунга; в музыке — творчество Бизе, Леонкавалло, в живописи — Милле, Курбе, Коро. В реалистическом искусстве проявление характера человека обусловлено средой обитания и обстоятельствами жизни. Импрессионизм особенно ярко заявил о себе в живо-

писи. Художники-импрессионисты (О. Ренуар, Э. Мане, Э. Дега, К. Моне, К. Писсаро) с помощью новых живописных приемов стремились передать красоту мимолетных состояний природы, подвижность и изменчивость человеческой жизни. Свои пейзажи художники писали на открытом воздухе (пленэре), передавая с помощью чистой, светлой живописи ощущение сверкающего солнечного света.

Понятие «социальное пространство» (введено П. Бурдьё) указывает не только на исторические условия — культурное развитие как средство единения социальных масс, непрерывности социальных событий, но и на специфику форм движения человеческой бытийности на уровне повседневных забот, определенной координации действий людей в определенных условиях, способов и результатов их жизнедеятельности. Классические возможности применения категории «социального пространства» представлены в работах М. Вебера, В.Г. Виноградского, Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля, Ю.Л. Качанова, П. Сорокина. Разнокачественность социального пространства, отмечаемая всеми авторами, связана непосредственно с бытием человека. Именно вещественность человеческого бытия, результаты его преобразующей деятельности задают пространству человекомерные качества, что позволяет рассматривать его как социальный феномен, представляющий собой иерархически выстроенную систему природных и социально-культурных свойств и процессов, обладающих территориальными, временными и иными измерениями, сложно структурированными и неоднородными, подразделяющимися на ряд уровней.

## **2. Пространство культуры и культурное пространство**

Феномен категории «пространство» всегда занимал ведущее место в системе гуманитарного знания. Сущность

данного феномена, его сопряженность с вечными категориями времени и бытия, поиском и определением места человека в нем занимают умы ученых и исследователей в поле философии, физики, математики, социологии, педагогики, психологии и др. Междисциплинарность феномена пространства в системе гуманитарного знания подчеркивает его исключительность и фундаментальность. Говоря о культуре, мы подразумеваем ее реальное бытование в социуме в качестве феномена. Культура приобретает пространственно-временную протяженность, координаты, определяющие то, что в современных исследованиях принято обозначать как «культурное пространство» жизнедеятельности человека.

Философско-культурологическая категория «культурное пространство» представлена в разных теориях и концепциях во временных, исторических срезах и включает в своей характеристике многофункциональность, изменчивость, динамичность, относительность и подвижность [29]. Осмысление сущности концепта «культурное пространство» началось не так давно. Пожалуй, одним из первых данную проблему затронул О. Шпенглер, полагавший, что все культуры развиваются обособленно, будучи ограниченными своими культурными пространствами [30, с. 56]. Единого же культурного пространства не существует.

Культурное пространство неоднородно как с точки зрения своего содержания, так и с точки зрения бытования. И.И. Свирида выделяет два уровня бытования культурного пространства: **концептуальный** (реальные тексты/образы) и **социальный** (среда бытования культуры) [31, с. 19–21]. А.Н. Быстрова пишет: «С нашей точки зрения, в структуре культурного пространства можно выделить следующие составляющие: пространство реального мира (географиче-



ское, физическое); пространство социума; информационно/знаковое и интеллектуальное пространство» [32, с. 98]. При этом высказывается мнение и о том, что свойствами культурного пространства, проявляющими его взаимосвязь с культурой, являются одновременно целостность, связность, непрерывность и структурность [33].

На наш взгляд, культурное пространство следует рассматривать как совокупность материального и духовного компонентов человеческой культуры, неоднородную по своему составу и аксиологическому содержанию, зависящему от ареала распространения той или иной региональной субкультуры (в рамках мировой культуры). Культурное пространство не является унифицированным. Оно есть совокупность культур (этнических, духовных, религиозных, материальных и т.д.). Как верно отмечает С.Н. Иконникова, «культурное пространство в рамках философских исследований понималось и понимается чаще всего как единое человеческое, межкультурное пространство, многомерная система, не поддающаяся унификации» [41]. С.Н. Иконникова в своих работах сформулировала, на наш взгляд, концепцию культурного пространства как культурно-интегрирующего начала существования и развития народов и, что еще важнее, как ценности [14]. Так, в частности, она пишет: «Культурное пространство органично сочетает историческую преемственность, непрерывность и дискретность. В определенном смысле культурное пространство подобно природе, в которой многообразие сочетаний бесконечно» [34].

Таким образом, в данном случае мы можем говорить об аксиологической трактовке концепта «культурное пространство» или, как верно замечает Л.В. Преснякова, об интерпретации культурного пространства как среды «повседневной жизни людей и в то же время — как особую цен-

ность и национальное достояние» [35, с. 58]. Это подтверждают многочисленные примеры переноса культурных пространств и их воспроизведения, например, в условиях так называемых диаспорных сообществ [36, с. 127–128]. А.С. Кармин предлагает трехчастную структуру культурного пространства. С его точки зрения, в нем можно выделить духовную культуру, социальную культуру и техническую культуру [37, с. 52–61]. На наш взгляд, подобное структурирование, безусловно, носит объективный характер (при общей субъективности концепта), но не учитывает пространственно-временные модусы культуры.

Культура как социально-духовный феномен тесно связана со временем своего бытия. Иными словами, каждое время порождает свою культуру. При этом культура ретроспективна по своему характеру: она повторяется на каждом новом этапе развития человечества, но в более совершенных и развитых формах. В данном случае, как нам кажется, довольно четко сформулировала понятие «культурного пространства» И.М. Гуткина, которая полагает, что оно в своей сущности концентрирует три базовых элемента: **время, пространство и менталитет людей** [38, с. 79–87].

Довольно широкое распространение сегодня получил взгляд на культурное пространство как пространство семиотическое, т.е. знаковое. Безусловно, ведущую роль в данном подходе играют работы Ю.М. Лотмана, понимавшего культурное пространство как совокупность текстов: «С точки зрения семиотики культура представляет собой коллективный интеллект и коллективную память, т.е. надындивидуальный механизм хранения и передачи некоторых сообщений (текстов) и выработки новых. В этом смысле пространство культуры может быть определено как пространство некоторой общей памяти, т.е. пространство, в пределах

которого некоторые общие тексты могут сохраняться и быть актуализированы [39, с. 201].

Своего рода компромиссным представляется взгляд А. Рэндвира, считающей, что пространство является «субстратом для культуры», которая в нем «может впитывать новые знания, новые области знаний как в физическом, так и в концептуальном смысле» [40, с. 102]. По мнению А. Рэндвира, культура «запечатляется» в пространстве, а характер ее семиотического содержания зависит от общего понимания той или иной пространственной реальности. Впервые противопоставление *Nomos* и *Physis*, как отмечает Ф. Хайнманн, встречается в сочинениях Гиппократов, который обсуждает вопрос о влиянии климата Азии и Европы на телесный облик населения и духовно-интеллектуальные различия. В качестве причин обнаруженных различий он называет прежде всего климат и строение почвы. Однако остаются особенности, которые нельзя объяснить при помощи указанных факторов. Гиппократ описывает два племени, которые живут рядом, в одних и тех же природных условиях, однако сильно отличаются внешне. Макроцефалы имеют вытянутые черепа, причина тому — не фюсис (природа), а номос (установление) — изменение новорожденным формы черепа, т.е. в данном случае номос становится основой различий. Далее Гиппократ анализирует причины различий духовного своеобразия азиатов и европейцев. И делает вывод, что, хотя основной причиной различий является фюсис, природные условия, влияющие не только на телесную организацию, но и на телесный облик народов, надо учитывать и номос (вторую, так сказать, природу). Для Гиппократов это становится очевидным при рассмотрении племени скифов, на внешний облик которых повлияла и окружающая среда, и обычаи. В своем труде Гиппократ предпри-

нял попытку выявить универсальные принципы влияния окружающей среды на тело и духовные различия народов.

Особый интерес представляет концепция культурного пространства, связанная с географическим фактором и его философской рефлексией. В данной концепции вводится понятие геокультурного пространства. Отечественный исследователь Д.Н. Замятин определяет его следующим образом: «Геокультурное пространство — система устойчивых культурных реалий и представлений на определенной территории, формирующихся в результате сосуществования, переплетения, взаимодействия, столкновения различных вероисповеданий, культурных традиций и норм, ценностных установок, глубинных психологических структур восприятия и функционирования картин мира» [41, с. 58].

Концепция геокультурного пространства, на наш взгляд, не в полной мере принимает во внимание происходящие в мире глобальные изменения, связанные с «размыванием» культурных границ, кросс-культурной коммуникацией. Безусловно, мы не можем не учитывать глобальные тенденции современности, связанные со стандартизацией и унификацией культурного пространства по западным шаблонам [42, с. 264–269]. Впрочем, подобная же тенденция наблюдается и со стороны Востока, где экстремистские силы пытаются навязать миру свою культурную модель, основанную на религии. Тем не менее, на сегодняшний день мы можем говорить о национальных культурах, хотя, как нам кажется, чаще именно в духовно-аксиологическом аспекте. Более того, речь сегодня все больше идет о таком феномене, как транснационализация культуры. Так, О.Н. Астафьева прямо указывает, что «транснационализация является одной из базовых характеристик глобализации культуры как процесса интеграции отдельных национальных культур в

единую мировую культуру» [43]. Но, как ни парадоксально, «транснационализация культуры не рассматривается как пространственно-временной процесс, следствием которого будет формирование единой мировой культуры и полное исчезновение всех национальных культур» [там же]. Транснационализация вполне может привести к фрагментации культурных пространств, их расслоению и выделению слабо и сильно интегрированных звеньев (например, по линии государственные/негосударственные участники мировых политических и экономических отношений) [36].

Похожей позиции придерживаются Р. Клэр и А. Вильямс, отмечающие, что глобализация представляет «новый лейбл», который заменил понятие мультикультурализма: «в глобализации твердая земля культурного пространства перекрывается новой землей. Нравы других культур вторгаются в культурное пространство новых регионов. Совместное настоящее представляет собой смесь не только новых и старых культур, но и смесь различных культур» [44, с. 10]. В результате, говоря о культурном пространстве, мы можем выделить несколько моделей, которые используются на сегодняшний день для его определения.

**Первая из них — физико-географическая.** В ней культурное пространство напрямую увязывается с физической реальностью, основанной на географии культуры. В данном случае мы говорим о локальных культурных пространствах, связанных с национальными традициями и обычаями, характерными для той или иной территории.

**Следующая модель — семиотическая.** Культура в ней понимается как совокупность знаковых систем, которые накапливают и передают ее из поколения в поколение, при помощи которых происходит межкультурная коммуника-

ция. Данная модель носит ярко выраженный культурологический характер, вынося за скобки сферу духовного.

**Третья модель — социальная.** Культура в рамках модели рассматривается как феномен человеческой деятельности и противопоставляется природе. Несмотря на то, что в данной модели присутствует категория духовной культуры, тем не менее она является лишь частью культурного пространства. Кроме этого, практически не уделяется внимание аксиологическому компоненту культуры. Ценности напрямую увязываются с моралью, что является следствием модернистского понимания культуры, сформировавшегося в эпоху Просвещения. Как верно отмечает М.С. Каган, «культура накапливает свои ценности, вынося их за ограниченные пределы современной каждому поколению социальной системы в хранилище общечеловеческого опыта, и тем самым предоставляет каждому новому поколению и каждому индивиду присваивать себе «ту или иную долю этого духовного богатства» [45].

Таким образом, все перечисленные нами модели хотя и обладают значительными преимуществами, тем не менее не носят общепhilosophического, обобщенного характера, выдвигая на первый план те или иные компоненты. При этом практически полностью из поля зрения исследователей уходит проблема аксиологии культуры, культуры как ценности. А ведь еще Г.В.Ф. Гегель определял, что «культура представляет собой имманентный момент абсолютного и обладает своей бесконечной ценностью» [64, с. 216]. Лишь в рамках философии культуры она начинает пониматься как наивысшая ценность.

Ценностный компонент в пространстве культуры стал центральным в Баденской школе. Представители этой школы (Г. Риккерт, В. Виндельбанд и др.) сформулировали аксиологическое осмысление культуры: природа — это дей-

ствительность вне ценностей, а культура — это действительность с точки зрения ценностей [47, с. 410].

Ключевым понятием концепции культуры в традициях Баденской школы являлось понятие ценностей. При этом ценности не только не зависят от ценных вещей, но сами позитивно их обуславливают. Именно благодаря ценностям вещи, реальные дела и ситуации имеют характер «благ», т.е. ценны [48, с. 55]. В результате, по мнению Г. Риккерта, только при помощи ценностей можно отличить культурные процессы от явлений природы, разделить их.

Из отечественных философов, которые обратились к аксиологии культуры, а, следовательно, и к пониманию культурного пространства в первую очередь как пространства ценностей, ценностного пространства, можно назвать Ф. Знанецкого, Н.А. Бердяева, С.Л. Франка, П.А. Сорокина, Н.О. Лосского и других. Таким образом, на наш взгляд, ключевым компонентом, формирующим культурное пространство (как локальное, так и глобальное) являются ценности. Как верно замечает Г.П. Выжлецов, «что бы ни понимать под культурой, ценности как исходные начала любого из ее видов и уровней неизбежно определяют саму культурную специфику, становясь ядром и внутренней основой культуры народа и общества» [49, с. 4].

Культурное пространство — это в первую очередь пространство ценностей. В ряде случаев философия говорит не о ценностях как о первооснове, а об идеях. Тем не менее это не подменяет идеального начала, но лишь усиливает его. Так, американские философы и антропологи К. Клахон и А. Кребер писали: «Культура состоит из моделей, явных и неявных, приобретенных и переданных символов, составляющих отличительные достижения человеческих групп, включая их воплощение в артефакты; существенное ядро культуры состоит из традиционных (т.е. исторически полу-

ченных и выбранных) идей и особенно из сопряженных с ними ценностей» [50, с. 181].

О ценностях, как базовой категории культуры, говорит и Э. Шейн, отмечающий, что при анализе причин поведения тех или иных субъектов в рамках той или иной культуры мы в первую очередь ищем ценности, которыми они руководствуются. В случае же, если ценности не поддаются явному определению, мы обращаемся к артефактам культуры. Но эти артефакты в результате оказываются плодом ценностей, которые лежат в их основе [51, с. 3].

Отказ от понимания ценностей в качестве базового компонента культуры и, следовательно, ключевого компонента культурного пространства является сознательным редуцированием проблемы. Кроме этого, несомненно, на сегодняшний день существуют и серьезные методологические затруднения, связанные с выявлением ценностного компонента, его трактовкой и пониманием. К.М. Воклэр отмечает: «В то время как некоторые исследователи призывают отказаться от концепции ценностей, ценности представляются крайне важными для понимания культуры. Недовольство же концепцией ценностей может быть связано, скорее, с тем, что исследования в области ценностей до сих пор не открыли своего полного потенциала» [52].

Таким образом, культура выступает в двух основных ипостасях: с одной стороны, она есть механизм (код), структурирующий общество, задающий ему направление движения и развития, с другой — совокупность духовно-материального творчества общества. В обоих случаях особую важность приобретают базовые основания культуры. На наш взгляд, это ценности, которые порождают остальные элементы культуры. Во-вторых, культура как феномен находит свое социальное воплощение в качестве культурно-



го пространства, гетерогенного по своей сути. Мировое культурное пространство есть совокупность множества субпространств, которые заключены в рамки национальных культур. Каждое из них определяется через ценности, принятые в том или ином обществе.

Культурное пространство — это пространство ценностей, воплотившееся в духовной (идеологи, нормы морали и т.д.) и материальной (объекты искусства) сферах. Ценности же определяют и содержание субкультур социума: экономической культуры, политической, религиозной, правовой, нравственной, интеллектуальной и т.д. Культура формирует и воспитывает человека. В то же время человек творит культуру, создавая новые произведения искусства, открывая новые области человеческого познания. Создатель и творение парадоксально объединяются в одном лице.

Согласно М.С. Кагану, понятие культуры охватывает множество явлений и описывается огромным количеством определений, раскрывающих всю пестроту взглядов как в нашей, так и зарубежной культурологической мысли. Существующие концепции можно классифицировать следующим образом: **предметно-ценностная, деятельностьная, личностно-атрибутивная, общественно-атрибутивная, информационно-знаковая и концепция культуры как системообразующей подсистемы, общества** [53, с. 54–55].

Термины «культурное пространство» и «пространство культуры» достаточно свободно используются в современных трудах по философии и культурологии. Кроме того, они упоминаются в трудах по искусствоведению, религии, антропологии, истории, эстетике и т.д. Однако исследователи в своих работах нередко видят разный смысл отмеченных понятий.

Следует отметить исследователей (Г.Е. Зборовский, В.Н. Кузнецов, Д.С. Лихачев, А. Моль, В.К. Потемкин, А.Л. Симанов, Н.С. Трубецкой, Н.В. Устрялов, С. Хантингтон и т.д.), которые обращают внимание на процессы организации и обмена культурной информацией, вопросы понимания культурного ландшафта, культурного пространства как геокультуры, анализируют социальное пространство, различные грани культуры и общества. Таким образом, понятие пространства является одним из основных измерений человеческого бытия как в аспекте физического существования человека и его социального бытия, так и в плане духовной жизни. Пространство, по определению А.И. Пигалева, предстает «важнейшим аспектом модели мира, характеристикой протяженности, структурности, сосуществования, взаимодействия, координации элементов отдельной культуры и соответствующих отношений между культурами, а также смысловой наполненности для человека структурной организации элементов культуры и многих культур» [54, с. 58–59].

Пространственное восприятие формирует представление о пространствах культуры. Пространственная характеристика культуры обнаруживает уровни и степень взаимопроникновения различных культур, что является актуальным в эпоху глобализации. Таким образом, культура воспринимается как некая пространственная система, в состав которой входит множество взаимодействующих пространств культур. Осмыслить и концептуализировать данное взаимодействие позволяет моделирование системы «культура – пространство культуры – культурное пространство», тем самым раскрывая явление «пространства в пространстве».

Пространство культуры понимается нами как совокупность всего происходящего в культурной жизни определенного сообщества. Это коммуникативное пространство, объединяющее как физическое (ландшафт, климат и т.д.), так и символическое, духовное начала (язык, нормы, обычаи, ритуалы и т.д.). Пространство культуры выступает хранилищем и источником культурной, не биологической, человеческой жизни. Оно имеет внутреннюю структуру, придающую любому культурному или природному факту когнитивные, ценностные и регулятивные смыслы.

Соприкасаясь и составляя комплексную систему, пространства культуры образуют всеобщее культурное пространство, выступающее регулятором их взаимодействия. Обладая свойством неоднородности, пространства культуры раскрывают важнейшую черту культурного пространства, его плюралистичность. Данная черта во многом объясняет, почему формирование культурного пространства сопровождается рядом характерных признаков. **Во-первых**, во всеобщее культурное пространство интегрируются культурные факты, зародившиеся в отдельно взятых культурных пространствах. **Во-вторых**, культурное пространство являет собой одновременно и пространство национальное, государственное, корпоративное, а также и общечеловеческое. **В-третьих**, законы, действующие в культурном пространстве, распространяются и на отдельно взятые пространства культуры. **В-четвертых**, пространства культуры находятся между собой в постоянном взаимодействии, а также могут объединяться или пересекаться в субъектах культуры [55, с. 13, 20].

В процессе развития каждая культура, находясь в границах своего культурного пространства, создает различные системы знаков, через которые и происходит восприятие

мира человеком. В качестве знака, который нужно не только наблюдать, но и осмысливать, может выступать любое явление, которое в ходе подобного осмысления приобретает определенный смысл и становится фактом культуры. При этом каждый новый знак влияет на предыдущие уровни, меняя расположение элементов и их функциональные характеристики, позволяя системе оставаться органически цельной, при этом постоянно усложняясь.

В процессе деятельности человек в соответствии со своими потребностями познает, оценивает и регулирует происходящие вокруг него и в нем самом явления и изменения, тем самым формируя смыслы. Совокупность этих смыслов и их взаимосвязь являются отражением фактов культуры и наполняют ими пространство культуры. Через осмысление культурного факта происходит переход от пространственной организации физического мира в пространственную организацию пространства культуры. Посредством осмысления места культурных фактов и соотнесение места какого-либо физического объекта с его идеальным воплощением происходит оформление пространства культуры.

Кроме того, культура — это историко-социальное явление, а пространство культуры и культурное пространство является результатом взаимодействия культур во времени и пространстве. При этом культура является целью и результатом преобразующей деятельности человека, а пространство культуры и культурное пространство отражают данный процесс, таким образом, выявляя организующую способность культуры по отношению к пространству культуры. Пространства культуры создают культурное пространство, используя все возможные сочетания элементов пространств культуры. Если в сфере пространства культуры

происходит какое-либо изменение культурных феноменов, то оно отражается и в культурном пространстве, в котором все пространства культуры сосуществуют в едином пространственно-временном континууме. Теоретически человек существует одновременно в нескольких пространствах культуры, но практически его повседневное бытие осуществляется в одном культурном пространстве.

Если рассматривать систему взаимодействия элементов культурного пространства, то есть взаимодействие пространств культур, то следует отметить, что совокупность данных взаимодействий предполагает наличие некоторой всеобъемлющей среды, которая располагает универсальными правилами для такого взаимодействия. Такой всеобъемлющей средой является культурное пространство, которое выступает по отношению к пространству культуры концептуальным построением второго порядка и выполняет функцию выстраивания на различных уровнях коммуникации пространств культур. Взаимосвязь смыслов культурного пространства создает систему связи внутренних элементов культурного пространства с внешними явлениями по отношению к культуре, а также связь одного пространства культуры с другими. Культурное пространство представляется как системная целостность четырех уровней его бытования: **культурное пространство окружающей среды, культурное пространство социума, культурное пространство коммуникации и культурное пространство духовности.** Важнейшим принципом является взаимодействие всех составляющих и, одновременно, их качественное своеобразие. Исследование культурного пространства в процессе его теоретического изучения, вычленение в нем специфических уровней показывает, что данная структура может быть осмыслена как системообразующее начало

культуры, позволяющее концептуализировать её целостность, поскольку, выделив основные виды бытия: **бытие природы, бытие социума, бытие человека и использование бытия культуры в жизнедеятельности**, получаем более полный способ рассмотреть формы бытия культуры.

Термины «культурное пространство» и «пространство культуры» широко используются в современных трудах по философии и культурологии. Кроме того, они упоминаются в трудах по искусствоведению, религии, антропологии, истории, эстетике и т.д. Однако исследователи в своих работах нередко видят разный смысл отмеченных понятий. Г.Е. Зборовский, В.Н. Кузнецов, Д.С. Лихачев, А. Моль, В.К. Потемкин, А.Л. Симанов, Н.С. Трубецкой, Н.В. Устрялов, С. Хантингтон и многие другие обращают внимание на процессы организации и обмена культурной информацией, вопросы понимания культурного ландшафта, культурного пространства как геокультуры, а также анализируют социальное пространство.

В основе анализа пространственных характеристик культуры находится понятие пространства, являющееся одним из основных измерений человеческого бытия как в аспекте физического существования человека и его социального бытия, так и в плане духовной жизни. Пространство, по определению С.В. Фроловой и Е.Ю. Илалтдиновой — это взаимосвязь и взаимозависимость субъективного и объективного начал в иерархии смыслов и значений, ими создаваемых. Пространство — не замкнутый вакуум, где все определено законом «здесь и сейчас». Замкнутость пространства невозможна из-за подвижности его субъектов. Например, те процессы, которые были рождены в конкретном пространстве, могут продолжать «проживаться» его субъектами за его территориальными границами. Прожива-

ние этих процессов субъективно не только по территориальному признаку, но и субъективно во времени: неизвестно в какой конкретный момент разные субъекты продолжают проживать этот процесс. Пограничность, рассматриваемая Бахтиным как онтологический признак, выступила одной из фундаментальных характеристик пространства культуры. По его определению, оно целиком располагается на внутренних и внешних границах, которые свидетельствуют об «автономной причастности» и «причастной автономности» каждого культурного акта. Граница, сакрализованная в мифопоэтическом и традиционном сознании, приобретая с ходом истории этнический и социально-политический характер, ментальный и геопрактический, в XX в. оказалась трактована как научное понятие. Собственно, любая пара антитетических признаков, в том числе пространственных (свой/чужой, далекий/близкий, внешний/внутренний, центр/периферия и т.д.), по которым изначально осознавался, а в современной науке структурно-семиотически описывался мир, содержит представление о границе. Более того, можно сказать, что и результат данного проживания несколько субъективен — он разный в сознании каждого субъекта, но в то же время объективен в его воплощении в реальной действительности [58].

Пространственная характеристика культуры обнаруживает уровни и степень взаимопроникновения различных культур, что является актуальным в эпоху глобализации. Таким образом, культура воспринимается как некая пространственная система, в состав которой входит множество взаимодействующих пространств культур. Осмыслить и концептуализировать данное взаимодействие позволяет моделирование системы «культура — пространство культуры — культурное пространство», тем самым раскрывая яв-

ление «пространства в пространстве». Пространство культуры понимается нами как совокупность всего происходящего в культурной жизни определенного сообщества. Это коммуникативное пространство, объединяющее как физическое (ландшафт, климат и т.д.), так и символическое, духовное начала (язык, нормы, обычаи, ритуалы и т.д.). Пространство культуры выступает хранилищем и источником культурной, не биологической, человеческой жизни. Оно имеет внутреннюю структуру, придающую любому культурному или природному факту когнитивные, ценностные и регулятивные смыслы.

Соприкасаясь и составляя комплексную систему, пространства культуры образуют всеобщее культурное пространство, выступающее регулятором их взаимодействия. Обладая свойством неоднородности, пространства культуры раскрывают важнейшую черту культурного пространства, а именно его плюралистичность.

Рассматривая систему «культура — пространство культуры — культурное пространство» следует отметить, что если культура — находит свое воплощение в объектах культурной деятельности, то культурное пространство и пространство культуры являются мыслимыми человеком, который способен выбирать, что вносить ему в систему его жизнедеятельности, а что оставить на уровне пассивного знания в сфере своего культурного бытия. Таким образом, восприятие физического объекта становится осознанием связанной с ним череды смыслов и ассоциаций.

В процессе развития каждая культура, находясь в границах своего культурного пространства, создает различные системы знаков, через которые и происходит восприятие мира человеком. В качестве знака, который нужно не только наблюдать, но и осмысливать, может выступать любое яв-



ление, которое в ходе подобного осмысления приобретает определенный смысл и становится фактом культуры. При этом каждый новый знак влияет на предыдущие уровни, меняя расположение элементов и их функциональные характеристики, позволяя системе оставаться органически цельной, при этом постоянно усложняясь. В ходе своей деятельности человек в соответствии со своими потребностями познает, оценивает и регулирует происходящие вокруг него и в нем самом явления и процессы, тем самым формируя смыслы, которые отражают его реакцию на происходящие изменения. Совокупность этих смыслов и их взаимосвязь являются отражением фактов культуры и наполняют собой пространство культуры. Через осмысление места культурного факта в действительности происходит переход от пространственной организации физического мира в пространственную организацию пространства культуры. В этом случае культура предстает в качестве знаковой системы, включающей в себя вещи, в которых опредмечиваются общекультурные смыслы явлений интеллектуальной сферы жизни людей.

Открытие новых фактов культуры является целью и результатом преобразующей деятельности человека, и пространство культуры и культурное пространство отражают данный процесс, выявляя организующую способность культуры по отношению к пространству культуры. Пространства культуры создают культурное пространство, используя все возможные сочетания элементов пространств культуры. Если в сфере пространства культуры происходит какое-либо изменение культурных феноменов, то оно отражается и в культурном пространстве, в котором все пространства культуры сосуществуют в едином пространственно-временном континууме. Теоретически человек существует одновре-

менно в нескольких пространствах культуры, но практически его повседневное бытие осуществляется в одном культурном пространстве.

Если рассматривать систему взаимодействия элементов пространства культуры, то следует отметить, что совокупность данных взаимодействий предполагает наличие некоторой всеобъемлющей среды, которая располагает универсальными правилами для такого взаимодействия. Такой всеобъемлющей средой является культурное пространство, которое, выступая по отношению к пространству культуры концептуальным построением второго порядка, выполняет функцию выстраивания на различном уровне коммуникации пространств культур. Взаимосвязь смыслов культурного пространства создает систему связи внутренних элементов культурного пространства с внешними явлениями по отношению к культуре, а также связь одного пространства культуры с другими. Система культурного пространства характеризуется динамикой, позволяющей предвидеть поведение всего комплекса пространств культуры, тем самым раскрывая, **во-первых**, функция прогноза развития культурного пространства, а **во-вторых**, функция прогноза существования пространства культуры и результатов взаимоотношений пространств культуры. Прогноз стабилизирует систему культурного пространства и сохраняет ее в точке аттрактора.

Таким образом, культурное пространство становится отражением концепции поликультурализма, согласно которой все культуры в мире являются взаимосвязанными, а пространства культур, пересекающиеся в индивиде, формируют взаимопроникающие понятия. Кроме того, культурное пространство и пространства культур являются отражением культуры и реализуют ее динамические и статические

характеристики. Раскрытие природы пространств культур и культурного пространства дает понимание и осознание сосуществования, взаимопонимания и взаимодополнения пространств культур, составляющих культурное пространство.

### **Выводы по первой главе**

Культурное пространство (в границы которого сегодня принято вписывать все культурные феномены) выступает как некий ареал, в котором реализуются человеческие виртуальности (задатки, возможности, способности, желания и пр.), осуществляются социальные программы, цели и интересы, муссируются идеи и взгляды, языки и традиции, верования и нормы и так до тех пор, пока глаз наблюдателя способен отслеживать горизонт событий.

История формирования пространственного ареала культуры уходит в далекое прошлое. Культура как четвертое состояние бытия (ученые выделяют четыре состояния бытия: бытие природы, бытие общества, бытие человека, бытие культуры), обладает всеми качествами любого из таких состояний: она не только существует в мире относительно самостоятельно и относительно объективно по отношению к любому действительному субъекту, но и развивается во времени и пространстве. С первых шагов человечество воспринимает пространство с точки зрения своих жизненных интересов как форм бытия, обращенных к восприятиям, переживаниям, осмыслению повседневной практики каждого конкретного человека. Пространство выступает важнейшей характеристикой бытия, а от его восприятия напрямую зависит деятельность человека по освоению и переработке окружающего мира. А.Н. Быстрова обращает внимание на то, что освоение человеком простран-

ства с целью выживания принесло осознание существования сторон света, «верха» и «низа», осмысление места, понимание далекого и близкого, изучение ландшафта и т.д. Образ пространственных ориентиров сформировал у человека разделение на «свое» и «чужое», что, впоследствии, вылилось в выделение национального, социального единства пространственного сосуществования.

Человек постоянно живет в состоянии «сотворения» культурного пространства. Результаты такой творческой деятельности оформляются в определенной системе, которая формирует оценочные и поведенческие ориентиры. Культурное пространство начинает духовно превалировать над человеком, как фиксированная система культурных ценностей и норм, создающая стереотипы поведения, чувствования и мышления. Из культурного пространства человечество черпает готовые варианты решения множества жизненных проблем.

В этом случае можно говорить о культуре как о пространстве, в котором живет, формируется, развивается и творит человек. Пространство хранит в себе память обо всех событиях, деяниях и творениях человечества, пополняясь в результате культурной деятельности людей. «Культурное пространство — это все многообразие моделей и идеалов человеческой деятельности и все отношения культуры». Оно обладает всеми качествами, которыми обладает сама культура, характеризует всю человеческую деятельность человека, как часть социума и как личность.

Множественность элементов культурного пространства подтверждается тем, что исследования его разными специалистами привело к появлению разных контекстов и смыслов его понимания, оформили определенную точку зрения на данный феномен. Теоретические представления о реаль-

ном культурном пространстве формируются до появления концепта «культурное пространство». Еще в XIX веке О. Шпенглер в своем труде «Закат Европы» утверждал, что все культуры существуют совершенно обособленно относительно других культур, эта обособленность определяется ограниченным пространством обитания. Н.А. Бердяев в работе «О власти пространств над русской душой», обозначая контуры русской культуры, также писал о влиянии пространства на менталитет культуры. «Ширь русской земли и ширь русской души давили русскую энергию, открывая возможность движения в сторону экстенсивности. Эта ширь не требовала интенсивной энергии и интенсивной культуры. От русской души необъятные российские просторы требовали смирения и жертвы, но они же охраняли русского человека и давали ему чувство безопасности». Следовательно, культурное пространство — это реальная протяженность территориального сообщества, которое состоит из определенного количества дистрибутивно сопрягающихся в параметрах времени «текстов» культуры.

Более детально прорабатывает пространственный ареал культуры А.С. Кармин. Формируя термин «культурное пространство», ученый определяет его как «пространство, образованное множеством феноменов культуры, переплетающихся и взаимодействующих между собой». Культурное пространство есть вместилище множества объектов. Это отдельные феномены культуры, их комплексы и группировки и целые культурные миры — национальные культуры, цивилизации. Культурное пространство обнаруживает себя как некую материальную и духовную реальность. Осваивая пространство, насыщая его знаками и значениями, культура осмысляет его природные признаки. Изначально чисто топологические признаки перерабатываются в так называемую «вторую природу» — культурное пространство.

Человек, как творец культуры, творит и пространство своего обитания. «Отвоевывая жизненное пространство в первую очередь у природы (пространство как территорию), человек осваивает его и как существо природное, и как социальное, ибо деятельность его, направленная, прежде всего, на преобразование природного мира, является по определению способом существования социального. Результатом этой деятельности становится рукотворный мир «человеческих поделок» (М. Хайдеггер) — мир культуры». Творчество наполняет этот мир множеством значений. Пространство оказывается постоянно вовлеченным в поле деятельности человека, поэтому культурное пространство всегда несет в себе содержательное, творческое начало. Так Восток и Запад начинают восприниматься как определенные типы культуры. Пространственные признаки также делят народную, элитарную, сакральную и светскую культуры. Главную роль здесь играет субъективация культурных явлений в тексты культуры. Пространство не ограничено конкретными рамками, оно осознано как связанное с событием, памятью, то есть образами, соответствующими значимости данного пространства.

Как пространство концептуальное, культурное пространство может быть описано в рамках своих семантических, временных характеристик, в особенностях движения и т.д. Как уже было сказано, описанное пространство творится в текстах культуры. С точки зрения структурализма и семиотики культура по сути своей «текст» и набор «текстов». «Язык — дом бытия» (М. Хайдеггер), чтобы событие стало явлением культуры, оно должно быть выражено в тексте, тогда культура может выполнять функцию хранения и передачи информации. В семантическом поле языка культуры происходит накопление, оформление в текст, а затем с помощью методов различных наук — дешифровка или раскодирование информации, заложенной в глубинных струк-

турах культуры и сознания. Любой текст принадлежит культуре, вне культурного пространства текст перестает существовать.

## ГЛАВА 2. ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА И СТАТУС КАТЕГОРИИ «КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО»

### 1. Модели структурирования культурного пространства. Морфология культуры

Человек, отделившись в свое время от природы, создал культуру. Когда человек, по выражению Э. Фромма, «оказался дезертиром» природы, она возникла перед ним как объект, достойный познания. Лишь тогда, когда уже началось отчуждение человека от культуры, культура стала предметом и объектом исследований [63]. Осмысление культуры как системы артефактов, ценностей и норм, как деятельности, творчества, знаковых систем и смыслов, раздробило её на отдельные сферы, часто не воспринимаемые как взаимосвязанные, что породило феномен человека «разорванного». «Частичность» человека, корни которой исходят из XVIII в. и прорастают в XIX в., обернулась разрозненностью и расколом общественных отношений и коммуникаций в области изучения культуры, которая сохраняется до сих пор. Мировоззренческой реакцией на этот вяло решаемый процесс стала позиция постмодернизма, запечатлевшего эту частичность и разорванность мира в понятиях — «деконструкция», «ризомы», «ландшафт мышления» и т.д. Распад системы ценностей в науке, религии, философии, морали — т.е. в тех системах, которые главной функцией считали построение целостной картины мира и человека, завершился представлением мира как хаоса, процесса коммуникаций как затянувшуюся игру в «глухой телефон» и человечества как раковой опухоли на теле Земли. Процесс, начатый еще модернизмом, ознаменовался «отказом» от времени, что, по вы-



ражению Л.Г. Ионина, привело к «заколдовыванию» мира, т.е. к отрицанию рационалистических путей его познания.

Однако современность, отметив пристальный взгляд постмодернизма на кризисные явления культуры и сложность человека, как её явление и автора, вслед за ними, стала делать акцент на поиске путей выхода человечества из зоны обострения противоречий любого рода, к определенному «расколдовыванию» мира и осмыслению путей его развития. Изменяющийся облик общества обозначил приоритет культуры во всех сферах человеческой жизни, в связи с чем усилился интерес к её бытию, онтологическим и структурным особенностям её модальности и роли в мире, как системообразующему элементу, придающему целостность всей общественной жизни.

На культуру стали возлагать надежды, связанные с поиском стратегий деятельности человечества для преодоления обостряющихся противоречий, являющихся результатами самой этой деятельности.

Теоретики культуры стали уделять внимание временному исследованию культуры и событиям в ней происходящих, подчеркивая тем самым ее изменчивость, подвижность. Однако многомерность культуры не может быть определена исключительно в темпоральных характеристиках, которые без пространственного исследования были способны фиксировать в событии культуры только структуру момента. Их актуализация растворяла культуру в событийном, процессуальном потоке артефактов разной степени значимости, представляя ее как явление только становящееся, но не «ставшее». Феномен культуры, обретшей качественную определенность, невозможно постигнуть, не принимая во внимание его пространственных параметров; именно пространственная парадигма позволяет увидеть

культуру как системную целостность, обладающую особой структурой, определенными видами однородности и, одновременно, — многомерности.

Пространственные характеристики культуры дают возможность выявить и обосновать её целостность как ставшего, обладающего достаточной полнотой процесса, развертывающего многообразие составляющих её элементов, связей и отношений между ними. Категория культурного пространства становится структурообразующим принципом исследования упорядочивающей, гармонизирующей всю систему человеческого мира сущности культуры. В этой связи исследование культурного пространства как одной из основных форм бытия способно восполнить существующие пробелы в теоретическом осмыслении культуры как целостности.

Онтологический подход к исследованию культуры как способа бытия позволяет выявить его пространственно-временные критерии. В сравнении с исследованием исторической изменчивости культуры пространственная парадигма представляет культуру как «ставшее», обладающее целостностью и структурной определенностью, включающей в себя очеловеченное пространство природы, социума, коммуникации, духовности, интеллекта. Каждый элемент общей культурной целостности обладает своими особенностями, являясь как равнородственный феномен по отношению к специфике собственного бытия каждой отдельно рассматриваемой сферы.

Внимание к проблемам культуры стало знаковым явлением для гуманитарного знания в конце XX – начала XXI века. Проблема структуры культурного пространства требует своего решения, поскольку в системе все возрастающей значимости культуры как целого она осуществляет

базовую функцию в построении целостности и гармонизации своих структур, коими являются экономическая, социальная, политическая, образовательная, техническая, технологическая, научная сферы в разное время, претендовавшие на роль интегративного начала в социуме. Исходя из колоссального многообразия существующих форм развития культуры и восприятия её как сверхсложной фундаментальной системы, структурирование культурного пространства представляется закономерным и необходимым.

Под культурным пространством понимается совокупность всех феноменов культуры и существующих культурных форм, переплетающихся и взаимодействующих друг с другом в масштабах горизонта человеческой бытийности. Мощным основанием для возрастания интереса к культурной проблематике в обществе стали информационные потоки, мощно спровоцировавшие цифровизацию в обществе и вызвавшие пристальное внимание к формам, способам и процессам функционирования информации в социуме, а, следовательно, в языке, литературе и искусстве как специфических формах культурного дискурса, активно начавшего осваивать пространства Интернет-культуры. В этой сфере также были вскрыты и осмыслены кризисные процессы, которые потребовали своего решения.

Пространственные характеристики культуры позволяют выявить и обосновать её целостность, развертывающую многообразие составляющих элементов, связей и отношений между ними, феномена «культурного пространства». Долгое время в научной картине мира пространственные критерии были связаны с естественно-научным знанием, с парадигмой геометрического евклидова пространства, а затем пространства Римана и Лобачевского. Для исследования социальных процессов более сущностным представлялись

временные характеристики. Начиная со второй половины XX в., стало ясно, что временные и пространственные закономерности в равной степени составляют сущность как природных (физических, химических, биологических), так и психических, и социальных процессов. Незавершенность, с одной стороны, проблемы временных закономерностей для природных неравновесных систем, а с другой — пространственной специфики социума, человека и культуры вскрыла синергетика, предложившая свои методы исследования сверхсложных систем. На фоне этих изысканий возникли новые контуры философии культуры, обнажившие актуальность исследования ее онтологических сторон.

Выявление и обоснование статуса культуры как системообразующего интегрального начала сферы человеческого бытия позволяет в практической деятельности людей выделить и актуализировать тенденции конструктивного порядка, составляющие сущностную модальность бытия культуры. Поэтому проблема структуры культурного пространства относится к числу важных философских проблем, возникающих при изучении современной культуры. Подобно физическому пространству вселенной, в котором существует множество объектов, культурное пространство также включает в себя множество элементов и культурных форм, связывающихся между собой в различные комплексы, подсистемы и целые культурные миры.

В более раннем периоде культура осмыслялась как часть других теоретических построений. Впервые как социальное явление, требующее отдельного внимания, культура предстала в трудах мыслителей XVII–XVIII веков (И.Г. Гердер, Ж.-Ж. Руссо, Ш. Монтескье, И.В. Гете, П. Гольбах, И. Кант, В. Гумбольдт и др.). Теория Ч. Дарвина, выдвинув идею эволюции в живых системах, произвела значительное воздей-

ствие и на взгляды тех, кто исследовал экономические или социальные процессы, а успехи археологии и этнографии привели научную мысль к пониманию эволюции культуры, её прогресса. Рассуждения, базирующиеся на сравнении древних культур и современности тех лет, образа жизни так называемых примитивных племен и европейцев, народов Востока и Запада, ставят вопрос о поиске общих системных оснований культуры среди цивилизованных и диких народов.

Наибольшим достижением в объяснении специфики человеческого и социального бытия стала диалектико-материалистическая теория К. Маркса. Однако в ней культура чаще всего осмыслялась как явление, обладающее вторичностью по отношению к производству и труду. Параллельно с этим развивалась романтическая и неоромантическая трактовка культуры, идущая от Ф. Шиллера и течения *Sturm und Drang* к Ф. Шлегелю, Ф.В. Шеллингу, А. Шопенгауэру и Ф. Ницше, разделившему культуру на дионисийскую и аполлоническую. В этих и других теориях постепенно выявлялась роль языка в развитии культуры (В. Гумбольдт, В. Дильтей) и ценностей в культуре (Г. Риккерт). В теоретических построениях Г. Когена уже не философия культуры становится объектом исследования, а культура выступает как философия, как сознание, «направляемое математикой», совершающее шаг от явления, существующего в реальном мире, к системам «чистого разума».

Однако ни баденская концепция структурности философии и культуры, ни марбургская школа, трактовавшая культуру как систему, так и не пришли к выявлению пространственных характеристик культуры. Одной из наиболее продуктивных теорий в XIX в. может считаться теория Н.Я. Данилевского, впервые предложившего классификацию

локально-исторических типов культур, но и в этой теории вопрос о культурном пространстве не был поставлен со всей определенностью.

Попытки дать понятие культурного пространства можно встретить в структурной антропологии (К. Леви-Стросс) и у этнографов, но в этой научной сфере не предполагается рассмотрение культурного пространства как специфической категории или формы бытия культуры. Труды антропологов начала XX века (П. Тейяр де Шарден, Э.Б. Тайлор и др.) рассматривали культурное пространство, по выражению Ж. Делёза, как «географическую экзотику». В трудах А.Дж. Тойнби существует понятие «культурного поля», но оно также не предполагает рассмотрения качественной определенности пространства культуры и употребляется скорее как метафора.

Значительное место в отечественной литературе, посвященной философии культуры, занимает разработка общих вопросов, поиск единого основания, содержательный анализ концепций культуры, в том числе и современных. Среди авторов этих исследований можно назвать таких как А.И. Арнольдов, Л.М. Баткин, В.В. Бычков, Б.Л. Губман, А.Я. Гуревич, П.С. Гуревич, М.С. Каган, А.Ф. Лосев, М.К. Мамардашвили, Э.С. Маркарян и др.

В монографиях, в которых упоминается культурное пространство, в связи с исследованием общих проблем культуры пространство употребляется как фигура речи, либо как метафора. Другие исследователи обращают внимание на локальные характеристики культурного пространства: в теории геокультур (В.Н. Кузнецов, Х.Дж. Макиндер, Ф. Ратцель, Н.С. Трубецкой, Н.В. Устрялов, С. Хантингтон, К. Хаусхофер и др.); функционировании культурной информации (А. Моль); организации культурного ландшафта (Д.С. Лиха-

чев, И.И. Свирида и др.); анализе социального пространства (Г.Е. Зборовский, А.Н. Лой, В.К. Потемкин и А.Л. Симанов и др.). Однако везде культурные процессы в культурном пространстве рассматриваются «во вторую очередь». По сути дела, каждый автор, обращаясь к проблемам культуры, ведет речь о каких-то конкретных её проявлениях или о таких сторонах, которые интересуют его как исследователя. Теории, вырабатывающие системные определения культуры, имеют незначительный удельный вес в философии культуры. Кроме того, в них практически отсутствует всесторонняя проработка онтологических сторон культуры.

Пространство по-разному понималось философами, физиками, математиками и трактовалось ими как некоеместилище, пустота, наполняемая сгустками материи, вещами и их отношениями. В земном, чувственном мире все находится в трехмерном пространстве, а с учетом временной координаты — четырехмерном. То, что мы называем культурой, тоже находится в нем. На Земле пространственность реализуется как разнообразие геокосмической и географически-ландшафтной реальности. Многие особенности культурной жизни обусловлены рельефом местности, ландшафтом и протяженностью территории. В истории культуры известны цивилизации различного типа: речные, морские, океанические, горные, степные, лесные, пустынные. От природных факторов зависит организация жизни, хозяйственный уклад, тип жилища, способы приготовления пищи, способы общения и передачи информации, технологии, верования, т.е. характер и формы культуры в целом.

Культурное пространство в отличие от физического, в котором оно находится и с которым взаимодействует — это пространство, наполненное социально значимой информацией, которая связывает людей друг с другом посредством

различных знаково-символических систем. Особое место в универсуме культурного пространства занимает человек, его возможности и формы актуализации. Человек выполняет тройственную роль: **субъекта, конструктора и агента культуры**, поэтому такое введение человека в мир культуры и социума — это определение его места в общей системе бытия, расширение его потенциала, утверждение многоуровневости в системе реализации его возможностей.

Культура существует как внешнее и внутреннее пространство человеческого существования, поэтому культурное пространство человека — это пространство его универсальности.

Путь к такой универсальности человек современного мира не в состоянии преодолеть стихийно или по случаю. Центральным звеном, осуществляющим приобщение человека к культуре мира, предлагающим актуализировать богатство своих задатков в деятельности, становится система образования.

Фундаментальными элементарными частицами культурного пространства являются смыслы. Их неисчислимо многообразие порождает то культурное мироздание, в котором мы живем. Культурный мир, возникая на материале мира природы, приобретает качество, которого природный мир не знает, — смысл. Слово «смысл» — это содержание мысли, следствие, результат интеллектуальной деятельности, выраженной в идеях, предметах, отношениях, знаково-символических формах, упорядочивающих хаос. Вся культура может быть рассмотрена как пространство, в котором идут процессы смыслообразования, но в нем одновременно присутствуют и взаимодействуют между собой результаты, или продукты, этих процессов. Размышляя об организации и регуляции культурного пространства, необходимо акценти-



ровать внимание на механизмах соединения культурного и физического пространств.

Среди множества различного рода внимания к механизмам соединения культурного и физического пространства наиболее разработанными являются **аксиологические, деятельностные, семиотические, информационные** теории. Несомненной заслугой теоретических изысканий является фундаментальный вывод о том, что культура обладает системными свойствами. В научной литературе представлен значительный набор моделей культуры: **эволюционистских** (Э.Б. Тайлор, Дж. Фрэзер, Г. Спенсер и др.), **функционалистских** (Б. Малиновский, Т. Парсонс), **социологических** (О. Конт, Э. Дюркгейм, П. Сорокин, М. Вебер), **цивилизационных** (Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби). К этому следует прибавить попытки построения **синергетических моделей**, оформившихся в последнее время (И. Пригожин, И. Стенгерс, С.П. Курдюмов, В.С. Степин, Е.Н. Князева, И.В. Мелик-Гайказян и др.). Каждая из этих моделей содержит позитивные положения и взгляды, необходимые для понимания системных свойств культурного пространства.

С позиций диалектики философии культуры представляется возможным обосновать специфику становящейся пространственной характеристики культуры, выявить её структурные элементы и феноменологию каждого из них. Поскольку исследование категории культурного пространства имеет и теоретическое, и практическое значение, постольку в работе использованы проверенные многими поколениями ученых взгляды на культуру, её основные характеристики и дефиниции, и новые теоретические положения, позволяющие выявить и обосновать целостность и определенность культуры во всех формах её проявления. Вокруг

культурного пространства всегда формируется знаковое, семиотическое пространство, которое наполняет культуру едиными смыслами и обеспечивает единство всей структуры культуры.

Совмещение всевозможных «текстов» в его лоне приводит к его пограничному состоянию. Поэтому особое значение приобретает понятие границы. Граница отделяет внутреннее пространство от внешнего. Для Ю.М. Лотмана всякая культура начинается с разбиения мира на эти два понятия. Но понятие «граница» двусмысленно: с одной стороны, она разделяет, с другой — соединяет.

Таким образом, благодаря своим знаковым свойствам, пространственные модели бытия культуры находятся между конкретно воспринимаемым формальным и внутренним содержательным пространствами. Культурное пространство для Ю.М. Лотмана есть пространство общей памяти, граничащее с множеством других, которые, будучи разделены, все же друг друга дополняют. Культурное пространство фактически пересекается границами различных уровней, и определенные участки могут образовывать или единое непрерывное пространство, или группу замкнутых пространств, или часть пространства, ограниченную с одной стороны и открытую с другой. Такая особенность культурного пространства порождает некую дуальность, влияющую на характер его движения. Можно выделить два направления движения культурного пространства — по вертикали и по горизонтали:

- **вертикальное** движение обусловлено процессами, происходящими внутри культурного пространства;

- движение **по горизонтали** связано с выходом культурного пространства в предел других культурных про-

странств и характеризуется расширением данного культурного пространства.

Обращенность культуры к влияниям и заимствованиям по горизонтали приводит к осознанию того, что культурное пространство включает в себя временную характеристику. Ф. Энгельс писал, что основные формы всякого бытия суть пространство и время; бытие вне времени есть такая же величайшая бессмыслица, как бытие вне пространства. В.А. Тишков отмечает, что культурное пространство создано человеком. Культура воскрешает прошлое, реконструирует его по современным образцам. В каждом новом её воплощении происходит процесс «оживания» мысли, реализация её в языке. По мнению В.С. Библера, в культуре происходит встреча прошлого, настоящего, будущего: «типологически различные культуры...втягиваются в одно временное и духовное "пространство", странно и мучительно сопрягаются друг с другом, почти по-боровски "дополняют", то есть исключают и предполагают друг друга». В культурном пространстве все происходит одновременно, одномоментно, и в то же время наблюдается параллельное существование культурных пространств, их положения, столкновение и т.д.

Таким образом, все характеристики концептуального культурного пространства подчинены определенной динамике. Культурное пространство не есть сумма формобразованных явлений культуры, а представляет собой необходимую форму, в которой, посредством творческого осмысления реальности, возникает, существует, развивается и функционирует культура. Понимание культурного пространства как пространства бытования культуры отличается от предыдущего тем, что в своих границах оно не совпадает с другими пространствами. Пространство бытования культуры наполнено явлениями, формами, феноменами,

которые и составляют его суть. Здесь можно согласиться с А.С. Карминым, разработавшим трехмерную структуру культурного пространства, где культурные феномены группируются в системы и комплексы — культурные формы.

Все миры являются крупными типами культурных форм, в которых существуют, сохраняются и развиваются информационно-знаковое содержание общественной жизни. Крупные формы наполняются более мелкими. Они не изолированы друг от друга, а взаимодействуют между собой. Они могут пересекаться, сочетаться, быть составными частями других, однако всякая культурная форма имеет свои отличительные особенности, свою специфику, выделяющую ее среди других форм. Все вместе эти культурные формы (А. Кармин относит к ним национальные культуры, народную, элитарную, массовую культуру, субкультуры, мифы, традиции, обычаи) выступают «атомами», из которых состоит вещество, заполняющее культурное пространство. Пространство бытования культуры не сводится ни к одному из входящих в него культурных миров. Это мыслимое, умопостигаемое, очень широко трактуемое культурное пространство. Анализируя данный подход, можно оттолкнуться от понимания культуры учеными А. Кребером и К. Клакхоном. Они считали, что «культура состоит из выраженных и скрытых схем мышления и поведения, являющихся специфическим, обособляющим достижением человеческих общностей, воплощенным в символах, при помощи которых они воспринимаются и передаются от человека к человеку и от поколения к поколению». Сюда включены и достижения, которые проявляются в созданных обществом материальных благах. «Ядром любой культуры являются идеи и особенно ценности, передающиеся при помощи традиций. Культурные системы могут рассматриваться, с одной сто-

роны, как результат совершенных действий, с другой стороны, как одна из основ действия в будущем». Осмысленный образ этих систем и есть пространство бытования культуры.

Существуя как мысленный конструкт, такое пространство имеет все же свои реальные измерения, не имеющие, однако, абсолютного характера. Такие особенности географически определены тем, что являются некоей творческой «художественной» надстройкой над реальным пространством. Так, это может быть национальное пространство, проявляющееся в специфике национального театра. Например, ритуальные «гулянья» языческой Руси, выраженные в образах народного веселья. Запрещенные с принятием христианства, эти образы перешли в пространство театра, из чего и вырос русский театр Петрушки. В этом случае при помощи театрального зрелища в художественных формах воспроизводилось национальное и историческое пространство. Театральными средствами в древности человечество пыталось создать некие идеальные модели культурного осознания пространства. Можно сказать, что пространство бытования культуры — это мыслимое культурное пространство, в котором отражается всякий ответ, который культура дает на базовые потребности человека.

Выделение двух ипостасей культурного пространства (концептуального культурного пространства и пространства бытования культуры) привело к проблеме соотношения категорий «культурное пространство» и «пространство культуры». Одной из первых, кто доказал необходимость разведения этих понятий в определенной традиции, была И.М. Гуткина. В этом подходе культурное пространство подразумевает некую концентрацию: ценностную, временную, пространственную, включая в себя тип культуры, составляющий ментальность этого пространства, его духовное со-

держание. Культурное пространство имеет границы, величину, способность к утолщению и утоньшению, некий идеальный аспект, определяющий сознание, способность взаимодействовать с другими культурными пространствами, выполнять констатирующе-информационную роль, определяя само существование культуры.

Различие между культурным пространством и пространством культуры обнаруживается через рассмотрение процесса распространения культуры. Пространство культуры характеризует нечто сложившееся, устоявшееся, и выступает как институциональное понятие, а культурное пространство предполагает возможность движения и является механизмом «окультуривания» естественного пространства. Поэтому сопоставление культурного пространства и пространства культуры дает возможность выявить их различие как понятий, одно из которых определяет способ существования культуры в процессе ее функционирования, а другое фиксирует монолитность, целостность, единство культуры как феномена. К тому же понятие «культурное пространство» концептуализировалось, обрело категориальный статус в отличие от понятия «пространство культуры», имеющего лишь онтологический смысл.

Различие проявляется и на уровне ценностных ориентаций, сформированных в пространстве. Культурное пространство может быть понято как ценность в определенном времени и пространственных параметрах. Оно имеет некую эмоционально-интеллектуальную наполненность, подразумевает под собой некое духовное образование, но не исключает его материализации с точки зрения воплощения в определенных ценностях. Ценности, группирующиеся в пространстве культуры, имеют статичный характер, приобретают статус «вечных». В нем группируются ценностные

ориентиры, влияющие в дальнейшем на форму и наполнение культурного пространства.

И все же одно пространство не существует без другого. Между культурным пространством и пространством культуры существует единство, которое выражается в том, что оба эти явления являются характеристикой бытия культуры. По мнению И.И. Свириды, сливаются воедино эти пространства в художественных текстах. И физический ареал существования героев, и образ «бытийного мира действующих лиц» являются культурным пространством. Значит, театральное пространство как пространство художественного освоения реальности также служит созданию единого культурного ареала. Культурное пространство — это пространство, отмеченное человеком, и человек определяет границы реального пространства в своих ощущениях. В центре внимания здесь оказывается функциональная значимость, видовые модификации и их взаимодействие. Основным методом исследования становится структурно-функциональный метод.

Культурное пространство «является своеобразным индикатором зрелости функционирования, определением того, насколько человечество продвинулось по пути развития, овладело силами природы и стихийными силами общественного развития, преобразовало внутренний мир человека». В монографии «Феномен культурного пространства» представлены основные функции анализируемого концепта. Все многообразие функций ученые разделяют на две относительно однородные группы: первая группа содержит в себе функции, характеризующие бытие пространства культуры; вторая — характеризует особенности его качественного состояния.

В первую группу входят:

**функция освоения**, так как культурное пространство предполагает освоение пространства окружающей среды в целом, как в физическом, так и в символическом аспектах;

**функция присвоения** — распространение культуры — это практически всегда присвоение территории, феноменов, явлений;

**функция обжитости** — антропологизированность культурного пространства;

**функции структурирования/хаоса** — умение считать коды, знаки пространства рождает структурирование, а хаотичность есть отсутствие этого качества;

**функции ориентирования/дезориентирования** — постоянная потенция движения, присущая культурному пространству, движение так же свойственно и всем элементам культуры;

**формирующая/деформирующая функции** — задавание формы, практически всему, находящемуся в культурном пространстве; **трансформирующая функция** выражается в возможности культурного пространства к саморазвитию, самоизменению;

**функции ограничения/безграничности** — изначальная заданность выставления границ;

**маркирующая функция** — культурное пространство собирает артефакты, индивидов, протекающие процессы;

**функция симультанности**, обеспечивающая неразрывную связь пространства и времени в культурных процессах; функция флуктуации, так как культурному пространству свойственно постоянное колебание.

Ко второй группе относятся:

**функции тотальности (синкретичности)/разорванности (дискретности)**



**функция фильтрации** выражена в наличии механизма культурной фильтрации;

**функции объединения/разъединения** обусловлены соотносительностью артефактов в едином поле культуры, и в то же время культурное пространство отделяет одну такую соотносительность от другой;

**функции статичности/динамичности** — структура культурного пространства довольно жестко закреплена относительно социума или индивида, но в ней наличествует потенциал подвижности;

**функции расширения/сжатия** обеспечивают расширение или уплотнение культурного пространства за счет протекающих в нем процессов;

**функции поверхности/углубленности** обеспечивают движением пространства. Поверхностность выражена в игре смыслами, игре со смыслами в поле культуры, углубленность — в укорененности в определенном физическом и символическом пространстве.

Таким образом, культурное пространство полифункционально, так как реализует функционирование общественных систем, обеспечивает пространственное функционирование культуры, поскольку выступает как ареал, в котором протекает жизнь культуры. Разбиение функций на две группы подчеркивает дуальную природу культурного пространства, проявляющуюся во всех его характеристиках.

Выявляя онтологию понятия «культурное пространство», следует обратиться к его структурной составляющей. Перцептивное восприятие невозможно без присутствия человека. Культурное пространство включает в себя всевозможные виды деятельности человека по переработке окружающего пространства для его освоения. По определению М.С. Кагана, культура — это форма бытия, рядоположенная

с другими тремя подсистемами — природой, человеком и обществом. Она отмечена присутствием человека, поэтому современные исследования культурного пространства чаще всего строятся на сопоставлении его с другими пространствами, которые, с одной стороны, позволяют глубже изучить и удовлетворить специфические потребности человека, а с другой — расширяют поле самого культурного пространства, затрагивая все многообразие его структуры.

Культура не имеет лишних и бесполезных элементов. Разрабатывая категорию *культурное пространство*, ученые определяют его как пространство, в котором культурные феномены группируются в системы, комплексы. И.И. Свирида называет их «культурными монадами» — внутренними культурными мирами, входящими в данное пространство.

Каждый элемент культуры существует относительно самостоятельно и сам по себе представляет определенное пространство. С этой точки зрения культурное пространство можно определить как пространство множества пространств. В социальной и культурологической литературе структурная составляющая часто основывается на соотношении культурного пространства с социальным, жизненным пространством, пространством личности, как близкими, но не тождественными ему. Сюда также относят и природное пространство. Такое сопоставление правомерно, так как во всех случаях речь идет о пространстве как форме существования объективной действительности, представляющей собой отношение между соответствующими объектами.

Сопоставление с природным пространством указывает на то, что культурное пространство обуславливается не только жизненными интересами индивида, его социальными особенностями, но и средой существования, которая влияет на науку, технику, искусство. Создавая простран-

ственную модель культуры, А.С. Кармин раздвигает ее границы. Все соотносимые формы культуры он вписывает в рамки культурного пространства и выделяет три его составляющие: **духовная культура, социальная культура и технологическая культура. Область духовной культуры** включает в себя религию, искусство, философию. Она охватывает культурные формы, ориентированные на знания и ценности. **Вторая составляющая** включает нравственную и политическую культуру. В этих формах фиксируются социальные ценности и идеалы. Знания выступают как средства для выработки принципов и норм поведения людей в обществе. **Технологическая культура** выступает как культура освоения и обработки любого материала, это культура исполнения, изготовления. Но все три «лика» культуры не обособлены друг от друга, они сложнейшим образом пересекаются и сочетаются. Появляются понятия «культурное пространство социума» и «культурное пространство личности», «культурное пространство природы» и т.д. Они одновременно и находятся внутри культурного пространства, и являются самостоятельными образованиями.

И.М. Гуткина, определяя многообразие подвидов культурного пространства, классифицирует их не только с точки зрения входящего в них культурного богатства, но и с точки зрения протекания характеризующих каждый подвид процессов. Она затрагивает в основном те элементы, которые А.С. Кармин относит к сфере духовной культуры. Ирина Михайловна выделяет такие виды, как культурное пространство художественной сферы, сферы науки, образования, общения, деятельного начала, мыслительного, эмоционального, организационного. Так как культурное пространство — это пространство осуществления образа жизни общества, то обязательным элементом системы этого пространства яв-

ляется поток информации, который составляет некое цементирующее начало для общества в целом. Информационное пространство является основополагающим в структуре А. Моля. Внутри информационного пространства культуры он выделяет несколько уровней культуры: информация, накопленная человеком на протяжении истории; культура коллектива, социальной группы, общества в целом; культура индивидуума, которая, в свою очередь, имеет две стороны: социальную и индивидуальную.

Обзор структурной составляющей культурного пространства позволяет заметить некоторую тенденцию в группировании подпространств. Так, все элементы четко разделены на два слоя. В первый слой входят подпространства, сосуществующие с культурным пространством, то есть близкие к нему, но не идентичные. Во второй — подпространства, которые составляют саму суть культурного пространства, формируют его культурное богатство. Соответственно для определения места вышеозначенных видов культурного пространства в его структуре можно выделить внешний и внутренний слой. **Культурное пространство во внешнем слое вбирает в себя все, что связано с самим понятием, определяет сущность культурного пространства социума и культурного пространства личности.** Внешний слой подвижен и динамичен, он выражает суть процесса возникновения, формирования и развития соответствующего пространства. **Внутренний структурный уровень** предполагает раскрытие сущности культурного пространства и опирается на аксиологическую основу. Он более статичен.

Похожую классификацию предлагает Л.В. Силкина. Сопоставляя культурное пространство с другими видами пространства, которые, в свою очередь, являются формами про-

явления определенных сторон культуры, она делит их на следующие виды:

– **пространства**, с которыми сосуществует культурное пространство. Это жизненное пространство и пространство города;

– **пространства**, которые вбираются культурным пространством. К ним относятся: художественное, архитектурное и сценическое пространства.

К классификации культурного пространства также можно отнести и деление его на три «ипостаси», которое лежит в основе анализа. Значит, все культурное пространство состоит из интегрированных в нем структурных элементов разного уровня, которые могут быть представлены в виде отдельных подпространств, обладающих собственной сущностью, имеющих свой объем и структуру. Эти виды, с одной стороны, вбирают все особенности культурного пространства, с другой — имеют свою специфику, которая и позволяет различить их между собой. Все они могут быть поняты как система, элементы которой могут не только «входить» друг в друга, но и менять место своей локализации и свою значимость в тот или иной исторический период, дополнять, противостоять и даже взаимоисключать друг друга.

Таким образом, проанализировав несколько различных подходов к структуре культурного пространства, можно заметить, что, несмотря на некую неоднозначность в подходах, структура культурного пространства имеет общие тенденции. Современный подход к культуре предполагает обращение **к сферам художественной культуры** как к самостоятельным формам культурного пространства. Так, отдельно исследуются пространство литературы, музыки, живописи, театра и т.д. К пространствам, с **которыми сосуществует культурное пространство**, можно отнести: про-

странство социума, пространство личности, природы, жизненное пространство, пространство города, политики, национальное пространство. **Пространствами, которые выбираются** культурным пространством, являются: **игровое, художественное**, архитектурное, театральное, пространство литературы, музыки, живописи, образовательное пространство, пространство мифа, науки, все те пространства, которые включают в себя деятельностный, творческий элемент.

Глубокий анализ структуры культурного пространства возможен и с других точек зрения. Специфика структуры культурного пространства состоит в том, что она не имеет четкой статичности, все пространства находятся в постоянном движении, они могут перемещаться, менять акценты и т.д. К тому же каждый входящий в структуру вид культурного пространства также имеет свою структуру и вбирает в себя другие, более «мелкие» пространства. Они, в свою очередь, также могут получать статус подвида культурного пространства. Структурная составляющая позволяет определить **культурное пространство как сложное развивающееся образование, состоящее из совокупности относительно самостоятельных и взаимосвязанных друг с другом видов, являющихся определенными подпространствами, задаваемыми характером человеческой деятельности и обеспечивающими бытие культуры.** Данный анализ позволил сформировать некоторые выводы:

– В культурном пространстве реализуется творческая деятельность индивидов по воссозданию, обновлению культурных ценностей, норм, текстов, деятельность созидательная, разворачивающаяся в рамках усвоения культурных стандартов и их переработке.

– Культурное пространство — пространство концептуальное и перцептивное, расширяющееся в результате каждого культурного акта.

– Культурное пространство, обладая свойствами пространства вообще, характеризуется протяженностью, сосуществованием и взаимодействием элементов, структурностью, где каждый элемент структуры может быть представлен в виде подпространства. Выделение многообразия видов культуры приводит к выводу, что традиция концептуализации культурного пространства ушла от субстанционального его понимания. Культурное пространство выступает не просто формой хранения вещей, явлений, процессов. Оно формируется культурными процессами, регулирует взаимодействия субъектов культуры и в то же время выступает условием формирования и развития последних. Итак, без творческого преобразования окружающей среды культурное пространство не могло бы сформироваться.

Культурное пространство конкретно. Каждый человек живет в определенном культурном пространстве или даже пространствах, которые создаются разными системами ценностей и взаимодействуют друг с другом, являясь частями единого целостного культурного пространства региона, страны, города. В культурном пространстве можно выделить три измерения. **Этими измерениями служат три основных типа смыслов:**

- 1) знания;
- 2) ценности;
- 3) регулятивы.

1. Знания как способ постижения действительности служат основным каналом передачи опыта человеческой деятельности. Не случайно философ Сенека писал: «Для меня нет интереса знать что-либо, хотя бы и самое полезное,

если только я один буду это знать. Если бы мне предложили высшую мудрость под неперенным условием, чтобы я молчал о ней, я бы отказался». Ценность знания раскрывается в его информационном качестве. Именно в этом информационном смысле знание выступает как сила, способная изменить окружающий мир. Сосуществуют **два** основных типа знания — житейское (обыденное) и рациональное (научное). **Житейское знание** не систематизировано. Оно включает в себя необъятную массу сведений, многие из которых получены случайно, логически между собою никак не связаны. Они отражают вещи и явления, с которыми люди сталкиваются в обычных жизненных условиях. Главные средства, с помощью которых они формируются, — это обыденный опыт, наблюдательность и здравый смысл.

**Рациональное знание.** Характерными чертами выступают — логическая обоснованность, последовательность, непротиворечивость. Оно опирается на факты и признает за истину только то, что обосновывается доказательствами — фактами или логическими выводами из фактов. В наиболее развернутом виде рациональные формы знаний находят воплощение в философии и науке. К. Манхейм выделил два базовых типа рациональности: функциональную и субстанциональную. Во второй половине XX в. сформировалось представление о множественности типов рациональности и о необходимости диалога между ними. Современное высшее образование строится на компетентностном подходе.

**2. Ценности В. Виндельбандом и Г. Риккертом** в их теории ценностей представлены как феномены культуры. Ценность — это фиксированная в сознании человека характеристика его отношения к объекту. Это особый вид смысла, который усматривает в нем человек. **Финальные ценности** — это высшие ценности и идеалы, важнее и значимее



которых нет ничего. **Инструментальные ценности** представляют собой средства и условия, необходимые в конечном счете для достижения и сохранения финальных ценностей. **Производные ценности**-подарки, награды и т.д.

**Эстетические** впервые ввел в научный оборот немецкий философ Баумгартен. Это ценности восприятия, чувствования и понимания прекрасного.

3. Социокультурными механизмами **регуляции** человеческого поведения являются регулятивы (нормы, требования, правила, программы), которые задаются людям существующей в данном обществе культурой. Регулятивы — это информационные «блоки», содержащие предписания («надо»), запреты («нельзя»), разрешения и рекомендации («можно»). Регулятивы каждому приходится сознательно или бессознательно отбирать. Самая известная классификация культурных норм принадлежит американскому социологу Уильяму Грехэму Самнеру (1840–1910). Он подразделял **нормы на обычаи, нравы, законы**.

**Все многообразие знаковых средств**, используемых в культуре, составляет ее семиотическое поле. В составе этого поля можно выделить шесть основных типов знаков и знаковых систем:

- естественные;
- функциональные;
- иконические;
- конвенциональные;
- вербальные (естественные языки);
- знаковые системы записи.

С помощью этих знаков «кодируется» и «раскодируется» информация, заключенная в семиотическом поле конкретной культуры.

Чтобы понимать **естественные знаки**, надо знать, признаками чего они являются, и уметь извлекать содержащуюся в них информацию. Приметы погоды, следы зверей, расположение небесных светил: все это знаки, которые многое могут сказать тому, кто способен «расшифровывать» их.

Предмет становится **функциональным знаком**, если связь между ним и тем, на что он указывает, возникает в процессе человеческой деятельности и основывается на способе его употребления человеком.

**Иконические** знаки — это знаки-образы. Определяющей чертой иконических знаков является их сходство с тем, что они обозначают.

Скульптура или портрет на холсте дают нам образ человека, хотя они выполнены в камне или краске. Поэты и писатели с помощью слов вызывают возникновение у читателя ярких образов описываемых людей, явлений, событий. Образы различаются по степени своей похожежности на оригинал.

**Конвенциональные знаки** — это искусственно созданные знаки, которым люди «договорились» приписывать определенное значение. Существуют три основных вида конвенциональных знаков — сигналы, индексы и символы.

Современная **невербальная семиотика** состоит из отдельных дисциплин, тесно связанных между собой: **паралингвистики**, изучающей звуковые коды невербальной коммуникации, **кинесики** — науки о жестах, **окулесики** — науки о языке глаз и визуальном поведении людей во время общения; **ольфакции** — науки о языке запахов, смыслах, передаваемых с их помощью; **гастику** — науку о знаковых и коммуникативных функциях пищи и напитков, о приеме пищи.

Культуры как объективного явления, существующего вне человеческого и общественного сознания, как нечто ниспосланное с небес, на свете нет, как нет и истории в таком её понимании. «Культура» и «история» — это понятия, продукты человеческого сознания, условно обозначающие разные ракурсы понимания и интерпретации человеческого бытия. На самом деле в обоих случаях речь идет об одном и том же объекте — человеческой деятельности (материальной, интеллектуальной, социальной, художественной и пр.), понимаемой и интерпретируемой в разных ракурсах. Человек, выстраивая картину мира, обнаруживает скрытые в развёртывающемся миробытии возможности. При этом каждый его шаг овладения тем или иным пластом материальной или идеальной действительности он превращает в начало нового выхода за пределы горизонта своих возможностей и своей родовой целостности. Способы же, направления и формы самотрансцендирования бесконечно разнообразны. Это могут быть пути, направленные «вширь» — на внешний для человека мир (орудийная деятельность, создание мира техники). Возможны также пути «вглубь» — изменение, преобразование собственной физической и психической природной данности (самовоспитание, самосовершенствование). Наконец, человек трансцендирует также «ввысь» — в религию. Но чаще всего можно наблюдать комбинированные формы и направления. Таковой, например, является мораль. В ней трансцендирование «ввысь» как внутреннее добровольное принятие моральной нормы сочетается с практикой поступка — трансцендированием «вширь», а тем самым осуществляется и трансцендирование «вглубь» — повышение собственного духовного уровня. По сути дела, любая внешняя деятельность человека в конечном счете сопровождается изменением внутреннего состоя-

ния, уровня духовности. Поэтому направления самотрансцендирования всегда тем или иным образом сочетаются, переплетаются. Культура, по В.М. Межуеву, совпадает с границами нашего собственного существования в мире, с нашим специфическим человеческим родовым бытием. Стало быть, культура — это мера нашего собственного человеческого развития, фиксирующая величину пройденного нами пути и наше место в этом мире, границы и масштабы нашего существования в нем. Сегодня речь очень часто заходит о глобализационных процессах в мировом масштабе в сфере бытия культуры.

Культурная глобализация предполагает переструктурирование культурного пространства, интеграцию народов Земли в единое сообщество вследствие унификации образа жизни и мировоззрения. Факт переструктурирования культурного пространства не является беспрецедентным, в ходе культурного развития оно несколько раз существенным образом меняло свою конфигурацию. В этом процессе генетически первым фактором, способствовавшим созданию сообществ планетарного масштаба, была религия. Она пришла на смену мифу и способствовала новой консолидации и интеграции людей в невиданных до этого масштабах.

**Первый этап** переструктурирования планетарного культурного пространства проходил за 500 лет до Рождества Христова, в период, названный К. Ясперсом «осевое время», когда возникли религии, охватившие собой половину ойкумены. Это волна социокультурной структуризации пространства, создавшая Восток как культурную целостность. Отдельные многочисленные племена, народы и царства были интегрированы и унифицированы единством мировоззрения, обрядов, системы ценностей, способами поклонения Абсолюту, единством устремлений по пути спасе-

ния. Мир укрупнился и возвысился: возникли религиозно-культурные миры **конфуцианско-даосистский, индо-буддийский, ирано-зороастрийский, палестино-иудейский.**

В результате изменились горизонтальная и вертикальная стратификация социально-культурного пространства планеты. В горизонтали это выразилось в создании неданных раньше культурных ареалов и небывалых по размерам субъектов культурной жизни. **В вертикали** социокультурного пространства осевое время ознаменовалось открытием новой сферы, уровня, нового измерения жизни — **духовности**. Человечеству впервые в таком планетарном масштабе открылись философские глубины и нравственные высоты бытия. Как пишет К. Ясперс в книге «Смысл и назначение истории»: «В эту эпоху были разработаны основные категории, которыми мы мыслим по сей день, заложены основы мировых религий, и сегодня определяющих жизнь людей. Во всех направлениях совершался переход к универсальности».

**Второй этап** в переструктурировании культурного пространства планеты, приведший к созданию его новой модели, — **христианизация мира**. Она привела к объединению народов Европы и формированию культуры Запада. Именно благодаря христианству Европа превращается в целостность, возникает новый субъект культурного бытия и новая ценностно-смысловая вселенная. Конфуцианско-даосистская духовность Азии дополняется христианской духовностью Европы, Восток и Запад уравниваются как две глобальные культурно-религиозные целостности, как два планетарных региона.

**Третий этап** в переструктурировании культурного пространства планеты связан с распространением Ислама, рождением арабо-исламского мира. Возникает культурный

ареал, имеющий глобальное значение и влияние на все другие цивилизационно-культурные миры планеты. Арабo-исламская культура мощной волной накрыла и племенные народы пустыни, и цивилизованные страны с древнейшей культурой, нивелируя все на своем пути, радикально трансформируя и национальные экономики, и государственные границы, и языки, и религии.

Христианизация и исламизация огромных масс населения планеты, создание культурных миров невиданных доселе размеров произвели новые цивилизационно-культурные структуры, вторую и третью модели структурирования культурного пространства Земли. Таким образом, три первые структурные модели культурного пространства порождены религией, той мощной силой, которая создает цивилизации и культурно-исторические типы, меняет социогеографию Земли, вертикальную и горизонтальную стратификацию социально-культурного пространства. Во многом это происходит потому, что она вырывает человечество из трясины обыденности, пробуждает духовные силы и задает горный вектор устремленности, дает одухотворение жизни.

**Четвертую волну** трансформации глобального культурного пространства вызвал тот процесс в Европе, что получил названия «промышленная революция», «Просвещение», «модернизация», и охвативший все миры глобального культурного пространства. Он представляет собой «разбожествление» мира, его секуляризацию, сциентизацию, техническую модернизацию, направленность основных усилий на создание и совершенствование «аппарата обеспечения существования» (Ясперс). Выделение в самостоятельные духовные комплексы науки, философии, морали, искусства, идеологии свидетельствует о распаде единой централизованной и иерархизированной системы религиозной духовно-

сти. **Место религиозной картины мира занимает миф. Но религия вертикальна и целостна, а миф горизонтален и мозаичен.** Миф — эмоционально-образная, изначально очевидная, тотально синкретичная, наглядно-действенная картина мира. Конечно, время архаичного мифа с буквальной антропоморфизацией, персонификацией природных и социальных явлений, ритуализма, фетишизмом, магией, тотемизмом, анимизмом и идолопоклонством, ушло безвозвратно. Но **миф возвращается в новой форме**, в виде псевдо-мифического мировоззрения, характеризующегося такими чертами, как образность, эмоциональность, изначальная очевидность, наглядно-действенный характер. Оно дает однозначную интерпретацию мира, влияющую и на экономику, и на политику, и на мораль, и на право, и на идеологические построения. На эту интерпретацию ориентируются и система образования, и цели воспитания, и отношения к ближним и дальним. Но в отличие от религии, в мифе нет духовно-нравственного содержания. Конечно, это понижение духовности и культурного уровня. Духовно-культурное пространство расширяется по горизонтали, но резко и неуклонно понижается по вертикали, оно упрощается и уплощается.

С XVIII–XIX вв. **мир унифицируется цивилизационно.** Приведем характеристику последствий этой глобализационной волны, проявившихся уже в первой трети XX в. «Все технические и экономические проблемы принимают планетарный характер. Земной шар стал не только сферой переплетения экономических связей и единства технического господства над существованием; все большее количество людей видят в нем единое замкнутое пространство, в котором они соединены для развития процесса своей истории... Объединение людей земного шара привело к процессу ни-

велирования. К этому нивелированию стремятся, будто оно создаст единение людей. В тропических плантациях и в северном рыбацком поселке демонстрируются фильмы столиц. Одежда повсюду одинакова. Одни и те же манеры, танцы, одинаковый спорт, одинаковые модные выражения; **мессиво, составленное из понятий просвещения, англосаксонского позитивизма и теологической традиции, господствует на всем земном шаре...** Исторически сложившиеся культуры отрываются от своих корней и устремляются в мир технически оснащенной экономики, в пустую интеллектуальность».

Ядром ценностно-смыслового комплекса этого нового планетарного единства стал **миф о прогрессе**. Духовное измерение человеческого бытия резко редуцируется. Нравственные императивы утрачивают свою абсолютность. Ценность духовного самосовершенствования вытесняется ценностью наращивания внешнего могущества, стяжание духовных благ замещается деловой успешностью. Разбожественная вселенная сужается до сферы социальности, лестница вертикальной стратификации завершается ступенью экономической, политической и профессиональной элиты.

Возможно, интенсивная индустриализация и капитализация, элиминация из цивилизационного бытия востребованности высоких сфер духовности породила бросок к царству справедливости в социалистическом порыве, который может рассматриваться как устремленность к ренессансу духовности, как превращенная форма выражения духовного искательства, прорыв задавленной духовной энергии, идейности, культурно-энергетических сил соборности и эсхатологизма. На месте элиминированных мифических и религиозных систем образуется ценностно-сакральный и духовно-



интенционный вакуум. Эти **ценностно-смысловые лакуны** **заполняются искусственно сконструированными идеологиями, обосновывающимися научностью**, открытием универсальных законов бытия и т.п. Сакрализация, одухотворение некоторых из идеологий, появление фанатично преданных, готовых на самопожертвование адептов, превращают такие идеологии в псевдорелигию. Например, русский философ XIX в. К.Н. Леонтьев считал, что социализм в XX в. начнет играть на почве государственно-экономической ту роль, какую играло христианство на почве религиозно-государственной. Он констатировал, что в России и на Западе появляются первые социалистические пророки и очень скоро следует ждать прихода в мир социалистического Константина (как в Византии).

Таким образом, **пятая модель структурирования глобального** культурного пространства инспирирована псевдорелигиозной доктриной марксизма и коммунистической идеологии. Ее результат — возникновение социалистической системы и раскол человечества на социалистический, капиталистический и переходный между ними «третий мир». В итоге этих процессов все многообразие цивилизационно-культурного развития человечества сконцентрировалось в двух моделях цивилизационного устройства и противостоянии псевдорелигиозного и псевдомифического мировоззрений.

**Шестая волна** глобального переструктурирования культурного пространства — ураганная и тотальная американизация планеты. В современном словаре «Культура и культурология» глобализация культуры определяется как «ускорение интеграции наций в мировую систему в связи с развитием современных транспортных средств и экономических связей, формирование транснациональных корпора-

ций и мирового рынка благодаря воздействию на людей средств массовой информации». Не столь обтекаемо высказывается американский исследователь глобализационных проблем современности П.А. Бергер. Он пишет: «В ходе публичных дискуссий термин «глобализация» вызывает весьма эмоциональное к себе отношение. Одни считают, что это предвестие международного гражданского общества, начало новой эры мира и демократизации. Для других глобализация означает экономическую и политическую гегемонию Америки, в результате чего культура во всем мире станет однородной и превратится в нечто вроде метастазов Диснейленда. Безусловно, есть зарождающаяся глобальная культура, и она по своему происхождению и содержанию, безусловно, американская. Это не единственное направление изменений в современном мире, но... это преобладающая тенденция, которая проявляется и будет проявляться в будущем».

Какова же духовная эгида «постиндустриального» массово-коммуникационного общества — продукта шестой волны глобального реструктурирования культурного пространства? Теоретики глобализации утверждают, что это процесс, характерный для конца XX – начала XXI вв., и сущность его во многом сводится к тому, что американская культура просачивается в национально-культурные и хозяйственные миры, навязывая исподволь свой образ жизни и мыслей, язык, социальные практики. Да, Америка распространяет свое влияние на многие регионы мира и на многие сферы жизнедеятельности от экономической до духовно-эстетической и происходит это по той причине, что она — авангард общества потребления и главный адепт потребительства как образа жизни и образа мыслей. Представляется, что правы те сторонники социогуманитарного знания,

которые говорят о «победе мировой потребительской революции». Транснациональная культура реализуется как консюмеризм. Похоже, что консюмеризм стал самой мощной в истории человечества матрицей глобальных культурных трансформаций, мифологическим фреймом, обеспечивающим единство самых разных социальных процессов во всех уголках планеты. По этой матрице перестраиваются экономики, политики, деловая культура, досуговая и идеологическая сферы. Век общенациональных или национально-государственных идеологий кончился безвозвратно, их место в глобализованном мультикультурном обществе занял консюмеризм, потребление как ценностная и смысло-жизненная ориентация, как матрица, формируемая массово-коммуникационными средствами. Экспансия глобальных товаров и повышение мобильности населения стимулируют циркуляцию наднациональных образцов потребления в планетарном масштабе, обеспечиваемую глобальным медиапространством. В итоге консюмеризм как национальное явление замещается консюмеризмом глобальным, с новыми практиками мифоконструирования и включения индивидов в продуцированные мифы.

**Именно этот этап переструктурирования культурного пространства планеты большинство теоретиков называют собственно глобализацией, ее современным и последним на сегодняшний день этапом.** Однако факты стремительно меняющейся реальности наводят на мысль, что на эту модель трансформации культурного пространства наложилась новая тенденция формирования и активной экспансии киберпространства. Научно-технологические достижения конца второго тысячелетия формируют новый образ реальности, утверждение которого и позволяет говорить о сегодняшнем обществе как об информационном. Эта

ситуация обгоняющего развития новой тенденции похожа на процессы, которые происходят в России с телефонной связью: еще не все населенные пункты имеют проводной телефон, но уже у всех есть телефоны мобильные. Так и с общекультурным пространством: еще разворачивается процесс формирования глобального общества потребления и утверждения консюмеризма американского образца, еще идет противоборство с этой тенденцией самобытных цивилизационно-культурных миров, а над всем этим стремительно расширяется новое пространство «мира без границ».

**Седьмой этап** трансформации глобального культурного пространства — создание метапланетарного мира, киберпространства или виртуальных миров. Виртуализация бытия радикально меняет конфигурацию духовного пространства человеческого существования. Августин Блаженный констатировал наличие Града Небесного и Града Земного как экзистенциальную альтернативу религиозного средневекового общества, сегодня бытийное пространство разделено по-другому: на мир реальный и мир виртуальный, и граница между ними стремительно смещается и размывается.

Сфера реального отступает: уменьшается, вытесняется и поглощается сферой виртуального, расширяется ареал виртуальной сферы безграничных возможностей и разрешений. Здесь другие законы существования, принципиально другие критерии ранжирования, определения приоритетов, другой принцип устройства мироздания. Если верить исследователям киберпространства, то принципами его существования являются плюрализм, децентрация, неопределенность, фрагментарность, изменчивость, контекстуальность. Эти принципы хорошо узнаваемы, но связь постмо-

дернизма с новой моделью глобального культурного пространства еще нуждается в специальных исследованиях.

Тем не менее культурное бытие как особая модальность оказывается не разделяющим, а соединяющим звеном всеобщей целостности. Природа становится полем развертывания культуры, социума, человеческих задатков и возможностей, она одна представляет собой полностью материальное образование, включающее в себя также и естественные виртуальные реальности (физический вакуум, гравитационное поле и др.). Человек же несет в себе и природную, материальную компоненту, и некоторые виртуальные сущности (возможности, задатки, потенции).

## **2. Субъектно-субстанциальная основа бытийного развития культурного пространства как многомерной целостности**

Современная социокультурная ситуация характеризуется быстрыми и противоречивыми изменениями, трансформирующими основания бытия человека в конкретном континууме культуры, и не удивительно, что философское осмысление происходящего отстает от темпов этих изменений. Э. Фромм, рассуждая о природе человека, отмечает: «Человеческую природу нельзя назвать неизменной, и культура не является результатом неизменных человеческих инстинктов, и естественно, она не является постоянным явлением» [61, с. 37]. И в этом непостоянстве культура как процесс, предполагающий внутреннюю сложность, вариативность, выступает в виде истории, в которой культура — явление, существующее во времени. С другой стороны, культура сохраняется в неких законченных состояниях, и эта сторона культуры реализуется в пространстве. Пространственные характеристики культуры могут представ-

лять собой некий принцип, позволяющий строить вполне адекватную модель культуры. Для этого необходимо выявить временную специфику культурного пространства и определить основные составляющие его структуры, т.е. морфологию культурного пространства.

Между тем быстро изменяющийся современный мир культуры раскрывается как способ порождения не только новых типов предметной реальности, но и условий ее формирования, а потому процесс конструирования разных проектов получает новый статус, становясь пространством и временем бытия человека. Вместе с тем напрягает неопределённость статуса категории «субъект» в современной философии. С одной стороны, происходит явный или неявный отказ от использования данного понятия в ряде современных подходов. Наиболее радикальную позицию в данном случае занимают мыслители постструктуралистского толка, утверждающие идею «смерти субъекта». С другой стороны, просматриваются тенденции «воскрешения субъекта», попытки вернуться к переосмыслению классического понимания субъективности в контексте современных концептов «коммуникативности», «дискурсивности», «событийности» и др. В целом, имеет место возрождение интереса к проблематике субъекта, что говорит о невозможности отказаться от использования данного понятия и является отражением ситуаций, происходящих фундаментальных изменений в понимании самой категории бытия, неразрывно связанной с понятием «субъект» и «культура».

Вследствие этого адаптация к современности значительно отличается от ее предшествующих форм: человек создает не просто предметы, но такое пространство-время отношений, в котором он постоянно находится внутри инновационных проектов, адаптируясь не столько к внеш-

ней, объективно существующей среде, сколько к пространству и времени, которое создает сам. Особенностью нового качества создаваемого человеком мира — мира культуры — становится переход к проектированию самого бытия человечества, включая его предельно общие формы — пространство и время, в которых существует сам человек и созданный им мир.

Пространство и время в своей взаимосвязи непрерывно воздействуют на содержание культуры, определяя направление и вектора ее развития, структуры и функции, то есть ее проект. Однако без специального исследования внутреннего алгоритма порождения абстрактной модели культуры, или механизма перехода ее заданности в данность пространства-времени, в содержание и обратно, сама специфика культуры как типа бытия оказывается недостаточно проясненной. Осмысление внутренней многоплановости и парадоксальности человеческого «Я» в русле неклассической философии с необходимостью выводит к постановке вопроса о предельном онтологическом основании. На стыке внешней разнородности и внутренней гетерогенности человек сталкивается с ускользанием оснований своего бытия. Становится очевидным, что ни постмодернистские «властные дискурсы», ни классическое «мыслящее сознание» не могут играть роль бытийного основания в изменчивых условиях «текущей современности». В силу этого необходимо определить, что может быть принято в качестве онтологического основания в современной ситуации.

Для решения именно этой задачи требуется исследование «пространственно-временного континуума» как категории философии культуры. Кроме того, в современных условиях, когда признано, что человечество вступило в новую фазу перехода от одного типа своего развития к другому, и на наших глазах рождается новое мироустройство — пост-

современная эпоха всемирной истории, требуется исследование оснований, порождающих этот тип мироустройства.

В связи с этим правомерен вопрос о том, в какой мере в современной ситуации проявилось изменение качественных параметров человека и их оснований — фундаментальных констант субъекта. Релятивистское отношение к культуре, ставящее под вопрос ее нормативность, делает равнозначными любые проекты и любые типы перехода к новым видам порядков. Это свидетельствует о наличии в самой социокультурной системе механизмов, грозящих подменить человеческую культуру с ее ориентациями и главной целью — развитием человека как субъекта, как уникальной творческой личности, деятельность которой неотделима от нравственных ценностей — альтернативой, исключающей нравственное содержание этого процесса и ведущей к «постчеловеческой» культуре [62, с. 13].

Понятие «субъект» является одной из фундаментальных онтологических категорий. Его осмысление корнями уходит в эпохи неявного знания древнего востока, различного рода трансформации в истории философии, и занимает значительное место в современных исследованиях. Традиционно возникновение самого понятия связывается с учением Аристотеля, в рамках которого субъект как субстанциальная основа, «подлежащее» в основании мыслится в качестве материальной причины всего сущего. Но если почитать, например, работу Аристотеля «О душе», где он, говоря о восприятии, воображении, мышлении, обсуждает психику субъекта, но нигде не говорит не только о субъекте, но и вообще о человеке, а только о душе [64]. И это не случайно. Человек в античности — это эмпирический феномен, вещь среди других вещей. Человек как субъект деятельности во времена Аристотеля еще не был введен в состав сущего, в



состав бытия, и не мог изучаться как философская проблема. Однако можно полагать, что термин Аристотеля «энтелехия» представлял собой «сущность сущего» и воспроизводил, в свою очередь, именно бытие человека как сознательного субъекта действия в пространственно-временном континууме.

Вместе с тем Аристотель изучал факторы, влияющие на развитие человека, среди которых выделял три группы: внешние (окружающий и воспринимаемый органами чувств мир), внутренние силы, развивающие в человеке присущие ему задатки; целенаправленное воспитание способностей человека. В эпоху Античности были сделаны попытки теоретически обосновать необходимость среды в гармоничном развитии личности. По Аристотелю, предпосылки для гармоничного развития природы человека складываются из свойств, которые нельзя изменить, чтобы человек не перестал быть самим собой. Переосмысление субстанциального понимания категории «субъект» и проработка теории субъективности осуществляется в эпоху Нового времени, прежде всего, в философии Р. Декарта, сводилась к отождествлению субъекта с «мыслящей субстанцией». Данная позиция поддерживалась такими мыслителями, как Б. Спиноза и Г.-В. Лейбниц, которые осуществляют субстанциальный подход к осмыслению субъективности. Пытаясь ухватить самобытный характер этого феномена, философы пытаются пазловость его явлений объяснить специфическими наборами приёмов обустройства человеком своего существования в мироздании Вселенной, как пространстве развёртывания его экзистенциально-жизненных ситуаций в лабиринтах континуума культуры и поисков способов их разрешения.

И. Кант создаёт структурированную теорию субъективности, основанную на разработке понятия чистого спекуля-

тивного и практического разума. Основными характеристиками **субъективности в рамках классической философии** Нового времени являются **автономность субъекта** как мыслящего сознания, **его «центрированность» и укрепленность в «Я»**. Субъект становится онтологическим основанием в философии Нового времени, поскольку играет роль первичного несомненного «ядра» разума, благодаря которому выявляет возможность конструировать как пространство человеческого «Я», так и картину «мира» культуры.

Бытие для человека — не данность, а задача. Оно не гарантировано, а вменено человеку.

Переход к неклассическому пониманию категории «субъект» задаётся в философии И.Г. Фихте и Г.В.Ф. Гегеля. Эти мыслители обращают внимание на историчность, процессуальность формирования субъективности, рассматривают категорию «субъект» с точки зрения диалектического становления. Фихте, исследуя вопрос о «безусловном основоположении», приходит к пониманию динамично становящегося, постоянно расширяющего свои границы «Я», организующим принципом которого является внутреннее движение синтеза, «дело-действие» [63]. По мысли Гегеля, субъект, становящийся «понятием» в качестве «абсолютной основы», осуществляет своё развитие через субстанцию. Таким образом, эти мыслители уже предчувствуют «разрыв» субъекта и субстанции, что выдвигает потребность исследования динамических особенностей субъективности, переход к осмыслению субъективности как изменчивой, несубстанциально становящейся.

Дальнейшее переосмысление понятия «субъект» связано с работами К. Маркса, З. Фрейда и Ф. Ницше. Эти мыслители ставят под вопрос автономность и первичность классического субъекта как «мыслящего сознания». Субъектив-

ность обусловлена структурами общества, бессознательным, властью, поэтому субъект становится функцией общественно-экономических отношений, структур бессознательного, иррациональной жизни, в силу чего уже не может быть осмыслен в качестве безусловного основания. Таким образом, современная ситуация неоднозначного понимания категории «субъект» берёт начало именно в рамках неклассической философии.

Исследование континуума культуры, в содержание которого непрерывно включается момент дискретности, позволяет раскрыть важные процессуальные закономерности бытия культуры, алгоритм ее самоконструирования, конкретизировать его с позиций сохранения целостности культуры. Главное заключается в том, что континуальная парадигма культуры позволяет всесторонне обосновать приоритет субъектно-человеческого бытия в культуре, саму возможность ее бесконечного исторического саморазвертывания. В свете концепции континуума становятся понятными основания неправомерности финалистских и нигитологических концепций культуры, обосновывающих идею возможности самоисчерпания культуры и человеческого бытия.

Философы, представляющие постструктуралистский подход, основываясь на идеях К. Маркса и З. Фрейда о влиянии общественных отношений на индивидуальное сознание и зависимости сознательных действий человека от структур бессознательного, добавляют в свои позиции идею обусловленности субъективного бытия языковыми структурами, тем самым пытаются выдавить человека в мир симулякров от культуры. М. Фуко, Р. Барт и Ж. Деррида, формулируют концепцию «смерти субъекта», причину которой они находят в растворение «Я» в многообразии современных дискурсов, рассеивании субъективности в языке, тотальную за-

груженность индивидуальных проявлений властной природой. Ж. Лакан и С. Жижек, обращаясь к психоаналитическому дискурсу, не отрицают существования «субъекта» как такового, но рассматривают его как «чистую негативность», структуру, функционирующую в качестве нехватки, «пустого места» и проявляющуюся в реальности только в качестве «эффекта».

М. Хайдеггер К. Ясперс, Ж.-П. Сартр, П. Тиллих, прорабатывая понимание повседневной жизни как текучей, становящейся действительности, находят невозможным «уловить» бытие во всей его полноте при постоянном ускользании последнего и стараются осуществить поиск основания, объединяющего все «способы бытия». Таким основанием несубстанциального характера становится стремление к полноте бытия, к чистой экзистенции. Формируется новое, несубстанциальное понимание субъекта как действия, определяющего способ бытия, уникальный для каждого. Субъект, теряющий связь с субстанцией, выражается в форме приспособления, действий по расширению собственных границ.

Пространственно-временной континуум культуры, представляя собой всеобщую внутреннюю, нелинейно развивающуюся форму организации бытия культуры, продуцирует способ и «механизм» заданности культуры через единство ее пространства-времени, в границах которого постоянно проявляется субъектно-субстанциальная основа культуры, благодаря которой раскрывается потенциал ее целостности и осуществляется процесс сдерживания субъекта от растворения его в действительности.

Континуум при этом оказывается средством разрешения внутренних противоречий культуры, поскольку в нем реализуется взаимодействие субстанциального и реляцион-

ного. В это же время в естествознании, прежде всего, в физике, в связи с исследованием ненаблюдаемых объектов — все более важную роль начинает играть принцип заданности. На уровне методологии эту связь осмысливал Э. Кассирер, который выявил роль функции внутреннего алгоритма заданности, как самого процесса мышления, так и символического языка культуры. Значительным стимулом к поискам в этом направлении стали выводы общей теории относительности А. Эйнштейна, который, исходя из сконструированной модели четырехмерности пространства-времени, исследовал ее содержательность на материале анализа свойств микрочастиц. Сформированное на основе этой методологии новое представление о смысле принципа релятивизма привело к фундаментальному пересмотру взглядов на рациональность, до этого рассматривавшую мышление вне культурного контекста, что открыло этап освоения релятивистских идей в науке, искусстве и философии XX века. Однако уже А. Эйнштейн указал на специфичность континуумов различных фрагментов реальности.

Результатом таких исследований стало уточнение статуса субъекта культуры, рассматриваемого в качестве носителя целостной смысловой позиции, с одной стороны, и источника порождения бесконечно многообразных проявлений культуры — с другой. Формируется новое, несубстанциональное понимание субъекта как действия, определяющего способ бытия, уникальный для каждого человека.

Эта тенденция стала исходной для обоснования нелинейности мышления, а принцип относительности приобрел культурно-исторический смысл, с тем, чтобы показать субъектно-субстанциональную основу культуры, определяющую переходы ее времени в пространство, становления в ставшее, заданности в данность, как проявление ее самопроек-

тирования целостной системой, что изложено в трудах В.Н. Давидовича, Ю.А. Жданова, М.С. Кагана, Э.С. Маркаряна, В.С. Степина, А.Я. Флиера и др. Развитие этого подхода обнаруживает тот факт, что культура как особая, относительно автономная форма бытия отражает специфику жизнедеятельности субъекта, раскрывая в процессе его бытования не только мир ставшего (мир материальной, духовной и художественной культуры), но и самого становящегося субъекта, благодаря чему накапливается и получает более глубокие формы выражения его субъективность, способность к самопроецированию своей активности в прошлое, настоящее и будущее. Благодаря культуре оказывается возможным дистанцирование субъекта в культурном пространстве и времени, вследствие чего у него формируется уникальный живой неповторимый внутренний и внешний мир.

В соответствии с таким ходом рассуждений, культура представляет собой специфически человеческий способ жизнедеятельности, ту биологически ненаследуемую программу поведения, которая характерна только для представителей человечества. Внутренне связанным с этим подходом оказывается проектно-конструктивное понимание бытия, предлагаемое Р. Бартом, П. Бергером, Н. Гудменом, Ж. Деррида, П. Димером, Т. Лукманом и др., и в отечественной науке С.И. Голенковым, М. Каганом, К.М. Кантором, Е.В. Орловой, Н.А. Хреновым, А.В. Полетаевым, И.М. Савельевой, Ю.С. Степановым и т.д.

Основываясь на этом подходе, возможно раскрыть единство заданности и данности, структурные и функциональные проявления пространственно-временного континуума культуры, в которых реализуется специфика ее самоорганизации, открывается роль субъекта, интенциональность онтологически выраженного проекта культуры, в ос-

нове которого лежит установка холизма, позволяющая рассматривать культуру как особый способ бытия, заданный ее субъектно-смысловым основанием (деятельностью с ее ценностными ориентациями, проектностью), так и внутренней упорядоченностью, выраженной в синергетических моделях культуры. Соединение этих двух пластов бытия культуры стало основой раскрытия специфики и свойств пространственно-временного континуума культуры.

Уже на исходе XX века в западной философии все больше утверждались представления о континууме бытия культуры как основе формирования ее пространства и времени, свойств календарного времени и территориальных характеристик пространства (Э. Гуссерль, В. Дильтей, Г. Зиммель, Э. Кассирер, С. Лангер, Э. Левинас, Б. Малиновский, Я.Х. Смэтс, П. Сорокин, А.Н. Уайгхед, М. Хайдеггер, М. Элиаде, К.-Г. Юнг).

Культура, представляя собой всеобщую внутреннюю нелинейно развивающуюся форму самоорганизации собственного бытия, в которой на основе единства пространства и времени конституируется, сохраняется, трансформируется и воспроизводится ее содержание. Поэтому континуум — это одновременно «модель» целостности культуры и алгоритм ее самоформирования, самоорганизации и саморазвития. Благодаря сформированной на этой основе модели континуума оказалось возможным показать необходимость соответствующей формы констант бытия. Константы культуры — это самотождественные и сохраняющиеся качественные отношения, выступающие границами меры возможных внутренних изменений культуры, а потому обеспечивающие специфику ее бытия. При этом **константами континуума культуры выступают трансцендентность субъекта и его актуальное бытие в настоящем вре-**

**мени, определяющие специфику взаимодействия времени и пространства, становления и ставшего, заданного и данного.** Пространственно-временной континуум выявляет структуру самодетерминации культурного процесса. Через актуализацию в форме настоящего времени в нем происходит «распределение» направлений развития культуры во времени и пространстве на основе центрo-периферийных взаимодействий. Как основная детерминанта, континуум регулирует изменения и трансформации в смыслах культуры. Центрирование как воздействие этой детерминанты выступает источником преобразований в культуре и взаимодействиях ее целостности и частей, единства и многообразия.

К разным аспектам пространственно-временной организации культуры с учетом принципа культурного релятивизма обращались представители английской и американской этнологии и культурантропологии (Р. Бенедикт, Б. Малиновский, Л. Уайт, А. Кребер, А. Радклифф-Браун), постструктурализма и постмодернизма (Ж. Делез, Ж. Деррида, Ф. Лиотар, Ю. Кристева, У. Эко и др.), американского культурологического холизма (Л. Маркс, Р.Х. Пирс, Г.Н. Смит, С. Тейт), выявлявшие основания символической деятельности через анализ не столько текстов, сколько их контекста.

Во многих отечественных монографиях и учебных пособиях также рассматривались понятия «пространство» и «время» культуры. Это, прежде всего, труды В.С. Библера, И.М. Быховской, П.С. Гуревича, И.М. Гуткиной, В.Е. Давидовича, Г.В. Драча, Л.Н. Когана, В.А. Кутырева, В.А. Конева, С.Н. Иконниковой, С.П. Мамонтова, Э.С. Маркаряна, И.М. Савельевой и А.В. Полетаева, А.И. Пигалева, В.С. Поликарпова, А.А. Флиера, В.Н. Ярской. Историческое саморазвертывание форм культурного пространства и времени анализировали в



разных аспектах С.С. Аверинцев, П.М. Бицилли, П.П. Гайденко, А.Я. Гуревич, В.П. Даркевич, Ф.Х. Кессиди, А.Ф. Лосев, Д.С. Лихачев, И.А. Петрова, Ю.С. Степанов и др.

Релятивистский аспект в осмыслении культуры повысил интерес и к особенностям пространственно-временных форм искусства, как в зарубежной философии и эстетике (Р. Ингарден, Б. Кроче, Р. Барт, Ж.-П. Сартр, Ж. Деррида и др.), так и в отечественной науке (А.Ф. Лосев, С.С. Аверинцев, Е.М. Алкон, М.М. Бахтин, М.Ш. Бонфельд, Г.К. Вагнер, А.А. Грякалов, А.Я. Гуревич, М.С. Каган, Ю.М. Лотман, И.Е. Данилова, Л.М. Баткин, Е.В. Завадская, О.А. Кривцун, М.А. Сапаров, Б.В. Раушенбах, В.В. Руднев, Н.А. Хренов), где раскрыты различные содержательные стороны взаимодействия пространства и времени культуры.

Наряду с философско-культурологическими, эстетическими и искусствоведческими работами существенное влияние на формирование континуального подхода к культуре оказали труды Г.П. Аксенова, Я.Ф. Аскина, М.Д. Ахундова, А. Грюнбаума, Н. Гудмена, В.Н. Дубровского, Т.П. Лолаева, Ю.Б. Молчанова, А.М. Мостепаненко, В.Н. Поруса.

Свойства пространства-времени культуры как самоорганизующейся системы с новых позиций анализируются в синергетическом подходе к культуре и социуму. Синергетика, начиная с анализа физических и биологических объектов, все активнее осваивает закономерности самоорганизации и особенности формирования порядков из хаоса социокультурного бытия, изучая специфику волновых процессов, роль аттракторов в истории культуры. Эти проблемы исследуются в работах В.И. Аршинова, О.Н. Астафьевой, В.В. Афанасьевой, В.В. Васильковой, А.В. Волошинова, Б.М. Галеева, И.А. Евина, В.К. Карнауха, Е.Н. Князевой, С.П. Курдюмова и др.

Тем не менее, несмотря на разнообразие подходов к исследованиям культуры, в содержание которых все более глубоко включаются свойства пространства и времени, установка на постижение ее целостности через форму континуума как проектно-выраженного образования, пока не осознана в полной мере, а континуум, уже выявленный как феномен и работающий в философии культуры, еще не стал предметом специального анализа. Внутренне связанным с этим подходом выступает проектно-конструктивное понимание бытия, развитое как в зарубежной (Р. Барт, П. Бергер, Н. Гудмен, Ж. Деррида, П. Димер, Т. Лукман и др.), так и в отечественной науке (С.И. Голенков, М.С. Каган, К.М. Кантор, Э.А. Орлова, Н.А. Хренов, А.В. Полетаев, И.М. Савельева, Ю.С. Степанов и т.д.).

Осознание и понимание структуры момента позволяет раскрыть единство заданности и данности, структурные и функциональные проявления пространственно-временного континуума культуры, в которых реализуется специфика ее самоорганизации, открывается роль субъекта, интенциональность онтологически выраженного проекта культуры.

Проектная направленность культуры, конституирующая ее бытие и алгоритм развития, зиждется на ее субъектной основе — субстанции, которая постоянно являет себя в бытии и функционировании ее пространственно-временного континуума, вылепливающего целостность и многообразие культурных ценностей. Пространственно-временной континуум выявляет структуру самодетерминации культурного процесса. Через актуализацию в форме настоящего времени в нем происходит «распределение» направлений векторов развития культуры во времени и пространстве на основе центрально-периферийных взаимодействий. Континуум регулирует изменения и трансформации в смыслах культу-

ры. Центрирование как воздействие этой детерминанты выступает источником преобразований в культуре и взаимодействиях ее целостности и частей, единства и многообразия, при этом содержательность центрирования открывается в процессах актуализации ценностей, норм, идеалов, стилей.

Пространственно-временной континуум как категория философии культуры, выражающая особую, исходную и основную для бытия культуры всеобщую внутреннюю форму, детерминирующую ее саморазвертывание, активность которой выявляет ее направленность. Специфика континуума проявляется в особенностях его констант, строения, функционирования, в проективном и регулятивном потенциале континуума как своеобразном «защитном механизме» культуры.

Постановка и обоснование проблемы пространственно-временного континуума культуры привела к необходимости формирования такого концептуального пространства, в контексте которого выявляются новые свойства пространства-времени культуры, обусловленные их связью со смысловыми, символическими, нормативными содержательными категориями культуры. С этим связана необходимость учитывать в определении времени его проявления как внутренней формы сознания, а, соответственно, в определении пространства выделять свойства, характеризующие его не только как форму бытия материи (в том числе и социальной), но как особую форму бытия культуры с характерными для нее проявлениями.

Таким образом, изложенные рассуждения позволяют заключить, что пространственно-временной континуум культуры представляет собой всеобщую внутреннюю, нелинейно развивающуюся форму организации ее бытия, продуцирующую способ и «механизм» заданности культуры

через единство ее пространства-времени, в границах которого постоянно проявляется субъектно-субстанциальная основа культуры, благодаря которой раскрывается потенциал ее целостности. Континуум при этом оказывается средством разрешения внутренних противоречий культуры, поскольку в нем реализуется взаимодействие субстанциального и реляционного. Поэтому его исследование актуально сегодня, когда необходимо и еще не поздно освоить фундаментальные характеристики процессов пространственно-временной трансформации культуры в эпоху глобализации как пути не только выживания, но и будущих достижений и творческих поисков человека как субъекта, достойного традиций и будущего культуры.

### **Выводы по второй главе**

Процесс концептуализации и обоснования правомерности использования категории «пространственно-временной континуум культуры» как выражения и конкретизации ее самопроектирующейся целостности раскрывает связь содержания и формы, специфическую для культуры активность предельно общей внутренней формы, выражаемой во взаимодействии пространства и времени культуры. Пространственно-временной континуум культуры представляет собой всеобщую внутреннюю нелинейно развивающуюся форму самоорганизации бытия культуры, в которой на основе единства пространства и времени конституируется, сохраняется, трансформируется и воспроизводится ее содержание. Поэтому континуум — это одновременно «модель» целостности культуры и алгоритм ее самоформирования, самоорганизации и саморазвития. Методологической предпосылкой исследования пространственно-временного континуума культуры явился принцип относительности, осно-

ванный на доказательстве единства пространства-времени, выражающий содержательность исследуемого объекта (А. Эйнштейн), получивший в XX веке универсальное выражение и признание не только в области естествознания, но и в искусстве и гуманитарных науках. Благодаря сформированной на этой основе модели континуума оказалось возможным показать необходимость констант соответствующей формы бытия.

Константы культуры — это самотождественные и сохраняющиеся качественные отношения, выступающие границами меры возможных внутренних изменений культуры, а потому обеспечивающие специфику ее бытия. При этом константами континуума культуры выступают **трансцендентность субъекта** и его актуальное бытие в настоящем времени, определяющие специфику взаимодействия времени и пространства, **становления и ставшего, заданного и данного**. При этом реляционность в содержании этой связи выступает как способ развертывания содержательности его субстанциальной субъектной основы. Только их единство обеспечивает многомерное, **нелинейно развивающееся пространство-время континуума культуры**, поскольку в нем задаются и воспроизводятся переходы непрерывного и дискретного.

Взаимопереход пространства и времени выражен трансформацией содержания культуры и изменением функций каждой из этих форм. На такой основе одновременно открывается двойственность бытия культуры: **существование в ней временного и вечного, устойчивого и изменчивого**. Эти процессы охватывают все содержательные аспекты культуры, являясь способом саморазвертывания ее целостности в многообразии проявлений. В **процессе перехода заданности культуры в данность ее время при-**

**обретает характеристики пространства**, осуществляя континуальную непрерывность, фиксирующую переход к новым целям, ценностям, нормам. Так, время существования какого-либо стиля получает свою меру в пространственном развертывании, специфике структурирования, появлении соответствующих ему артефактов. Культуры, в основе которых лежат субъекты разных масштабов, инвариантны по своей континуальности, потому что континуум каждой из них представляет собой изоморфный тип перехода заданности в данность как проект, синхронизирующий множество внутренне разнородных смыслов, символов, ценностей, норм, текстов, стилей, ритмов, композиций.

Обоснование необходимости разработки континуума обусловлено ситуацией постмодерна, который исходит из дискретности и реляционности в понимании пространства-времени, используя принцип деконструкции. Исследуя таким образом культуру, эта философия снимает целостность, вместе с которой «исчезают» интересубъективные смыслы, ценности, нормы и глубина контекста культуры. В результате этого модель культуры оказывается ограниченной, а человек — неспособным преодолеть ситуативность своего бытия, калейдоскоп конструируемых им миров и текстовых нарративов. Поэтому в соответствии с логикой, задаваемой континуумом, за деконструкцией должна последовать конструкция — конструктивное обоснование многомерной модели целостности культуры, основой которой является пространственно-временной континуум.

Потенциал континуума культуры проявляется в возможности освоения трансформационных процессов современной глобализации. Определяя и конкретизируя в понятии «геокультура» современные глобальные процессы, пространственно-временной континуум выражает становление

нового типа проекта — парадигмы развития культуры в ее целостности как нормы и детерминанты современной интеграции и обособления локальных культур. При этом геокультура выступает как отражение таких человеческих ракурсов современного развития культуры, при которых оформляется новый способ организации культурного бытия, основанного на единстве человека, природы, общества. Геокультура отражает становление новой философско-культурологической парадигмы самосознания, в которой культура выделяется и обосновывается как основание интеграции и устойчивости развития человечества. Праксеологический смысл пространственно-временного континуума культуры заключается в расширении возможностей исследования региональной культуры и концептуализации проектирования и регулирования культурных процессов на региональном и межрегиональном уровнях.

Бытие культуры не сводимо к формам ее данности: конкретно-эмпирическим артефактам, созданным в прошлом или создаваемым в настоящем, и столь же объективно существующим формам ритмики, композиции, симметрии, волновых процессов, фиксирующих ее порядок, осваиваемый синергетикой. В своем глубинном измерении она оказывается процессом непрерывных взаимопереходов данности в данность, в котором фиксируются условия, не проявляющиеся непосредственно, но определяющие эти порядки. Эти условия детерминированы всеобщей, универсальной, предельно глубокой основой — пространственно-временным континуумом культуры, в котором и одновременно вместе с которым разворачивается бытие субъекта, выраженное многообразными формами его смыслов, символов, ценностей, норм, текстов, стилей культуры.

Исходя из философской традиции, восходящей к Новому времени, в которой форма времени непосредственно выражает субъективность, а пространство внешние данные опыта, принимается и развертывается положение о приоритетности времени над пространством, или становления над ставшим как более активной стороны континуума именно культуры, в которой проявляется ее субъектно-субстанциальное основание. Пространственная и временная составляющие континуума, таким образом, проявляются по-разному. Пространственная сторона континуума выражает в большей мере такую **константу, как трансцендентность субъекта**, то есть его общую направленность к целям, которые несут в себе образ должного, предпочитаемого будущего или прошлого, а также ритмику и темпы трансформаций в самой культуре и внешней по отношению к ней среде — общества, природы. Континуум при этом фиксирует подвижность границ культуры, способность пространства расширяться или сжиматься, то есть быть зависимым от содержания и масштаба целей субъекта.

Другая **константа**, выражающая временной аспект континуума — это фундированность культуры настоящим временем. Она заключается в том, что конкретность культуры как целостности на каждом этапе ее бытия определяется «своим» настоящим временем — актуализацией содержания, в центре которого оказываются определенные смыслы, символы, ценности, нормы, тексты, концентрирующиеся в пространстве. Настоящее время поэтому и является основным алгоритмом перехода времени в пространство и обратно, поскольку прошлое и будущее выражаются в культуре лишь виртуально или потенциально, реального же пространства-времени они не «строят».



Континуум культуры в свете этого предопределяет специфику своего пространства внутренней логикой непрерывного саморазвертывания и задает ей ту меру связи формы и содержания, которая и определяет порядок организации его элементов, связанных принципом непрерывности. При этом очевидным становится противоречие между разворачиванием содержания культуры, ее целостности, с одной стороны, и невозможностью зафиксировать эту целостность в определенных пространственно-временных границах — с другой. Континуум здесь оказывается формой бытия культуры, фиксирующей эту особенность непрерывности культурного саморазвертывания, которая включает одновременность его направленности — вширь и одновременно вглубь пространства-времени; в пространство своего будущего и прошлого, центрированное актуальными в настоящее время проблемами и их смыслами в модусе настоящего времени. Это оказывается возможным только при допущении того, что в действительности существует своеобразный «механизм» непрерывной объективации бытия субъекта, существующего как субстанция культуры, который не воспринимается как абстрактное, механическое пространство-время, но постоянно становится внутренней формой и выражением любых конкретных релятивных и дискретных форм. Для этого феномена и его функции в науках XX века и введено понятие «континуум». Но применительно к культуре через него оказалось возможным установить свойство, не присущее другим типам континуума — **единство субстанциального и реляционного в свойствах пространства-времени**. Только таким образом сохраняется смысл целостности культуры и методологически осваивается современная ситуация, при которой установка только на дискретность и относительность становится причиной деформации

культуры, снижения ее воздействия на человека, а в перспективе — даже снятия.

Исследование континуума, в содержании которого непрерывное включает в себя прерывность, дискретность, позволило не только раскрыть важные закономерности бытия культуры, вскрыть алгоритм ее самоконструирования, конкретизировать с позиций целостности культуры. Главное, думается, заключается в том, что в отличие от синергетики — близкого по методологии научного направления — континуальная парадигма позволяет всесторонне обосновать приоритет субъектно-человеческого бытия в культуре, саму возможность ее бесконечного исторического саморазвертывания. В свете концепции континуума становятся понятными основания неправомерности финалистских и нигитологических концепций культуры, обосновывающих идею возможности самоисчерпания культуры и человеческого бытия.

В свете этого общего направления оказалось возможным осуществить переход к анализу онтологии самого континуума, в котором выявляется специфическая последовательность основных моментов его саморазвертывания. Исследуя первичные структуры континуума, рассматривается роль и функции центра и периферии, порождающих пространственно-временные условия существования различных аспектов бытия культуры, пространственно-временное содержание смысла, символа, ценности, нормы и текста, через которые идет процесс порождения многообразия форм из целостности бытия культуры. Важное место в этом анализе занимает исследование внутреннего противоречия культуры, связывающего единство ее структуры и динамики, становления и ставшего. Их взаимодополнительность и связь раскрываются через соотношение категорий време-

ни и вечности, но не непосредственно, а через категорию пространства, что позволило не противопоставлять эти стороны друг другу, но видеть их внутреннюю континуальность — переходы друг в друга.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, из проведенного анализа становится видно, что все характеристики концептуального культурного пространства подчинены определенной динамике. Культурное пространство не есть сумма формообразованных явлений культуры, а представляет собой необходимую форму, в которой, посредством творческого осмысления реальности, возникает, существует, развивается и функционирует культура. В культурном пространстве реализуется творческая деятельность индивидов по воссозданию, обновлению культурных ценностей, норм, текстов, деятельность, созидательная, разворачивающаяся в рамках усвоения культурных стандартов и их переработке. Культурное пространство — пространство концептуальное и перцептивное, расширяющееся в результате каждого культурного акта, где каждый элемент структуры может быть представлен в виде подпространства.

Выделение многообразия видов культуры приводит к выводу, что традиция концептуализации культурного пространства ушла от субстанционального его понимания. Культурное пространство выступает не просто формой хранения вещей, явлений, процессов. Оно формируется культурными процессами, регулирует взаимодействия субъектов культуры и в то же время выступает условием формирования и развития последних. Итак, без творческого преобразования окружающей среды культурное пространство не могло бы сформироваться. В культурном пространстве все происходит одновременно, одномоментно, и в то же время наблюдается параллельное существование культурных пространств, их положения, столкновение и т.д.

В своих границах оно не совпадает с другими пространствами. Пространство бытования культуры наполнено явлениями, формами, феноменами, которые и составляют его суть. Здесь можно согласиться с А.С. Карминым, разработавшим трехмерную структуру культурного пространства [28], где культурные феномены группируются в системы и комплексы — культурные формы. Все миры являются крупными типами культурных форм, которые выступают формами, где существует, сохраняется и развивается информационно-знаковое содержание общественной жизни. В.А. Тишков отмечает, что культура существует в пространственно-временном измерении, культурное пространство создано человеком. Культура воскрешает прошлое, реконструирует его по современным образцам. В каждом новом её воплощении происходит процесс «оживания» мысли, реализация её в языке. Крупные формы наполняются более мелкими. Они не изолированы друг от друга, а взаимодействуют между собой. Они могут пересекаться, сочетаться, могут быть составными частями других, однако всякая культурная форма имеет свои отличительные трудности, свою специфику, выделяющую ее среди других форм. Вокруг культурного пространства всегда формируется знаковое, семиотическое пространство, которое наполняет культуру едиными смыслами и обеспечивает единство всей структуры культуры.

Совмещение в культурном пространстве всевозможных «текстов» приводит к его пограничному состоянию. Поэтому особое значение приобретает понятие границы. Граница отделяет внутреннее пространство от внешнего. Для Ю.М. Лотмана всякая культура начинается с разбиения мира на эти два понятия. Но понятие «граница» двусмысленно: с одной стороны, она разделяет, с другой — соединяет. «Она всегда граница с чем-либо и принадлежит обоим погранич-

ным культурам». Таким образом, благодаря своим знаковым свойствам пространственные модели, создаваемые культурой, находятся между конкретно воспринимаемым формальным пространством и внутренним содержательным пространством. Культурное пространство, которое для Ю.М. Лотмана есть пространство общей памяти, граничит с множеством других, которые, будучи разделены, все же друг друга дополняют. Культурное пространство фактически пересекается границами различных уровней, и определенные участки могут образовывать или единое непрерывное пространство, или группу замкнутых пространств, или часть пространства, ограниченную с одной стороны и открытую с другой. Такая особенность культурного пространства порождает некую дуальность, влияющую на характер его движения. «Ядром любой культуры являются идеи и особенно ценности, передающиеся при помощи традиций. Культурные системы могут рассматриваться, с одной стороны, как результат совершенных действий, с другой стороны, как одна из основ действия в будущем». Осмысленный образ этих систем и есть пространство бытования культуры.

Существуя как мысленный конструкт, такое пространство имеет все же свои реальные измерения, не имеющие, однако, абсолютного характера. Такие особенности географически определены тем, что являются некоей творческой «художественной» надстройкой над реальным пространством. Так, это может быть национальное пространство, проявляющееся в специфике национального театра. Например, ритуальные «гулянья» языческой Руси, выраженные в образах народного веселья. Запрещенные с принятием христианства эти образы перешли в пространство театра, из чего и вырос русский театр Петрушки. В этом случае при помощи театрального зрелища в художественных формах вос-

производилось национальное и историческое пространство. Театральными средствами в древности человечество пыталось создать некие идеальные модели культурного осознания пространства. Можно сказать, что пространство бытования культуры — это мыслимое культурное пространство, в котором отражается всякий ответ, который культура дает на базовые потребности человека.

Выделение двух ипостасей культурного пространства (концептуального культурного пространства и пространства бытования культуры) привело к проблеме соотношения категорий «культурное пространство» и «пространство культуры». Одной из первых, кто доказал необходимость разведения этих понятий в определенной традиции, была И.М. Гуткина.

## **ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ**

1. Что такое культурная глобализация?
2. Перечислите этапы переструктурирования планетарного культурного пространства.
3. Под влиянием каких факторов возникали транснациональные цивилизационно-культурные миры планеты?
4. Чем современный этап культурной глобализации отличается от предыдущих?

### **Список рекомендуемой литературы**

1. Каган, М.С. Философия культуры / М.С. Каган. – Санкт-Петербург: Петрополис, 1996.
2. Кантор, К.М. Двойная спираль истории: историософия проектизма. Т. 1. Общие проблемы / К.М. Кантор. – Москва: Языки славянской культуры, 2002. – С. 904. – ISBN 5-94457-035-0.
3. Налимов, В.В. Разбрасываю мысли. В пути и на перепутье / В.В. Налимов. – Москва: Прогресс-традиция, 2000. – ISBN 5-89826-001-3.
4. Перспективы метафизики: классическая и неклассическая метафизика на рубеже веков / под ред. Г.Л. Тульчинского. – ISBN 5-89826-001-3.
5. Савельева, И.М. История и время. В поисках утраченного / И.М. Савельева, А.В. Полетаев. – Москва: Языки русской культуры, 1997.
6. Синергетика, философия, культура. – Москва: РАГС, 2001.
7. Хренов, Н.А. Культура / Н.А. Хренов. – Москва: Эдиториал УРСС, 2002. – ISBN 5-354-00154-4.
8. Эпштейн, М.Н. Философия возможного / М.Н. Эпштейн. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2001. – ISBN 5-89329-424.



9. Любинская, Л.Н. Философские проблемы времени в контексте междисциплинарных исследований / Л.Н. Любинская, С.В. Лепилин. – Москва: Прогресс-Традиция, 2002. – С. 101. – ISBN 5-89826-118-4.

## **ЗАДАНИЯ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ**

### **Работа с ключевыми понятиями, терминами и определениями**

1. Прочитайте предложенные определения культуры, проанализируйте их, выделив опорные слова. Какие из них вы считаете наиболее содержательными? Обоснуйте.

- Культура — исторически определенный уровень развития общества, творческих сил и способностей человека, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях.

- Культура — совокупность смыслов и ценностей, рожденных творческой активностью человека.

- Культура — то, что не передается человеку генетически, всегда осваивается с нуля.

- Культура — это способность человека различными способами вступать в отношения с другими мирами, с Другим.

- Культура — способ познания и упорядочивания мира для практических и психологических нужд человека.

- Культура — средство межпоколенного воспроизводства общества как целостности.

- Культура — это способ выживания и воспроизводства социального человека в истории.

- Культура — это творческая деятельность человека по освоению материального и духовного мира.

- Культура — это система тончайших принуждений, то, что невозможно забыть.

2. Дайте определения понятиям: артефакт, гуманитарные науки, этология, антропология, культурные нормы.

3. Прочитайте и сформулируйте определение понятию «пайдейя».

Французский исследователь А.И. Марру отмечает, что с эпохи эллинизма греческое слово «пайдейя» (воспитание, учение, образование) вплотную приближается к современным понятиям «культура» и «цивилизация». В самом деле, «спросим, что в эллинистическую эпоху обеспечивает единство греческого мира, расширившегося до размеров ойкумены — “обитаемого мира”? Менее чем когда-либо единство крови, — ведь эллинизм включает в себя и усваивает столько иноземных элементов — иранцев, семитов, египтян! Это уже и не политическое единство, которое не пережило смерти Александра. Это мог быть только факт объединения на почве единого идеала, одной мысли, затрагивающей существенную цель человеческой жизни и способы его достижения, одним словом — единство цивилизации или, точнее, культуры» (Марру). Это и есть все то, что выражено понятием «пайдейя». Итак, «образование», «культура», «цивилизация» — в греческой пайдейе эти понятия не просто сближаются, но принципиально совпадают. Понятие образования — пайдейя — стоит в основе греческих представлений о жизни и обществе; даже понятие полиса оказывается по отношению к нему производным.

Когда Варрону и Цицерону пришлось переводить слово «пайдейя», его латинским эквивалентом они избрали *humanitas* (лат. «образование», «воспитание»). А. Геллий вы-

делял в этом понятии два основных смысла: во-первых, филантропический, когда речь идет о снисходительном, сговорчивом и доброжелательном человеке; во-вторых, оно обозначает образованного, знающего человека, стремящегося к постижению благородных — словесных — наук. В последнем случае «гуманитас» определяется как воспитание, основанное на высоком философско-риторическом образовании. Именно благодаря этому смыслу гуманитас становится главным словом итальянских гуманистов. (Асоян, Ю. Открытие идеи культуры: опыт русской культурологи XIX — начала XX в. / Ю. Асоян, А. Малафеев. — Москва: ОГИ, 2001.)

### **Работа с культурологическим текстом**

Прочитайте отрывок из работы Л. Уайта «Что такое культурология» и ответьте на вопросы.

Культурология (*culturology*) — ветвь антропологии, рассматривающая культуру (институты, технологии, идеологии) как специфический порядок явлений, организованных по своим собственным принципам и развивающихся по своим собственным законам. Культурный процесс рассматривается здесь как самодостаточный и самоопределяющийся. Люди, жившие в дописьменную эпоху, уже осознавали тот факт, что они отличаются друг от друга своими обычаями, речью и верованиями. Однако даже столь утонченные люди, какими были греки аристотелевского периода, не имели в своем распоряжении термина, эквивалентного нашему слову «культура». Его в научный оборот ввел Э. Тейлор, который понимал под культурой «совокупность знаний, верований, искусств, законов, обычаев и других умений, приобретенных человеком как членом общества». Он внес окончательную ясность в понимание того факта, что «культура — исключительная собственность людей». До того, как появи-

лась культурология в качестве научной дисциплины, в изучении культуры преобладали чуждые ей подходы, а именно биологические, психологические и социологические. Все явления, в том числе и культурные, сводились к природным, психическим или социальным причинам. Институты, обычаи и верования представляли в них как вторичные факторы, или зависимые переменные. Человек выступал причиной, а культура следствием.

Культурологическая революция перевернула наши воззрения. Культурология утверждает, что люди ведут себя тем или иным образом потому, что родились и воспитаны в определенных культурных традициях. Поведение людей определяется не физической конституцией, генетическим кодом, идеями, желаниями, надеждами или страхом, не процессом социального взаимодействия, а внешней, экстрасоматической культурной традицией. Индивиды, рожденные в тибетской языковой традиции, будут разговаривать по-тибетски, а не по-английски.

Если поведение людей задано культурой, то чем же тогда определяется сама культура? Ответ очевиден. Культуру надо рассматривать как процесс *sui generis*, т.е. имеющий причиной самого себя. Иначе говоря, культурология, в отличие от других наук, изучает только такие культурные явления, которые порождены опять культурными причинами.

Атом нельзя понять, рассматривая лишь его компоненты. Атом — это система, которую следует понимать в терминах ее самой. Свойства сахара несводимы к свойствам атомов углерода, водорода и кислорода, молекулы функционируют как молекулярные системы. Живую клетку нельзя рассматривать в терминах составляющих ее молекул, а биологический организм — в терминах клеточного вещества. Индивиды или организмы не выявляют свойств общества.

Каждый тип системы существует в терминах собственной структуры и функционирования, в терминах собственных принципов и законов. Люди и общества — суть социокультурные системы, они, как и прочие системы, должны рассматриваться в собственных терминах.

**Работы Л.А. Уайта по культурологии: (Сб. пер.). – Москва: ИНИОН, 1996.**

- Что, по мнению Л. Уайта, определяет поведение людей?
- В чем видит Л. Уайт сущность культурологической революции?

1. Проанализируйте существующие определения культуры с точки зрения их отношения к человеку. Является ли культура системой, позволяющей человеку приспособиться к жизни или она враждебна для человека, разрушает его, подавляет его свободу? Предложите собственное понимание культуры.

2. Напишите рецензию (или реферат) на одну из работ Л. Уайта («Наука о культуре», «Эволюция культуры»).

**Список рекомендуемой литературы**

1. Шендрик, Л.И. Теория культуры / Л.И. Шендрик. – Москва: ЮНИТИ, 2002. – ISBN 5-238-00349-8.
2. Драч, Г.В. Культурология: учебник для вузов / Г.В. Драч, О.М. Штемпель, В.К. Королев. – Санкт-Петербург: Питер, 2010. – ISBN 978-5-496-00022-2.
3. Кононенко, Б.И. Большой толковый словарь по культурологии / Б.И. Кононенко. – Москва: АСТ, 2003. – ISBN 978-5-496-00022-2.
4. Найдорф, М.И. Введение в теорию культуры: основные понятия культурологи / М.И. Найдорф. – Одесса: Друк, 2005.

5. Соловьев, В.М. Культурология / В.М. Соловьев. – Москва: Академический проект, 2006. – ISBN 5-8291-0721-X.
6. Ермышына, Н.Д. Культурология: учеб, пособие для вузов / Н.Д. Ермышына. – Москва: Академический проект, 2006. – ISBN 978-5-8050-0346-3.
7. Кармин, А.С. Культурология / А.С. Кармин, Е.С. Новикова. – Санкт-Петербург: Питер, 2007. — 464 с: ил. – ISBN 5-94723-733-4.
8. Уайт, Л. Избранное: Наука о культуре / Л. Уайт. – Москва: РОССПЭН, 2004. – ISBN 5-8243-0480-7.
9. Уайт, Л. Избранное: Эволюция культуры/ Л. Уайт. – Москва: РОССПЭН, 2004. – ISBN 5-8243-0483-1.

## БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии / К. Маркс. – Москва: Политиздат, 1967. – Т. 1. – С. 188–209.
2. Мамардашвили, М. Мысль в культуре / М. Мамардашвили // Сознание и цивилизация. – Санкт-Петербург, 2011. – С. 99–114. – ISBN 978-5-389-01291-2.
3. Маркс, К. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс // Собрание сочинений. – Т. 3. – С. 18–19, 30, 37, 69, 72, 76–77.
4. Пригожин, И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс; перевод с англ. Ю.А. Данилова; общ. ред. и послесл. В.И. Аршинова и др. – Москва: Прогресс, 1986. – 431 с. – ISBN 5354002672.
5. Лобок, А.М. Антропология мифа / А.М. Лобок. – Москва: Банк культурной информации, 1997.
6. Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. / К. Маркс. – Москва: АСТ, 2023. – ISBN 978-5-17-152737-2.
7. Ильин, В.В. Философия истории / В.В. Ильин. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 2003. – 380 с. – ISBN 5-211-04688-9.
8. Хаёрова, Ю.Г. Жизненное пространство и время как форма самособирания человека / Ю.Г. Хаёрова. – Казань, 2007. – С. 224–232.
9. Кребер, А. Культура. Критический обзор концепций и дефиниций / А. Кребер, К. Клакхон. – Москва, 1992.
10. Моль, А. Социодинамика культуры / А. Моль. – Москва: Изд-во ЛКИ, 2008.
11. Степин, В.С. История и философия науки: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук / В.С. Степин. – Москва: Академический Проект; Трикста, 2011. – 423 с. – ISBN 978-5-8291-3324-5.
12. Гирц, К. Интерпретация культур / К. Гирц. – Москва: РОСПЭН, 2004. – ISBN 5-8243-0474-2 (в пер.).
13. Балюта, П.А. Пространство культуры и культурное пространство определение, специфика и взаимодействие / П.А. Балюта. – Омск, 2014. – С. 68–70.

14. Иконникова, С.Н. История культурологических теорий. – 2-е изд., переработанное и дополненное / С.Н. Иконникова. – Санкт-Петербург: Питер, 2005. — 474 с: ил. – (Серия «Учебное пособие»). – ISBN 5-469-00310.
15. Достоевский, Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 14 / Ф.М. Достоевский. – Ленинград: Наука, 1988–1996.
16. Трипузов, М.Г. К вопросу изучения феномена культурного пространства в зеркале культурологического анализа / М.Г. Трипузов // Культура и цивилизация. – 2019. – Т. 9. – № 2А. – С. 133–140.
17. Аристотель. О душе: сочинения: в 4 т. / Аристотель. – Москва: Мысль, 1983.
18. Сапронов, П.А. Культурология: курс лекций по теории и истории культуры / П.А. Сапронов. – Санкт-Петербург, 2001. – С. 131–133. – ISBN 5-289-02010-1.
19. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – Москва, 1969. – ISBN 5-250-01357-0.
20. Кармин, А.С. Культурология: культура социальных отношений / А.С. Кармин. – Санкт-Петербург, 2000. – ISBN 5-94723-733-4.
21. Купцов, В.И. Философия и методология науки / В.И. Купцов. – Москва: Аспект Пресс, 1996. – 551 с. – ISBN 5-8114-0471-9.
22. Лойфман, И.Я. Онтогенез духовности и мировоззренческая функция максим культур / И.Я. Лойфман // Вестник Гуманитарного университета. – 2017. – № 4 (19).
23. Лазутина, Т.В. Философия античности как полифункциональный феномен / Т.В. Лазутина // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 383. – С. 62–69. – ISBN 978-5-9961-0855-8.
24. Энгельс, Ф. Анти-Дюринг / Ф. Энгельс // К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – Т. 20. – С. 51.
25. Декарт. Рассуждение о методе / Декарт // Сочинения: в 2 т. Т. 1. – Москва: «Мысль», 1989. – ISBN 5-244-00022-5.
26. Кант, И. Критика чистого разума и другие сочинения / И. Кант. – Москва: Изд-во ЧОРО, 1994. – С. 52–413. – ISBN 5-8497-0002-1.



27. Гердер, И. Идеи к философии истории человечества / И. Гердер. – Москва: Наука, 1977. – 703 с.
28. Гегель, Г. Энциклопедия философских наук / Г. Гегель. – Т. 3. Философия духа. – Москва: Мысль, 1977. – С. 343.
29. Ляпкина, Т.Ф. Методология изучения культурного пространства региона / Т.Ф. Ляпкина // Российский институт культурологии. – URL: [http://www.riku.ru/confs/vrem\\_cul/LyapkT.htm](http://www.riku.ru/confs/vrem_cul/LyapkT.htm) (дата обращения: 12.12.2016).
30. Шпенглер, О. Закат Европы: очерки морфологии мировой истории / О. Шпенглер. – Москва: Айрис-Пресс, 2004. – ISBN 5-244-00656-8; ISBN 5-244-00657-6.
31. Свирида, И.И. Пространство и культура: аспекты изучения / И.И. Свирида // Славяноведение. – 2003. – № 4. – С. 14–24.
32. Быстрова, А.Н. Культурное пространство как предмет философской рефлексии / А.Н. Быстрова // Философские науки. – 2004. – № 12. – С. 24–40.
33. Мелюхин, С.Т. Пространство и время / С.Т. Мелюхин // Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. – Москва: Сов. Энциклопедия, 2004. – 840 с.
34. Иконникова, С.Н. История культурологических теорий / С.Н. Иконникова. – Санкт-Петербург: Питер, 2005. – 474 с. – ISBN 5-469-00310-8.
35. Преснякова, Л.В. Понятие «культурное пространство» в работах современных российских исследователей / Л.В. Преснякова // Вестник РГГУ. Серия «Культурология. Искусствоведение. Музеология». – 2013 – № 7 (108). – С. 56–64.
36. Лошкарёв, И.Д. Роль диаспор в современной мировой политике / И.Д. Лошкарёв // Вестник МГИМО–Университета. – 2015. – № 2 (41). – С. 127–133.
37. Кармин, А.С. Философия культуры в информационном обществе: проблемы и перспективы / А.С. Кармин // Вопросы философии. – 2006. – № 2. – С. 52–61.
38. Гуткина, И.М. Культурное пространство: проблемы и перспективы изучения / И.М. Гуткина // Философия и современность / под ред. Б.В. Устьянова. – Саратов: Научная книга, 2003. – 103 с.

39. Лотман, Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. / Ю.М. Лотман // Статьи по семиотике и топологии культуры. – 1992. – 479 с. – ISBN 5-450-01551-8.
40. Randviir, A. Space and Place as Substrates of Culture / A. Randviir // Proceedings of the Estonian Academy of Arts. – 2002. – № 10. – P. 140–154.
41. Замятин, Д.Н. Культура и пространство. Моделирование географических образов / Д.Н. Замятин. – Москва: Знак, 2006. – 488 с. – ISBN 5-9551-0144-6.
42. Лебедева, М.М. Глобальные тенденции развития университетов и трансформация российской образовательной политики / М.М. Лебедева, О.Н. Барабанов // Вестник МГИМО-Университета. – 2012. – № 6 (27). – С. 265–269.
43. Астафьева, О.Н. Транснационализация культурного пространства: государство и проблемы координации коммуникативных стратегий / О.Н. Астафьева // Российский комитет программы ЮНЕСКО «Информация для всех». – URL: [http://www.ifapcom.ru/files/Moni-toring/astafyeva\\_transnac\\_kult\\_prost.pdf](http://www.ifapcom.ru/files/Moni-toring/astafyeva_transnac_kult_prost.pdf) (дата обращения: 12.12.2016).
44. Clair, R. () The Framework of Cultural Space / R. Clair, A. Williams // Intercultural Communication Studies. – 2008. – Vol. XVII (1). – P. 1–14.
45. Касаткин, П.И. Культурное пространство: аксиологический аспект / П.И. Касаткин // Знание. Понимание. Умение. – 2017. – № 4.
46. Кургузов, В.Л. О научном статусе культурологии / В.Л. Кургузов // Вестник ВСГУТУ. – 2013. – № 3.
47. Риккерт, Г. Философия жизни / Г. Риккерт. – Киев: Ника-Центр, 1998. – 505 с.
48. Трусова, В.В. Концепция культуры в философии немецкого неокантианства / В.В. Трусова // Общество: философия, история, культура. – 2016. – № 11. – С. 54–57.
49. Выжлецов, Г.П. Аксиология культуры в системе культур философского знания / Г.П. Выжлецов // Вестник Новгородского государственного университета. – 2000. – № 16. – С. 32–36.

50. Балюта, П.А. Пространство культуры и культурное пространство. Определение специфики / П.А. Балюта. – Омск: Омский государственный технический университет, 2014. – ISBN 978-5-8149-0822-3.
51. Schein, E. Coming to a new awareness of organizational culture / E. Schein // Sloan Management Review. – 1984. – № 25 (2). – P. 3–16.
52. Vauclair, C.M. Measuring cultural values at the individual-level: considering morality in cross-cultural value research / C.M. Vauclair // Revista de administracao mackenzie. – 2009. – Vol. 10. – № 3. – URL: <http://www.scielo.br/pdf/ram/v10n3/a05v10n3.pdf> (дата обращения: 12.12.2016).
53. Каган, М.С. Философия культуры / М.С. Каган. – Санкт-Петербург, 1996. – ISBN 5-86708-073-0.
54. Пигалев, А.И. Культура как целостность: методологические аспекты / А.И. Пигалев. – Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2001. – 468 с.
55. Фролова, С.В. Образовательное пространство как феномен философского знания: в 9 ч. (томах) / С.В. Фролова, Е.Ю. Илалтдинова. – Нижний Новгород, ВВАГС: Мининский университет, 2017. – ISBN 978-5-9908655-3-2.
56. Гуссерль, Э. Интенциональные предметы / Э. Гуссерль; предисл. и пер. Р. Громова // Логос. – 2001. – № 5/6. – С. 132–164. – ISBN 5-7333-0177-5.
57. Молчанов, В.И. Феномен пространства и происхождение времени / В.И. Молчанов. – Москва: Академический проект, 2015. – 277 с. – ISBN 978-5-8291-1752-8.
58. Фролова, С.В. Проектирование воспитательного пространства образовательной организации / С.В. Фролова, Е.Ю. Илалтдинова, Ф.В. Повshedная. – Москва: Флинта, 2017. – ISBN 978-5-9765-3016-4.
59. Хайдеггер, М. Время и бытие / М. Хайдеггер. – Москва: Республика, 1993. – С. 72. – ISBN 5-250-01496-8.
60. Хайдеггер, М. Очерки философии. О событии / М. Хайдеггер // Вопросы философии. – 2006. – № 11. – С. 164–166.
61. Фромм, Э. Человек для себя / Э. Фромм. – Минск, 2003. – 290 с. – ISBN 5-88386-002-9.

62. Неклесса, А.И. Постсовременный мир в новой системе координат / А.И. Неклесса // Глобальное сообщество: новая система координат. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2000. – ISBN 5-89329-240-5.
63. Гегель, Г. Феноменология духа / Г. Гегель. – Санкт-Петербург: Наука, 1992.
64. Фихте, И.Г. Основные черты современной эпохи / И.Г. Фихте // Фихте И.Г. Соч.: в 2 т. – Санкт-Петербург: Мифрил, 1993. – Т. 2. – С. 359–617. – ISBN 5-86457-003-6 (т. 1); ISBN 5-86457-004-4 (т. 2).

*Учебное издание*

**Баркова Валентина Васильевна**

**КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО**

Учебно-методическое пособие

ISBN 978-5907790-05-6.

Работа рекомендована РИС ЮУрГГПУ  
Протокол № 28 от 2023 г.

Издательство ЮУрГГПУ  
454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 69

Редактор Е.М. Сапегина  
Технический редактор Т.Н. Никитенко

Подписано в печать 15.05.2023.  
Тираж 100 экз. Формат 60×84/16.  
Объём 7,6 уч. изд. л. (10,8 усл. печ. л.)  
Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ЮУрГГПУ  
454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 69